

Est.

October, 2018

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

URAL JOURNAL

OF LEGAL RESEARCH

3 (24) 2023

В этом выпуске:

Корецкий Д. А.

Оценка личности преступника
в теории и практике

Евсеева И.Д.

Компенсация морального вреда,
причиненного в процессе оказания
медицинских услуг

Степанов К.А.

К вопросу о правовой природе
и правомерности требований
к внешнему виду работника

Featured:

Daniil A. Koretsky

Assessing the Identity of the Perpetrator
in Theory and Practice

Irina D. Evseeva

Compensation for Moral Harm Caused
During the Provision of Medical Services

Kirill A. Stepanov

On the Question of the Legal Nature
and Legality of the Requirements
for the Appearance of the Employee

Екатеринбург | Yekaterinburg 2023

**3(24)
2023**

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования | Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education

Уральский государственный юридический университет им В.Ф. Яковлева
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Чернигова София Андреевна

Члены редакционной коллегии:

Ангоренова Виктория Александровна
Туркина Диана Андреевна
Тхай Виктория Рудольфовна
Кутырев Александр Александрович
Рыжкова Александра Петровна
Сафронова Екатерина Владимировна
Бандурина Дарья Александровна

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета:

Сергеев Д.Н. – к.ю.н., доц. каф. уголовного права УрГЮУ;

Члены редакционного комитета:

Азаренок Н.В. – к.ю.н., доц. каф. уголовного процесса УрГЮУ;
Васильев А.С. – к.ю.н., доц. каф. гражданского права УрГЮУ;
Козаченко И.Я. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., зав. каф. уголовного права УрГЮУ;
Корте Густаво – доктор наук, директор центра междисциплинар. иссл. (Сан-Пауло, Бразилия);
Лихачев М.А. – к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права УрГЮУ;
Мочалов А.Н. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права УрГЮУ;
Радостева Ю.В. – к.ю.н., доц. каф. уголовного права УрГЮУ;
Самсон Бенджамин – доктор наук, зам. прокурора г. Манила (Филлиппины);
Ярков В.В. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., зав. каф. гражданского процесса УрГЮУ.

Свидетельство о регистрации:

№ ЭЛ № ФС 77-73574 от 31.08.2018 г.

Адрес редакции:

620137, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 23, оф. 307

Editorial Board:

Chief Editor:

Chernigova Sofia Andreevna

Editors:

Angorenova Victoria Alexandrovna
Turkina Diana Andreevna
Thai Victoria Rudolfovna
Kutyrev Alexander Alexandrovich
Ryzhkova Alexandra Petrovna
Safronova Ekaterina Vladimirovna
Bandurina Darya Alexandrovna

Editorial Council:

Editorial Committee Chairman:

Sergeev D.N. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Law Dep., USLU.

Members of the Editorial Committee:

Azarenok N.V. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Procedure Dep., USLU
Vasiliev A.S. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Civil Law Dep., USLU;
Kozachenko I.Ya. – Honored Scientist of Russia, Doc. of Jur. Sci., prof., Head of the Criminal Law Dep., USLU;
Gustavo Korte – PhD, Head of the Interdisciplinary Research Center (São Paulo, Brazil);
Likhachev M.A. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the International and European Law Dep., USLU;
Mochalov A.N. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Constitutional Law Dep., USLU;
Radosteva Yu.V. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Law Dep., USLU;
Samson Benjamin – PhD, Deputy Prosecutor of the Manila (Philippines);
Yarkov V.V. – Honored Scientist of Russia, Doc. of Jur. Sci., prof., Head of the Civil Procedure Dep., USLU.

Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77-73574, 31.08.2018

Address:

620137, Sverdlovsk region, Yekaterinburg,
Komsomolskaya st., 23, off. 307

Содержание:

Корецкий Д.А. Оценка личности преступника в теории и практике	3
Аширбакиев Р.М. Правовая регламентация принципа автономии университетов в России: содержание, ограничение, правовая природа	21
Бандурина Д.А. Современные тенденции в уголовно-исполнительной сфере: гуманизация условий отбывания наказания в России и Казахстане	28
Бисултанов Д.Ш. / Ершова П.А. Некоторые проблемы кодификации законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах	37
Евсеева И.Д. Компенсация морального вреда, причиненного в процессе оказания медицинских услуг	43
Кичигин С.В. Категории чрезмерности и явной неразумности судебных расходов на представителя	50
Степанов К.А. К вопросу о правовой природе и правомерности требований к внешнему виду работника	60
Уфимцев А.Д. Городское самоуправление горного города Екатеринбург	66
Шарифулин А.А. / Шарифулин Г.А. Освобождение от уголовной ответственности в контексте презумпции невиновности	77

Table of Contents:

Daniil A. Koretsky Assessing the Identity of the Perpetrator in Theory and Practice	3
Rinat M. Ashirbakiev Legal Regulation of the Principle of University Autonomy in Russia: Content, Limitation, Legal Nature	21
Daria A. Bandurina Modern Trends in the Penal Enforcement Sphere: Humanization of the Conditions of Serving Sentences in Russia and Kazakhstan	28
Deni Sh. Bisultanov / Polina A. Ershova Some Problems of Codification of the Legislation of the Russian Federation on Elections and Referendums	37
Irina D. Evseeva Compensation for Moral Harm Caused During the Provision of Medical Services	43
Sergey V. Kichigin Categories Excessiveness and Patently Unreasonable Court Cost for a Representative	50
Kirill A. Stepanov On the Question of the Legal Nature and Legality of the Requirements for the Appearance of the Employee	60
Anton D. Ufimtsev Local Self-Government of the Mountain City Yekaterinburg	66
Artem A. Sharifulin / Gennady A. Sharifulin Exemption from Criminal Liability in the Context of the Presumption of Innocence	77

УДК 343.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_3

Корецкий Данил Аркадьевич

Koretski@mail.ru
Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Оценка личности преступника в теории и практике

Корецкий Д.А. / Оценка личности преступника в теории и практике // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 3–20. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_3

Аннотация:

Научные представления о личности преступника в значительно большей мере отражают воззрения учёных, изучающих эту проблему на основе теоретических источников из различных наук, чем практику, ядром которой должно служить непосредственное изучение лиц, совершивших преступления. Научный терминологический аппарат, которым активно пользуются ученые, далёк от того, которым владеют объекты исследования, в связи с чем встаёт вопрос: имеют ли теоретические концепции что-то общее с практической стороной проблемы, или исследования существуют сами по себе и отражают представления и воззрения учёных, а личность преступника существует сама по себе и пересекаются они лишь на страницах научных статей и монографий, и то однобоко? Автор даёт оценку существующим подходам к оценке личности преступника в науке и правоприменительной практике. Отмечается, что существующие научные представления о личности преступника основываются преимущественно на основе теоретических источников из различных наук (философии, социологии, уголовного права, криминологии и т.д.), при этом фактически отсутствуют работы, посвященные непосредственному изучению лиц, совершивших преступления. Подвергается критической оценке современный научный терминологический аппарат, активно используемый при характеристике личности преступника. Автор приходит к выводу, что теоретические концепции описания объекта исследования не отражают всех его сущностных черт. В частности, при описании и оценке личности преступника никогда не принимаются во внимание биологические составляющие индивида. В науке отмечается смешение понятий «личность преступника», «лицо, совершившее преступление», «субъект преступления», «осужденный», что требует обязательного уточнения. Автор приходит к выводу о необходимости изменения подходов к изучению личности преступника и лиц, совершивших преступления, с целью разработки новой стратегии и тактики предупредительно-профилактической работы.

Ключевые слова:

личность преступника, биологические свойства личности преступника, «тревожный» и «неуверенный» преступник, специфические свойства личности, преступник, носитель личности преступника.

УДК 343.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_3

Daniil A. Koretsky

Koretski@mail.ru
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law Southern Federal University

Assessing the Identity of the Perpetrator in Theory and Practice

Daniil A. Koretsky / Assessing the identity of the perpetrator in theory and practice // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 3. P. 3–20. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_3

Abstract:

Scientific ideas about the personality of a criminal reflect to a much greater extent the views of scientists studying this problem on the basis of theoretical sources from various sciences than the practice, the core of which should be the direct study of the perpetrators of crimes. The scientific terminological apparatus that scientists actively use is far from that possessed by the objects of research, which raises the question: do theoretical concepts have something in common with the practical side of the problem, or do studies exist by themselves and reflect the ideas and views of scientists, and the identity of the criminal exists by itself and intersect are they only on the pages of scientific articles and monographs, and then one-sidedly? The author evaluates the existing approaches to assessing the personality of a criminal in science and law enforcement practice. It is noted that the existing scientific ideas about the personality of a criminal are based mainly on the theoretical sources from various sciences (philosophy, sociology, criminal law, criminology, etc.), while there are virtually no works devoted to the direct study of persons who committed crimes. The modern scientific terminological apparatus, which is actively used in characterizing the personality of a criminal, is being critically evaluated. The author comes to the conclusion that the theoretical concepts of the description of the research object do not reflect all its essential features. In particular, the biological components of an individual are never taken into account when describing and evaluating the identity of a criminal. In science, there is a confusion of the concepts of «the personality of the criminal», «the person who committed the crime», «the subject of the crime», «convicted person», which requires mandatory clarification. The author comes to the conclusion that it is necessary to change approaches to the study of the personality of the offender and the perpetrators of crimes in order to develop a new strategy and tactics of preventive work.

Keywords:

criminal's personality, biological properties of the criminal's personality, «anxious» and «insecure» criminal, specific personality properties, criminal, carrier of the criminal's personality.

Научные представления о личности преступника складывались из разных теоретических и практических источников: философии, социологии, психологии, криминалистики, уголовного права, а практическим - деятельность по предупреждению и расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел в судах, исправлению преступников. Особую роль сыграли специальные криминологические изыскания [1].

Сложные и довольно разнообразные модели личности и структуры преступника, созданные учёными разных специальностей хороши всем кроме одного: они эволюционно и содержательно противоречивы, нередко приходится сталкиваться с упрощенчеством и формализацией, при которых прямолинейная зависимость предполагается между явлениями, связь между которыми на самом деле, является гораздо более сложной и отнюдь не линейной. Например: «Изучение лидерских способностей преступников особенно важно для сферы борьбы с организованной преступностью» [1, с. 139].

А главное, теоретические заключения исследователей не корреспондируют с представлениями о самих лицах, совершающих преступления. Больше того, изучаемые вряд ли разберутся в сути различных высказанных концепций о своей личности, и едва ли согласятся с ними. Во всяком случае, в беседах с этим контингентом, сложные умозаключения, дискуссионные формулировки и замысловатые объяснения учёных их собственной сути, практически не фигурируют из-за их наукообразности, во многом надуманности, и расположенности далеко от подлинных чувств, которые они испытывали и мотивов, которые ими, на самом деле, руководили при совершении преступлений, а также до и после него. Научный терминологический аппарат, которым активно пользуются исследователи, далёк от того, которым владеют объекты исследования, в связи с чем встаёт вопрос: имеют ли теоретические концепции что-то общее с практической стороной проблемы, или исследования существуют сами по себе и отражают представления и воззрения учёных, а личность преступника существует сама по себе и пересекаются они лишь на страницах научных статей и монографий?

Иными словами, учение (или учения) о личности преступника отражает представление «чистых» теоретиков о предмете исследования, либо мнение практических работников полиции, следственных органов и ФСИН о лицах, с которыми им приходится иметь дело по службе. При этом, учёные в большинстве своём не знают практических сторон проблемы не только в мире, но и в нашей стране. Интересно, что за последние годы только один криминолог изучал не зарубежные монографии (что тоже неплохо), а бандитские фавелы Рио-де-Жанейро, разностороннюю цыганскую жизнь в Одессе, закоулки Макао, суд в Гонконге, тюрьму Пинеирос II в Сан-Паулу [2, с. 13-18; 35-45; 57-59; 91-93]. Хочется думать, что это только первый шаг в современной криминологии, и он внушает надежды.

Сотрудники правоохранительных органов далеки от теории, а личности изучаемых дистанцированы от теоретиков и практиков или чисто физически, или ментально, так как научные работники по ряду причин, в том числе и объективных, общаются с ними всё реже и всё поверхностней, а представители официальных структур, контактируя с ними, решают задачи, далёкие от научных, но связанные с дальнейшей судьбой обвиняемых или осуждённых, что не способствует откровенности и сближению сторон.

В 60-е годы прошлого века, когда советская криминология заново возродилась, она старательно уходила от изучения личностных свойств преступника, хотя вроде бы их и признавала, но исключительно на индивидуальном уровне конкретного человека, как следствие неблагоприятно сложившегося для него процесса нравственного развития, определяемого воздействием социума, и ка-

тегорически отрицая при этом возможность каких-либо обобщений: «Опираясь на психологические данные одного человека, делать в криминологии выводы и обобщения в отношении другого (а следовательно, разрабатывать на этой основе какие-то «общие» мероприятия) - занятие антинаучное» [3, с. 138]. Из такого подхода вытекала «антинаучность» учения о личности преступника: «... изучение общественно-индивидуального лица преступников необходимо и не имеет ничего общего с “выявлением” психофизиологических черт, якобы присущих всем преступникам данной категории» [3, с. 135], а всё внимание концентрировалось на отдельных фигурантах: почему один человек в определённых условиях совершает преступление, а другой в таких же условиях преступление не совершает, какие «социальные тормоза» действовали у второго, и почему они оказались слабыми у первого [3, с. 139]?

При этом игнорировалось (и игнорируется до сих пор), что один и тот же человек в одних и тех же условиях может поступить (и нередко поступает) совершенно противоположным образом, доказывая, что никаких надежных «социальных тормозов» не существует даже в рамках личности одного индивида, либо они не всегда включаются! И что совершенное преступление является следствием сложного взаимодействия его личностных свойств, находящихся в нестабильном состоянии под влиянием внешнего воздействия или глубоких внутренних переживаний. Хотя, в принципе, такое понимание появилось, когда от господства социологизации в советской криминологии, были сделаны шаги к изучению собственно индивида, структуру личности которого наделили тремя основными подсистемами: социальный статус, социальные функции и нравственно-психологические характеристики [4, с. 87]. Причём было признано, что основные компоненты, например, социально-демографические, мировоззренческие, интеллектуальные являются общими, характерными для всех людей – как совершенно законопослушных, так и правонарушителей, а специфические, уголовно-правовые признаки, характерны именно и только для преступников [5, с. 104-107], [6, с.83-86], [7, с. 104-107].

Проще всего, естественно, изучать общие для всех *homo sapiens* признаки: пол, возраст, образование, место работы, тип темперамента и т.п. Они являются очевидными, как правило, не скрываются, к тому же, отражены в ряде документов. Если отобрать для изучения группу лиц, совершивших преступления, то можно довольно быстро интегрировать эти данные, классифицировать их по различным показателям, ранжировать и установить, что мужчины количественно преобладают над женщинами, лица совершающие экономические преступления старше и образованнее карманных воров, грабителей и разбойников и т.д., и т.п.

Эти результаты, несомненно, представляют интерес для криминологии, но они являются вторичными, так как названные признаки сами по себе не обуславливают совершения преступлений и не приводят в действие механизм преступного поведения. Когда выделяются наиболее распространённые по возрасту группы осуждённых, то совершенно очевидно, что вовсе не число прожитых лет определяет преобладание молодёжи среди насильственных преступников, либо зрелых людей среди взяточников, а объективные и субъективные возможности, которые присущи той или иной возрастной категории. Таким образом, нельзя считать, что какая-либо возрастная, социальная или гендерная группа определяет характер совершаемых её членами преступлений. То же самое касается и негативных социально-психологических черт того или иного лица - агрессивности, жадности, недостаточного уровня культуры, низкого порога мотивации и т.д., ибо они тоже далеко не всегда, а опираясь на соотношение статистических величин - довольно редко, выступают в качестве побудительного мотива престу-

пленя среди общего числа их носителей. Встречаются демонстративно-щедрые воры и законопослушные скупцы, делающие невыносимой жизнь членов семьи; наряду с агрессивными опасными преступниками, мы знаем сотрудников правоохранительных органов, использующих собственную агрессию для нейтрализации бандитов; вопреки классической схеме распределения гендерных ролей в бытовых преступлениях, приходилось сталкиваться с их зеркальным отражением: в роли семейного дебошира выступала пьяница-жена, работавшая грузчиком, избивавшая смирного и безответного мужа и убившая его в конце концов ударом кухонного ножа.

Поэтому встаёт вопрос: а могут ли вообще существовать социально-психологические качества личности, изначально играющие криминогенную роль в её поведении? Иными словами: обладает ли социальное существо антисоциальными личностными свойствами, в частности, негативной мотивацией, определяющей его преступное поведение или побуждающей к нему [8, с. 37-38]? Этот вопрос решают по-разному, но представляется убедительной позиция, что «сам по себе мотив, как внутреннее побуждение не является чем-то преступным, он становится таковым, лишь когда выступает элементом субъективной стороны запрещенного уголовным законом деяния» [10, с. 40]. Следует отметить, что в своё время по этому поводу было сформировано куда более оптимистически-комплиментарное мнение, согласно которому «в социалистическом обществе сформировался и является господствующим новый тип личности – советский человек. Это – гармонично развитая, общественно активная личность, сочетающая в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство [8, с. 87]. Впрочем, далее авторы оговаривались, что не все граждане страны уже сейчас могут быть признаны носителями свойств такого типа – некоторые нарушают уголовный закон, «когда причиной преступления выступают социально-значимые отрицательные свойства личности (общественная опасность) в определённой жизненной ситуации» [8, с. 88].

Надо отметить очевидный факт: общественная опасность личности и общественная опасность, как свойство личности – суть разные вещи. И такого самостоятельного признака, как «общественная опасность» не существует ни в одной из признаваемых подсистем личности, поэтому вопрос о том, какие же именно отрицательные личностные качества ответственны за общественно опасные действия индивида, в столь победоносной трактовке остался открытым. Надо сказать, что и сейчас, треть века спустя, четких ответов на этот вопрос очень мало, если они вообще имеются. В их числе называют психические аномалии, нарушения социальной адаптации, антиобщественные взгляды и ориентации, отчуждение от общества и его ценностей [1, с. 136-137] и тому подобные черты, которые носят чрезмерно общий характер и годятся скорее для научно-теоретических объяснений, чем для реально-прикладной деятельности. И сами сторонники данной позиции признают совершение неожиданных для данного субъекта преступлений, резко выходящих за рамки его обычного поведения и вроде, ничем не мотивированных, но тут же объясняют, что это лишь внешнее впечатление, а в результате глубокого анализа всегда можно обнаружить закономерности преступного поведения. При этом авторы предостерегают от устранения в ходе воспитательно-профилактического воздействия негативных психологических черт преступника, например, агрессивности, так как это может привести к разрушению личности и психическим расстройствам [1, с. 137-138].

Насколько в действительности возможно столь глубокое проникновение в психологию субъекта, сказать трудно. Правда, когда подобное «зондирование» проводится в отношении лица, уже совершившего преступление и «стигмати-

зированной» как преступник, то найти или «найти» у него негативные характеристики гораздо проще, чем у профилируемого гражданина, не проявившего себя в качестве такового. А уж такие строго избирательные «ментальные операции» во внутреннем мире лица, совершившего преступление, как щадяще-умеренное ограничение агрессивности, можно представить только в фантастических фильмах.

Во многом, проблемы, возникающие при изучении личности преступника, вызваны полным отторжением в свое время биологической составляющей человека: «личность изучается не как некий индивид, якобы обладающий определёнными задатками и предрасположенностью к совершению преступлений, не как комплекс физиологических и психологических качеств, являющихся «внутренними причинами преступности», якобы присущими человеку, а как член общества, живущий в обществе, среди людей...» [3, с. 133-134]. И хотя сейчас криминогенное воздействие биологических свойств личности признаётся в качестве возможного условия преступления, но делается это достаточно осторожно и с искусственными ограничениями. Теория хромосомной аномалии в российской криминологии фактически осталась неизученной (неизвестно, изучалась ли она на серьёзном уровне отечественной психиатрией), гормональные всплески у виновных, предшествующие тяжким насильственным и половым преступлениям, самоубийствам, остаются без внимания, так же, как неадекватные вспышки агрессии, связанные с вызывающе-дерзким угрожающим поведением конкретным лицам или всем, находящимся вокруг.

Так, недавно 19 - летний воронежец Денис Баронин осуждён на 8 лет за убийство 52-летнего мужчины, отказавшегося дать ему закурить, а также за нанесение ударов в голову кулаками и стеклянной бутылкой 35-летнему гражданину, который пытался заступиться за жертву. Ранее, в 2020 году он был осуждён к 3 годам условно за беспричинное избиение тридцатилетнего мужчины в результате которого хирурги провели потерпевшему трепанацию черепа. В том же двадцатом году Баронин нарушил условия домашнего ареста и снова избил на улице 24-летнего местного жителя и его подругу. В ходе следствия выяснилось, что Баронин с 15 лет избивал бездомных и сверстников, фиксируя это на телефон и выкладывая в соцсетях¹.

Между тем, ряд биофизиологических дефектов личности, не являясь криминогенным сам по себе, оказавшись в социальной среде, где эти дефекты не принимаются с пониманием и сочувствием, а напротив – вызывают негативное отношение к их носителю, насмешки, издевательства, снижение социального статуса и, как следствие, определяют предпреступное, поведение, которое своевременно не пресекаясь, обуславливает преступление. Низкий уровень интеллектуального развития порождает плохую успеваемость в школе, выбор социального окружения из числа таких же «отверженных», ответное неприятие позитивной социальной среды и протестного избрание несвойственных ей форм предкриминального и криминального поведения, которым создаётся видимость компенсации низкого уровня собственного развития и стратификации. Низкий уровень образования обуславливает низкий уровень доходов, отсюда внешний вид, привычки, манеры, компания, соответствующее проведение досуга, которое позитивным обществом не одобряется, правонарушения, - всё это усиливает разобщение позитивных и негативных страт, причём вопреки устойчивому представлению, объясняется это в первую очередь всё же биологическими факторами, которые, надо признать, не корректируются в должной степени социу-

1 <http://bloknot-voronezh.ru>

мом. Огрублённый уровень физиологических и психологических потребностей маргинальной личности, определяет её дальнейшую жизнь. В частности, лица такого типа легче приспосабливаются к условиям содержания в СИЗО и ИК, без кризисов и стрессовых ситуаций переносят высокую скученность в камере, сырость, недостаток воздуха, из-за которых трудно зажечь спичку, низкое качество еды, обстановку постоянной опасности со стороны сокамерников...

Развитый человек с иным уровнем потребностей и привычек, оказавшись в такой обстановке, скорее всего покончит с собой или опустится на самое дно социальной стратификации и довольно быстро погибнет. А маргинал – носитель интеллектуальных и психофизиологических дефектов, напротив – чувствует себя вполне удовлетворительно и может, при благоприятном стечении обстоятельств, подняться вверх по иерархической лестнице и стать уважаемым членом криминального сообщества, которое успешно заменило ему позитивную социальную среду. И, как ни горько признавать, обусловлено это, в первую очередь, биологическими, а не социальными факторами. Обходятся молчанием вместо обычно пространных научных объяснений, столь же отвратительные, сколь и красноречивые факты: половые перверсии, садизм и каннибализм в криминальной среде. Наверное, потому, что труднее (если вообще возможно) объяснить, будто они определяются «обществом в целом, определяемым присущими данному строю способом производства, социальной структурой, укладом жизни...» [3, с. 151] и так далее.

Надо сказать, что зачастую, сложившие в криминологической теории стереотипы далеки от реальности, либо слишком однозначны и отражают лишь отдельные черты из совокупности множества взаимодействующих в генезисе преступного поведения факторов. Таково, например, широко распространенное представление об обратной зависимости между уровнем образования и преступностью. Однако, как совершенно правильно заметил Я.И. Гилинский, это верно лишь для «общеуголовных» преступлений, а для «беловоротничковой» преступности наоборот – существует прямая зависимость, причём роль образовательного фактора опосредуется принадлежностью к тому или иному классу (страте) [10, с. 89]. Далее Я.И. Гилинский отмечает: «В целом «антикриминогенным» фактором выступает наличие семьи, хотя для так называемого семейного насилия именно конфликтные семейные отношения провоцируют преступления». Но зачастую подобные уточнения остаются за пределами внимания исследователя, и выводы остаются огрублёнными, что вызывает противоречия в их толковании.

Бывает, что криминологи, идя по пути психиатров, философов и писателей, приписывают преступникам несвойственные им чувства и мотивы, включая сюда фрейдистские подсознательные комплексы, например, феномен «отчуждения» [11, с. 8]. На самом деле, сложные психологические теории не пересекаются с повседневной практикой, где объяснения преступных действий часто кроются в отсутствии каких-либо объяснений, кроме самых примитивных. При опросах исполнителей преступлений они не ссылались на те комплексы и мотивы, которые им иногда приписывают, больше того – они даже не могли думать о них, ибо ничего о фрейдистских теориях не знали и не владели словарно-терминологическим аппаратом, в который могли бы эти мысли облечь, если бы таковые даже появились, и они желали их изложить. Разъяснения уважаемых авторов, что мотивация, неосознаваемая деятелями, могла руководить ими на подсознательном уровне, вряд ли могут быть признаны удовлетворительными, ибо внесознательные психические процессы личностью не управляются, а значит в этом случае отсутствует свобода воли и, как следствие – состав преступления.

Ставшая широко известной благодаря классической литературе теория

возможности убийства необыкновенным человеком человека обыкновенного – «тварь я дрожащая или право имею»; над которой мучился Раскольников в знаменитом романе Достоевского - на самом деле гениальный литературный вымысел писателя: описываемые им сложные философские и нравственные проблемы не пришли бы в голову недоучившемуся студенту с психопатическими чертами личности, а само описанное деяние основано не на реализованной в конце концов идее превосходства одного человека над другим, а весьма характерно для плохо продуманной реализации банального корыстного замысла. Надо сказать, что в реальной жизни подобные преступления, увы, не уникальны, напротив – они характерны для наркоманов, которые, беспокойно мечась между реальностью и бредом, совершают ужасающие и лишённые рациональности злодеяния.

Наряду со спорными, в связи со сложностью изучения, толкованиями мотивации лиц, совершающих преступления, приходится встречаться и с такими утверждениями, касающимися личности преступника, которые явно противоречат реальности. Например: «Преступник - это личность со значительно более высоким уровнем тревожности и неуверенности в себе, импульсивности и агрессивности, отчужденности от общественных ценностей и полезного общения» [12, с. 80].

Откуда в криминологической теории появилось совершенно не соответствующее действительности, и даже противоречащее ей, представление о «повышенной тревожности и неуверенности в себе», якобы свойственных преступникам? И как эти свойства мирно уживаются в том же определении со своими антонимами - импульсивностью и агрессивностью?

Под тревожностью авторы понимают страх небытия, несуществования: страх смерти и постоянное беспокойство и неуверенность. Это некий симбиоз фрейдизма с элементами экзистенциализма, причём на такие комплексы ни один из интервьюируемых преступников не жаловался, и даже о них не подозревал. В подтверждение своей концепции, учёные в качестве примера, приводят дело 27-летнего Д., который «у входа в кинотеатр убил несовершеннолетнего. Д. пояснил, что потерпевший сказал что-то обидное о нём, что именно, он не знал. Само это объяснение говорит о повышенной тревожности убийцы (?? Д.К.) К тому же он всё время носил с собой нож и однажды ударил им в спину человека, который, по его мнению, оскорбил его.

Подобная трактовка «повышенной тревожности» абсолютно непонятна. Психофизиология совершения преступления (преодоление моральных запретов; страха перед нарушением закона, сопротивлением потерпевшего, иных лиц и представителей власти; готовность проявлять жестокость и причинять вред другим людям; невозможность воздействия стрессовой ситуации; преодоление тревоги перед разоблачением и др.) во многом совпадают с психофизиологией рискованных действий в опасных профессиях и занятиях – прыжки с парашютом, альпинизм, тушение пожара и т.д. [13, с. 36-42]. Вполне понятно, что человек страдающий повышенной тревожностью и неуверенностью в себе, не занимается деятельностью, связанной с риском, а именно таким видом деятельности является совершение преступлений!

Известная в Ростове н/Д банда «Фантомасов» среди бела дня, в меньшинстве, совершала нападения на магазины, вооружённых кассиров и инкассаторов, неоднократно им приходилось вступать в перестрелки, в которых Г. несколько раз получал ранения, подорвавшие его «боевой дух», а С. был убит. Банда Билыков использовала в преступной деятельности автоматы, совершила несколько убийств, в том числе застрелила в перестрелке двух инспекторов ДПС ГИБДД, С-й так же

был убит при задержании. Банды Османова и Сажина, вооружённые автоматическим оружием, неоднократно открывали огонь на улицах городов, а однажды расстреляли большую компанию на банкете в одном из ресторанов Северного Кавказа. Разве эти несколько случаев, из длинного ряда аналогичных, свидетельствуют о «тревожности и неуверенности» бандитов? Напротив, в период их действий тревожность и неуверенность испытывали законопослушные граждане, особенно – кассиры, инкассаторы, работники милиции, водители... Маниакальные убийцы Чикатило, Цюман, Головкин (Фишер) держали в страхе целые города и регионы, а банда «ГТА» практически парализовала ночное движение на шоссе М-4! Несовершеннолетнего Баронина боялись жители Воронежа...

Анализируя недостатки теоретических изучений личности преступника, нельзя оставлять без внимания практическую сторону вопроса. Что думают о себе те, кого называют преступниками и чьи личности мы изучаем? Надо сказать, что сами они, как правило, отрицают наличие даже глубоко скрытых негативных качеств, причём при условиях, когда такое признание не повлечёт никаких негативных последствий. Автор многократно проводил неформализованные интервью с обвиняемыми по расследуемым им делам, с лицами, содержащимися в ИК, или ранее отбывавшими наказание, а также с лицами не судимыми, но занимающимися «теневой» коммерческой деятельностью, о которой хорошо известно широкому кругу лиц. Для этой категории граждан журналисты придумали обтекаемый эвфемизм «авторитетные бизнесмены». Все респонденты, кроме одной категории, о которой пойдёт речь ниже, добровольно и довольно охотно соглашались побеседовать на темы, представляющие криминологический интерес. С достаточной долей приближенности их можно разбить на несколько групп.

1.«Стигматизированные» лица составляли наиболее многочисленную группу, в основном, они совершали общеуголовные преступления небольшой, средней тяжести, реже - тяжкие. Экономических преступников было заметно меньше. Как правило, все они не могли детально объяснить причины и условия совершенного эксцесса, механизм и мотивацию своих действий, наличие или отсутствие пресловутых «социальных тормозов» и, сложности их преодоления, если таковые все-таки имелись. Больше того, воспоминания на эту тему угнетали и «копаться» в них они не хотели, даже при первоначальном желании и готовности помочь исследованию. Как правило, они либо оправдывали, либо находили смягчающие обстоятельства своим действиям. Они не считали себя скованными обязанностью соблюдать закон и считали его абстрактной категорией. Распространена среди них и среди «уголовных» типов из 3-й группы интервьюируемых поговорка: «Ништяк, в тюрьме тоже жить можно!» Никто из респондентов, признавая совершённое преступление, не считал, что обладает какими-то особыми чертами, свойственными преступникам и не относил себя к таковым. Никакими философскими, криминологическими, психологическими и тому подобными терминами, либо концепциями этих наук они не пользовались, объясняя свои действия простыми и доступными словами. И в этом смысле они не являются исключением.

Так, совсем недавно в СМИ прошла информация о том, как вполне положительный пенсионер, гуляя с собакой, убил ножом напавшего на своего беспородного питомца бойцовского пса, а затем и его хозяина, который повторил нападение уже на пожилого человека. На видеозаписи пенсионер рассказывал о происшедшем буднично и вполне откровенно, жалея о случившемся и объясняя тяжкие последствия непредвиденным расхождением между умыслом и наступившими результатами, а также тем, что защищал от нападения вначале свою

собаку, а потом самого себя. Элементы обороны, в общем-то, действительно имели место, хотя вряд ли будут учтены при квалификации содеянного. Надо сказать, что симпатии комментаторов этой истории были на стороне пенсионера, и преступником его основная масса откликнувшихся не считает, напротив, ему выражают сочувствие, как жертве сложившихся обстоятельств.

Еще в большей степени тенденция самооправдания проявлялась у экономических преступников. Защитительными аргументами в данных случаях являются следующие: «я же никого не убил и не ограбил», «другие больше воруют», «на моём месте любой бы пользовался возможностью», «они сами навязывали взятки». При этом обвиняемые строго разделяют правовую и моральную стороны своих деяний: дескать, я совершил то, что законом запрещено, но я порядочный человек... Когда автор, будучи молодым следователем, попробовал воплотить совершенно нежизнеспособный тезис, которому учили в вузе, и уже в ходе следствия начал процесс «исправления и перевоспитания», пристыдив руководителя районного масштаба за неоднократное получение взяток, его морализаторство вызвало резкую отторгающую реакцию обвиняемого и возмущённую отповедь по типу «кто я, и кто ты!» Вторжение в сферу морали оказалось для взяточника более болезненным, чем серьёзные обвинения, а «сохранить лицо» приличного человека было важнее, чем признаваться в преступлениях. Кстати, вскоре после этого инцидента обвиняемый отказался от ранее даваемых признательных показаний. И хотя это не избавило его от приговора к двенадцати годам лишения свободы с конфискацией имущества и лишением орденов и медалей, стало совершенно ясно, что не стоит переходить бездушную границу сухих уголовно-правовых норм и вторгаться в чувствительную сферу моральных самооценок.

2. «Авторитетные бизнесмены». В беседах с этой группой приходилось быть ещё более щепетильным и деликатным: уже не только они сами себя не считают преступниками, но и государственные структуры, и их окружение - соседи, прислуга, знакомые, деловые партнеры. Для широкой общественности они уважаемые люди, которые часто выступают в качестве спонсоров, руководителей или активистов спортивных, или иных общественных движений и организаций.

К тому же, называть их преступниками, или считать таковыми нет оснований в силу того, что отсутствуют какие-либо официальные документы, которые бы этот их статус подтверждали. Строго говоря, таких документов и быть не может, ибо «преступник» - это категория неправовая, хотя такой термин и употребляется несколько раз в Уголовном кодексе. Поэтому респонденты этой группы обоснованно презюмируют себя вполне законопослушными гражданами и свободно рассказывают о своей работе, точнее, о своём бизнесе. Сейчас слово «бизнес» приобрело весьма широкий и неоднозначный смысл - в изучаемой среде под ним понимают извлечение дохода из любого вида деятельности. При разговоре с человеком не своего круга, явно криминальные аспекты такого «заработка» обходятся стороной.

Рассказывают, например, о торговле водкой, компьютерами или мебелью, но подробности об акцизах, налогах, пошлинах и других немаловажных деталях обходятся стороной, так что звучат эти рассказы вполне безобидно, тем более, что откуда берётся водка, договоренности с контролирующими органами и борьба с конкурентами остаются «за кадром». Просто подразумевается, что они ведут бизнес по-своему и «умеют решать вопросы». Как именно, они не рассказывают, интерес к этому выходит за пределы негласной договоренности и за рамки молчаливо соблюдаемого «приличия», поэтому в атмосфере беседы витает некоторый флёр недоговорённости. Хотя некоторые фразы случайно прорывают дымовую завесу умолчаний. Как-то сидящий за столом «бизнесмен» вроде меж-

ду делом сказал: «Мне недавно привезли 40 килограммов золота из Турции...». Кто-то из его сотоварищей отреагировал на хвастовство, и с усмешкой спросил: «А почему так мало?». Тот подначки не понял и стал оправдываться: «Да и больше привозили - один раз даже 50...». Можно понимать эти реплики как угодно, но становится ясно, что рассказчик занимается не самым чистым и прозрачным бизнесом на свете...

Люди из этой группы стараются произвести благоприятное впечатление, держатся в рамках приличия, избегают обсценной лексики, с удовольствием рассказывают о своей благотворительной деятельности, о перевоспитании малолетнего карманника, об обучении справедливости молодых людей, «делающих с них жизнь».

О каких-либо острых элементах своего «бизнеса» респонденты, обычно, не упоминают, но один из них, бывший сотрудник милиции, перешедший «на другую сторону баррикад», однажды нарушил это правило, и подробно рассказал, как его «бригада» отжимала игорный бизнес, вытесняя конкурентов из одного курортного города. Рассказ был безусловно интересным и довольно откровенным, хотя и без тех подробностей, которые могли бы лечь в основу постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

«Авторитетные бизнесмены» очень уверены в себе, чувствуется, что у них нет внутренних запретов и ограничений и они осознают свой действительный или мнимый высокий статус. Недаром в этой среде существует понятие «сделать по-любому», то есть добиться цели не останавливаясь ни перед чем. Вместе с тем, на словах от преступников они дистанцируются, уголовной ответственности не опасаются и в возможность её наступления слабо верят, в отличие от первой группы «стигматизированных» лиц. Это объясняется, с одной стороны, наличием у «авторитетных бизнесменов» более высокого уровня защиты, а с другой - длительным опытом предполагаемой незаконной деятельности, позволившей сформироваться и закрепиться устойчивой психолого-социальной установке на определенный тип противоправного поведения.

3. «Уголовный тип». Ещё одна группа, которая в меньшей степени была охвачена неформализованным интервьюированием – это преступники «старой волны» - лица, неоднократно судимые за разные, преимущественно общеуголовные преступления, исповедующие традиционные «законы» и обычаи криминальной среды, носители криминальной субкультуры, владеющие жаргоном, наносящие себе татуировки, имеющие информативно-биографическое и статусное значение, которое в последнее время постепенно утрачивается.

Являясь маргинализованной социальной группой, они не имели связей с органами власти и милицией, соблюдали кастовость и закрытость своей среды. Не имея «крыши», они знали, что за совершённые преступления придётся отвечать и были готовы к многолетним срокам лишения свободы. Это так называемая «воровская» ветвь преступного мира – «синие», которых так называли из-за обилия татуировок. Долгое время они являлись основной, и даже единственной криминальной общностью в стране.

Социально-политические преобразования 90-х годов изменили обстановку и в криминальном мире: туда пришли преступники «новой волны» – крепкие, несудимые молодые парни, которые стали конкурировать с «воровской» ветвью. Они получили название «спортсменов», «рзкетиров», «бандитов», причём эти обозначения носили не буквальный, а номинальный характер. После периода тренировок «синие» и «спортсмены», или «воры» и «бандиты» нашли общий язык и стали сосуществовать не мешая друг другу, при этом обе стороны трансформировались, приспособившись к новым условиям. Ветвь «бандитов» частично

трансформировалась в «авторитетных бизнесменов», «воры» в новых условиях постепенно обзавелись коррумпированными связями, вошли во многие социальные структуры - банковскую, страховую сферы, некоторые удалили татуировки и приобрели цивильный имидж. Но сохранили закрытость, неприязнь к сотрудникам правоохранительных органов и подчинённость, хотя и в ослабленной степени, воровскому «закону».

Рассказывать о жизни своего сообщества они, как правило, избегают. Впрочем, из этого правила, как и из любого, есть исключения. При редких контактах за пределами своего круга общения, «синие» открыто позиционируют себя, как «бродяг», то есть живущих вне государства, по своим «законам» из-за стремления к «справедливости», которая, якобы, существует в их среде. В силу указанных причин и откровенной обоюдной неприязни сторон, проводить интервьюирование этих лиц довольно затруднительно. Хотя по некоторым косвенным признакам и по отдельным задокументированным случаям, можно сделать выводы об их жизненных установках.

В этом отношении представляет интерес следующее уголовное дело. Двое молодых людей, ранее привлекавшихся к административной ответственности за мелкое хулиганство, пристали на улице к двум женщинам, одна из которых находилась в состоянии беременности. Идущие следом их спутники - взрослые мужчины, приблизившись, сделали назойливым парням замечание, послужившее поводом для словесного конфликта, в ходе которого один из хулиганов назвал своего оппонента «козлом».

Казалось бы несерьёзная детская «дразнилка» не может резко усугубить обстановку, но она повлекла отнюдь не детские последствия: мужчина извлёк небольшой перочинный нож и ударом в голову (!) на месте убил молодого человека. Такое поведение, и необычный способ убийства имели своё объяснение: мужчина оказался особо опасным рецидивистом, более десяти лет отбывшим в местах лишения свободы, где слово «козёл» является тяжким оскорблением. Осуждённый, не смывший такое оскорбление, считается согласившимся с ним, то есть признавшим его справедливость, а следовательно, теряет свой статус и опускается почти в самый низ криминальной иерархии. Не согласившийся стать «козлом» мужчина был привлечён к уголовной ответственности по ст. 102 п. «л» действовавшего в то время УК РСФСР - за умышленное убийство, совершённое особо опасным рецидивистом. Однако, суд учёл, что он хорошо характеризовался в местах лишения свободы, после освобождения устроился на работу, где тоже зарекомендовал себя положительно, создал семью, убийство совершил пресекая хулиганские действия потерпевшего и защищая свою беременную жену, а потому исключил этот признак из состава совершенного преступления, как не играющий роли отягчающего обстоятельства. В результате виновный был осуждён по статье 103 УК РСФСР за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств.

Данный пример представляет интерес как при анализе механизма преступного поведения, так и при оценке судом совершённого деяния. Суд исходил из того, что отрицательные качества, свойственные личности особо опасного рецидивиста, не были проявлены виновным, который действовал при извинительных обстоятельствах, вызванных явно неправомерным поведением потерпевшего. И действительно, оценка субъекта, объективной и субъективной стороны преступления вполне позволяла сделать подобный вывод. Однако, если анализировать глубинные свойства личности профессионального преступника, которым особо опасный рецидивист несомненно является, то можно прийти к противоположному заключению.

Ведь решающим фактором совершённого убийства явилась укоренившаяся

в представлениях данного лица необходимость соблюдать «законы» и обычаи криминальной среды, знание этих «законов» и обычаев и обязанность действовать в соответствии с их предписаниями. Если бы на месте особо опасного рецидивиста оказался человек, ранее не судимый, или судимый, но не живущий по криминальным «законам», тем более находясь вне колонии, за пределами влияния концентрированной преступной среды, то убийства, скорей всего бы не произошло, больше того, возможно, он сам стал бы жертвой молодых хулиганов!

Таким образом, ни «тревожность», ни «неуверенность в себе» не имели никакого отношения к детерминационному комплексу этого преступления - именно личностные свойства особо опасного рецидивиста сыграли в механизме данного убийства решающую роль. Точно так же, в приведённом ранее примере, 27-летний Д., который постоянно носил с собой нож и без реального повода ранил одного потерпевшего и убил второго, проявил особую «блатную» дерзость, вызов обществу, запредельную браваду, чувство превосходства над жертвами и свидетелями, разнузданную вседозволенность, желание внушать страх окружающим, и тому подобные, далёкие от тревожности и неуверенности в себе, мотивы опасного преступника, живущего по криминальным законам. Но эти нюансы остались за пределами внимания суда, тем более что судьи, как правило, вообще не осведомлены о подобных нюансах традиций уголовного мира. Иными словами, в описанных ситуациях произошла коллизия установленных предварительным и судебным следствием процессуально закреплённых доказательств преступления, и неформализованных мотивов, играющих определяющую роль, но не нашедших отражения в материалах дела.

За пределами приведённого исследования, по понятным причинам, остались маньяки-убийцы, экономические преступники высокого уровня, члены оргпреступных группировок и некоторые другие. Интересная информация была получена от сотрудников, которые работали с первой из перечисленных категорий лиц: находясь в камерах смертников, те раскаивались, обращались к Библии, очень вежливо держались с персоналом тюрьмы, некоторые писали стихи и пробовали рисовать. Принятие моратория на смертную казнь всё мгновенно изменило: надуманные «облагораживающие» занятия были демонстративно отброшены и они вновь стали безжалостными убийцами. И тут есть над чем подумать!

Но хотя опросом удалось охватить не все категории преступников, из приведённых данных всё же вытекает вопрос: насколько в изменившихся более чем за полвека (если не за век) условиях, понятие «личность преступника» отвечает вкладываемому в него смыслу?

Несмотря на обилие научных работ по данной теме, нельзя сказать, что все аспекты рассматриваемого понятия изучены полностью. Даже момент «рождения» категории «личность преступника» классики криминологии определяют по-разному.

А.Б. Сахаров считал, что криминогенные свойства, характеризующие личность преступника, существуют до преступления и обуславливают его совершение, но признание конкретного лица преступником возможно только после и в связи с совершением им преступления [14, С. 234].

Большинство же авторов связывают активацию личности преступника с моментом совершения преступления, причем это понятие отождествляется с актором криминального деяния.

В известной степени, сложности, связанные с криминологическим понятием «личность преступника» вызваны тем, что оно иногда сливается или синонимизируется с социологическим и философским понятием «личность», теорети-

ко-уголовноправовыми понятиями «субъект преступления» и «лицо, совершившее преступление», уголовно-процессуальными «виновный», «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый», пенитенциарным – «осужденный», широко употребляемым в обыденной жизни понятием «преступник», которое четырежды встречается в Уголовном кодексе РФ, но не в определяющем, а назывном смысле, то есть собственного правового определения не имеет. Так, в ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» использован хотя и похожий, но по сути другой термин с совершенно иной содержательной нагрузкой, под ним понимаются «главные военные преступники, европейских стран оси, осуждённые приговором Международного военного трибунала». В ч.5 статьи 33 УК «Виды соучастников преступления», примечании 1.1 к ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», примечании 2 к ст.281.1 «Содействие диверсионной деятельности», преступником, судя по смыслу, называется лицо, совершившее преступление, которому оказывается пособничество. Подобной синонимизацией придаётся видимость легализации слову «преступник», как тождественному правовому термину «лицо, совершившее преступление». В действительности, естественно, никакой «легализации» не происходит, просто правовой термин в кодифицированном законе подменяется неправовым, что только затрудняет возможности четкой дифференциации уголовно-правовых терминов. Аналогично обстоит дело с альтернативным употреблением терминов «личность преступника» и «преступник», которые на самом деле столь же не идентичны, сколь понятия «личность» и «человек».

Если придерживаться определения А.Б. Сахарова и «разводить» необоснованно отождествляемые понятия, то получается, что уже сформированная личность преступника и обуславливает совершение преступления, а не активируется (рождается) в момент его совершения. Но тогда правильней говорить не о появившейся после криминального акта «личности преступника», а о «преступнике», для чего это понятие следует закрепить в законе, ибо именно правовая, а не криминологическая категория должна обозначать» лицо, совершившее преступление (преступника)».

Ведь вовсе не личность преступника - теоретическая категория, не включённая в уголовный закон, - обуславливает уголовную ответственность, а факт совершения деятелем уголовно-запрещённого деяния, при этом тот комплекс свойств и качеств, которые образуют в нынешнем понимании личность преступника, у него может и отсутствовать [13, с. 38].

Не только момент активации личности преступника вызывает вопросы, но и момент её исчезновения (деактивации), который чаще всего либо вообще обходится молчанием, либо связывается с моментом отбытия наказания за совершенное преступление, что вызывает обоснованные сомнения. Каким образом биологические и социальные свойства личности человека, приобретенные за много лет под воздействием наследственности, социума, индивидуальных биологических, соматических особенностей организма, психики, психологии и конкретной жизненной ситуации, могут «рассосаться» за период отбытия даже столь сурового наказания, как лишение свободы? Существуют ли сроки нейтрализации этих качеств? И может ли приговор суда точно соответствовать этим срокам?

Правда, некоторые учёные считают тождественными понятия «личность преступника» и «субъект преступления», а потому определяют временные рамки существования личности преступника с момента совершения преступления и до момента отбывания наказания, а не до момента констатации исправления. Мотивируется это тем, что после отбытия наказания человек уже не преступник,

а потому не может рассматриваться, как личность преступника, даже если его исправление вообще не наступит. В последнем случае надо говорить не о личности преступника, а о личности, представляющей общественную опасность.

Данная позиция представляется очень спорной по следующим причинам:

- Смешиваются два разных по содержанию и смысловому значению понятия – «личность преступника» (криминологическое, более широкое понятие) и «субъект преступления» (уголовно-правовое, более узкое по содержанию).
- В результате произведённого смешения предлагается введение третьего понятия – «личность, представляющая общественную опасность», которая, станет синонимом сохранившей общественную опасность личности преступника, отбывшего меру наказания.
- Поскольку новое название, обозначает всё ту же сохранившую общественную опасность личность преступника, то оно, ничего не меняя по существу, только усложняет и без того сложную терминологию разных отраслей права и теоретических наук, касающихся лица, совершившего преступление.
- Поскольку термины «личность преступника» и «преступник» не носят нормативного характера и не создают никаких правовых последствий для их носителя, предлагаемое усложнение не имеет ни теоретического, ни практического, ни даже формального смысла.

Напротив, ключевым вопросом является чёткое определение понятия личности преступника, причём не с целью подмены его другим термином, а для отграничения от смежных понятий. Большинство ученых подразумевают, что личность преступника – это свойство, присущее всем лицам, совершившим преступления. Но имеется и иное понимание, при котором понятие личности преступника не является свойством любых лиц, совершивших преступление, а охватывает лишь определенную их часть.

Одним из первых авторов, высказавшим такое мнение почти полвека назад, стал ныне доктор юридических наук, профессор и признанный мэтр адвокатуры Г.М. Резник: «О личности преступника можно говорить лишь применительно к весьма узкому контингенту лиц, для которых совершение преступлений стало основной, ведущей деятельностью» [15, с. 29]. Обосновывая такую позицию, Г.М. Резник замечает: «Особо следует подчеркнуть, что ни на одном уровне — социологическом, социально-психологическом, индивидуально-психологическом — не существует ни одного фактора (личностного свойства), позволяющего однозначно прогнозировать совершение (как, впрочем, и несовершение) преступления конкретным индивидом. Более того, никто не вправе рассматривать отдельное лицо как «личность преступника» («криминогенную личность») при сколь угодно большом сочетании негативных личностных и ситуационных характеристик, хотя, разумеется, вероятность преступного поведения может быть очень высокой» [16, С. 30].

Данная позиция менее популярна среди научного сообщества, хотя совершенно очевидно, что разнообразие лиц, преступивших уголовный закон и имеющих множество уголовно-правовых, криминологических, психологических и т.п. классификационных групп, не позволяет объединить их единым общим понятием «личность преступника». Впечатления от приведённых выше неформализованных интервью эту мысль подтверждают.

Рассмотрев наиболее популярные и принятые в научной среде понятия типов личности преступника, можно сделать вывод, что одним термином обозначают и случайного, и ситуативного, и злостного, и особо злостного преступника,

На рисунке 1 изображена структура личности профессионального преступника, состоящая как из общих свойств, характерным для любого человека: биологических, социально-демографических, социально-психологических, нравственно-психологических и т.п.; так и из специфических, которые с известной долей условности называют уголовно-правовыми: наличие и характер судимости, умение и навыки совершения преступлений плюс опыт избежания ответственности за них, наличие тесных связей в криминальной среде и занятие определённого положения на иерархической лестнице социально-негативной среды, знание жаргона, «законов» и обычаев криминального мира и следование им. К этой категории относятся единицы из первой группы неформально проинтервьюированных лиц («стигматизированные»), две трети «авторитетных бизнесменов» (даже при отсутствии судимости) и практически все «уголовные» типы.

На рисунке 2 показана структура лица, совершившего преступление, но не обладающего специфическими свойствами, а следовательно, не тождественная сущностному содержанию профессионального преступника, которое, собственно и образует квинтэссенцию личности преступника. Вместе с тем, она не тождественна и личности законопослушного гражданина (рис.3), хотя вроде бы с ней и почти совпадает, но за одним исключением: у неё имеется единственный формальный показатель - виновная причастность к преступлению, хотя, как отмечалось выше, её удаётся определить далеко не у всех фактических преступников. К этому типу личности относится большинство «стигматизированных», одна треть «авторитетных бизнесменов», «уголовные» типы в ней могут быть представлены единицами или вообще отсутствовать. (Следует иметь в виду, что цель настоящей статьи обозначить постановку проблемы, в связи с чем приводимые данные носят субъективно-оценочный характер. – Д.К.)

В связи с вышеизложенным неизбежно встаёт вопрос: какие именно общие черты обуславливают совершение преступлений лицами, не обладающими специфическими свойствами личности преступника (а такой факт, думается, надо признать, так же, как избавиться от представлений о повышенной тревожности и неуверенности в себе, свойственных преступникам).

Представляется, что как правило, преступление совершается в результате взаимодействия личностных свойств и качеств, присущих всем людям, каждое из которых, само по себе не является криминогенным, но в особых условиях они начинают взаимодействовать между собой, образуя некое качественно новое, криминогенно опасное психоэмоциональное образование, и вдобавок вызывают в организме физиологические изменения: в крови повышается уровень адреналина, кортизола, тестостерона, выделяются нейромедиаторы головного мозга (эндорфины, пептиды и др.)

Гиперболизированным, зато образным сравнением может служить кастрюля с водой, которая не представляет никакой угрозы и не способна причинить кому-либо вред, но доведённая до кипения, приобретает другое качество и известно, что в бытовых конфликтах ею причинялись тяжёлые и даже смертельные увечья. Но остыв, кипяток возвращается в то же самое состояние обычной воды.

Другое дело, когда свойства личности имеют криминальный характер: профессиональный преступник, обладающий специфическими свойствами криминальной личности – уже аналог сосуда, только не с водой, а с кислотой, в любую минуту готовой к вредоносному употреблению.

Выводы и предложения:

- Эволюция учения о личности преступника явно отстаёт от современной нормальности.
- В частности, оно оторвано от практики, в связи с чем содержит неправильные воззрения как на понятие личности преступника, так и на методики профилактической работы.
- Например, личность преступника вовсе не отличается повышенной тревожностью и неуверенностью в себе, и не все лица, совершившие преступления обладают свойствами личности преступника.
- Биологические свойства личности не учитываются надлежащим образом при изучении детерминант преступного поведения.
- Декриминализация вроде бы малозначительных преступлений (побоев, причинения лёгкого вреда здоровью, циничных оскорбительных действий, опускающих социальный статус лица), как правило, предшествующих совершению тяжких преступлений против личности, способствует развитию и закреплению антиобщественной установки личности виновного.

Вышеизложенное требует изменения подходов к изучению личности преступника и лиц, совершивших преступления, с целью разработки новой стратегии и тактики предупредительно-профилактической работы.

Библиографический список:

1. Криминология: учебник: 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Кудрявцева В. Н. и Эминова В. Е. – М.: Юрист, 2000. с. 131.
2. Сергеев Д.Н. Криминолог вокруг света. – Екатеринбург: SAPIENTIA, 2022. с. 167.
3. Криминология: учебник для юрид. фак. и интов / отв. ред. Герцензон А., Звирбуль В. К., Зотов Б. Л. и др. – М.: Юрид. лит., 1968, с.138.
4. Криминология: учебник / отв. ред. Коробейникова Б.В., Кузнецовой Н.Ф., Миньковского Г.М. – М.: Юрид. лит., 1988. с. 87.
5. Криминология: учеб. для юрид. вузов: для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. Бурлакова В. Н. и др. - СПб.: Лань, 1999. с. 607.
6. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. – М.: Щит-М, 2000. С. 83-86.
7. Криминология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / ред. Кудрявцева В. Н. и Эминова В. Е. - М., ЮНИТИ- ДАНА, 2007. С. 104-107.
8. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие для вузов. - М.: Изд. дом «Форум»: ИНФРА-М, 1998. с. 37-38.
9. Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. – М.: Наука, 2002. с. 40.
10. Гилинский Я.И. Криминология: курс лекций. - СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2002. с. 89.
11. Антонян Ю.М. Отчуждение личности как причина преступности // Общество и право. 2022. № 2. с. 8.
12. Криминология: учебник / отв. ред. Кудрявцев В. Н. и Эминов В.Е. - М.: Юрист, 1977. с. 80.

References:

1. Kudryavtseva V. N., Eminova V. E. (ed.) (2000). Criminology. Moscow: Lawyer. p. 131
2. Sergeev D.N. (2022). Criminologist around the world. Yekaterinburg: SAPIENTIA. p. 167
3. Herzenzon A., Zvirbul V. K., Zotov B. L. (ed.) (1968). Criminology. Moscow: Legal lit. p.138
4. Korobeynikova B.V., Kuznetsova N.F., Minkovsky G.M. (ed.) (1988). Criminology. Moscow: Legal lit. p. 87
5. Burlakova V. N. (ed.) (1999). Criminology. St. Petersburg: Lan. p. 607.
6. Alekseev A.I. (2000). Criminology: a course of lectures. Moscow: Shield-M. pp. 83-86
7. Kudryavtseva V. N., Eminova V. E. (ed.) (2007). Criminology. Moscow: UNITY-DANA. pp. 104-107
8. Kudryavtsev V.N. (1998). The genesis of the crime. The experience of criminological modeling: studies. handbook for universities. Moscow: Publishing house «Forum»: INFRA-M. pp. 37-38
9. Kudryavtsev V.N. (2002). Selected works on social sciences: in 3 volumes. Moscow: Nauka. p. 40
10. Gilinsky Ya. I. (2002). Criminology: a course of lectures. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House. p. 89
11. Antonyan Yu.M. (2022). Alienation of personality as a cause of crime. Society and law. 2. p. 8
12. Kudryavtsev V. N., Eminov V.E. (ed.) (1977). Criminology. Moscow: Lawyer. p. 80
13. Koretsky D.A., Khalyava O.V. (2022). Personality of the criminal: terminological and essential problems. Ural Journal of Legal Research. 3. pp. 36-42
14. Sakharov A.V. (1981). On the identity of the criminal and the causes of crime. Moscow: Gosyurizdat. p. 234

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

13. *Корецкий Д.А., Халява О.В.* Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 36-42.
14. *Сахаров А.В.* О Личности преступника и причинах преступности. М.: Госюриздат, 1981. С. 234.
15. *Резник Г.М.* Криминологическая профилактика и социальное планирование // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1979. № 31. с.29.
16. *Резник Г.М.* Личность преступника: правовое и криминологическое содержание // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы. 1979. № 1. С. 30.
17. Криминология: словарь: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. Бурлаков В. Н. МВД России. С.- Петерб. ун-т. С.-Петербур. ун-т: Лань,1999. с.79.
15. *Reznik G.M.* (1979). Criminological prevention and social planning. Issues of combating crime. 31. p. 29
16. *Reznik G.M.* (1979). Personality of a criminal: legal and criminological content. Personality of a criminal and criminal liability. Legal and criminological issues. 1. p. 30
17. *Burlakov V. N.* (ed.) (1999). Criminology: dictionary: textbook. St. Petersburg University: Lan. p.79

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 347.195.1
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_21

Аширбакиев Ринат Маратович

rashirbakiev02@mail.ru
Студент Института прокуратуры
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Суменков Сергей Михайлович

Доцент кафедры предпринимательского права
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат
экономических наук

Правовая регламентация принципа автономии университетов в России: содержание, ограничение, правовая природа

Аширбакиев Р. М. / Правовая регламентация
принципа автономии университетов в России:
содержание, ограничение, правовая природа //
Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3.
С. 21–27. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_21

Аннотация:

Одним из неотъемлемых элементов современной системы образования в развитых демократических странах является принцип автономии университетов. В международной практике неоднократно подтверждалась особая институциональная важность данного принципа в контексте реализации права личности на образование. Самостоятельность университетов нашла своё отражение во множестве международно-правовых актах. В связи с чем приобретает актуальность изучение правовой регламентации принципа автономии высших учебных заведений в России. Автор ставит перед собой цели определить содержание данного принципа, выявить ограничения, в условиях которых он реализуется в отечественном правовом порядке. Также подлежит выяснению правовая природа автономии высших учебных заведений. Предметом анализа выступает Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и соответствующие подзаконные нормативные правовые акты. Отдельное внимание уделяется изучению решений Конституционного Суда РФ в разрезе поиска релевантных правовых позиций о правовой природе университетской автономии. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что в настоящее время в России образовательные организации высшего образования обладают высоким уровнем самостоятельности в разрешении внутриорганизационных вопросов, действующее правовое регулирование предоставляет университетам достаточный набор компетенций для полноценной и независимой реализации образовательных функций. Также выдвигается и обосновывается тезис о том, что принцип автономии высших учебных заведений не является конституционной ценностью, но представляет собой одно из социальных и общепризнанных благ, которые необходимо учитывать при установлении баланса между интересами университетов и обучающихся при регулировании образовательных отношений.

УДК 347.195.1
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_21

Rinat M. Ashirbakiev

rashirbakiev02@mail.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Sergey M. Sumencov

Assistant professor of the Department of Business Law
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
candidate of Economic Sciences

Legal Regulation of the Principle of University Autonomy in Russia: Content, Limitation, Legal Nature

Rinat M. Ashirbakiev / Legal regulation of the principle
of university autonomy in Russia: content, limitation,
legal nature // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 3.
P. 21–27. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_21

Abstract:

One of the integral elements of the modern education system in developed democratic countries is the principle of university autonomy. International practice has repeatedly confirmed the special institutional importance of this principle in the context of the realization of the individual's right to education. The independence of universities is reflected in a variety of international legal acts. In this connection, the study of the legal regulation of the principle of autonomy of higher educational institutions in Russia becomes relevant. The author aims to determine the content of this principle, to identify the limitations under which it is implemented in the domestic legal order. The legal nature of the autonomy of higher educational institutions is also subject to clarification. The subject of the analysis is the Federal Law «On Education in the Russian Federation» and the relevant subordinate regulatory legal acts. Special attention is paid to the study of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of the search for relevant legal positions on the legal nature of university autonomy. As a result of the research, the author comes to the conclusion that currently in Russia educational institutions of higher education have a high level of independence in resolving intra-organizational issues, the current legal regulation provides universities with a sufficient set of competencies for the full and independent implementation of educational functions. The thesis is also put forward and substantiated that the principle of autonomy of higher educational institutions is not a constitutional value, but is one of the social and universally recognized benefits that must be taken into account when establishing a balance between the interests of universities and students in regulating educational relations.

Ключевые слова:

автономия университетов, образовательные отношения, образовательные организации высшего образования, «университетская свобода», самостоятельность университетов.

Keywords:

university autonomy, educational relations, educational organizations of higher education, «university freedom», university independence.

С XX века в Европе принцип автономии высших учебных заведений стал неотъемлемым и необходимым элементом реализации права личности на образование, приобрёл статус академической традиции [1, с. 390-396; 2, с. 17-22]. Институциональное значение данного принципа для жизни университетов было подтверждено в международно-правовых актах, в частности, в Великой хартии университетов (Болонья, Италия, 1988 г.), «Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры» (Принята в г. Париже 9 октября 1998 на Всемирной конференции ЮНЕСКО «Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры») и рекомендациях ЮНЕСКО о статусе преподавательских кадров учреждений высшего образования (11 ноября 1997 г.). Россия, декларируя себя как правовое демократическое государство, являясь частью международного сообщества, реализует национальную политику в сфере образования с учётом общепризнанных требований к содержанию образования и положению субъектов образовательных отношений. Последнее раскрывается в национальном законодательстве посредством наделения университетов соответствующей автономией. Принцип автономии университетов становился предметом множества исследований, в которых подтверждалось многогранность данного явления [3, с. 21-32; 4, с. 33-36].

В рамках настоящей работы подлежит изучению правовая регламентация принципа автономии образовательных организаций высшего образования в России (далее также – университеты, высшие учебные заведения, образовательные организации). Автор ставит перед собой цели определить содержание данного принципа и выявить ограничения, в условиях которых он реализуется в отечественном правовом порядке. Также подлежит выяснению правовая природа автономии высших учебных заведений.

Образовательные отношения в России главным образом регулируются Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее также – Закон «Об образовании», Закон). В ст. 28 документа содержится легальная дефиниция принципа автономии университетов, под которым федеральный законодатель понимает самостоятельность высших учебных заведений в осуществлении образовательной, научной, административной, финансово-экономической деятельности, разработке и принятии локальных нормативных актов, а также свободу определения содержания образования, выбора образовательных технологий и учебно-методического обеспечения. В сферу университетского самоуправления помимо перечисленного входит свобода научной и творческой деятельности.

Содержание принципа автономии университетов конкретизируется посредством перечисления в ст. 28 Закона неисчерпывающего перечня компетенций образовательных организаций, а также определения рамок ответственности. Анализ указанного законоположения позволяет сделать вывод о том, что предоставленный высшим учебным заведениям набор компетенций является достаточным для реализации принципа автономии университетов, поскольку позволяет автономно решать целый спектр внутриорганизационных задач, начиная разработкой и принятием локальных нормативных актов и заканчивая

1 Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

созданием и ведением сайта образовательной организации в сети «Интернет». В сферу исключительных прав высших учебных заведений отнесено разрешение непосредственных вопросов образовательного процесса: разработка образовательных программ, приём обучающихся, выбор форм и методов обучения, осуществление текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации, поощрение обучающихся и др.

На высокую степень правовой обеспеченности автономии университетов указывает и достаточно широкая зона их ответственности. Анализ ч. 7 ст. 28 Закона «Об образовании» позволяет сделать вывод, что высшие учебные заведения несут «персональную» ответственность во всех сферах своей деятельности: за невыполнение или ненадлежащее выполнение отнесённых к их компетенции функций, за жизни и здоровье обучающихся и работников, за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом, качество образования своих выпускников.

Автономия как проявление самостоятельности подлежит толкованию в неразрывной связи с юридическим (правовым) пониманием категории свободы [5, с. 72-75]. Потому автономия не должна выражаться в произволе образовательных организаций, но существует в соответствующих правовых рамках. Является очевидным, что предоставленная автономия должна реализовываться в определённых условиях. Подобные рамки, которые законодатель очерчивает в ч. 6 ст. 28 Закона «Об образовании», представляют собой закрепление обязанности образовательных организаций обеспечивать соответствующее качество образования, безопасные условия его получения, а также – соблюдать права и свободы обучающихся и работников образовательной организации.

При этом весь массив подобных ограничительных норм не исчерпывается ст. 28 Закона, но распределён по иным положениям. Исходя из системного толкования норм Закона «Об образовании», университеты, реализуя свою автономию, должны действовать в соответствии с целями, для достижения которых они созданы; принципами образования (ст. 3 Закона); задачами правового регулирования отношений в сфере образования (ч. 3 ст. 4 Закона), поскольку высшие учебные заведения пользуются автономией при разработке и принятии локальных нормативных правовых актов, а значит – непосредственно участвуют в правовом регулировании образовательных отношений; с необходимостью обеспечения гарантий реализации права на образование (ст. 5 Закона). На образовательные организации высшего образования безусловно распространяется обязанность по обеспечению соответствующих гарантий, поскольку они, обладая автономией, подобно государству и ОМСУ являются полноценными участниками образовательных отношений в рамках своего ведения, а также наравне с ними включены в систему образования (ч. 1 ст. 10 Закона).

Условия, при которых реализуется автономия высших учебных заведений, также содержатся в ст. 26 Закона «Об образовании». В указанном законоположении законодатель закрепил внутреннюю организационно-управленческую структуру университетов, установив перечень обязательных органов. В частности, в императивном порядке создаётся единоличный исполнительный орган образовательной организации (ректор, директор, заведующий и др.), а также коллегиальные органы (собрание (конференция) работников образовательной организации). Закон об образовании также частично регулирует вопросы компетенции данных органов.

Стоит отметить, что на законодательном уровне закрепляется очень узкий перечень обязательных органов управления. За образовательными организациями остаётся достаточно широкая сфера усмотрения в создании иных органов

и структурных подразделений в соответствии с собственными административно-хозяйственными и организационно-управленческими потребностями. Вместе с этим, университетам предоставляется автономия в более подробном регулировании собственной внутренней организации. Высшие учебные заведения самостоятельно в рамках устава устанавливают структуру, порядок формирования, срок полномочий и компетенцию органов управления, порядок принятия ими решений и выступления от имени образовательной организации.

Образовательная деятельность высших учебных заведений также должна осуществляться с соблюдением определённых ограничений, а именно в соответствии с нормативно устанавливаемыми требованиями: федеральными государственными образовательными стандартами (далее – ФГОС), утверждаемыми Министерством науки и высшего образования России²; федеральными государственными требованиями к программам аспирантуры (адъюнктуры)³.

При этом анализ ФГОСов позволяет сделать вывод о том, что эти документы главным образом ставят в обязанность университетов достижение определённых результатов образования в виде набора компетенций у студентов-выпускников, а также содержат иные требования (например, количество должных зачётных единиц, язык образования, срок обучения), которые, по существу, не стесняют свободу образовательных учреждений по формированию образовательных программ. При этом способы достижения нормативно закреплённых и ожидаемых законодателем результатов также составляют свободу деятельности образовательной организации, вследствие чего они оказываются правомочны по своему усмотрению составлять и утверждать образовательные программы, основываясь лишь на внутренних потребностях организации.

В этом свете особую регулятивную роль приобретает ч. 5 ст. 12 Закона «Об образовании», в соответствии с которой образовательные программы самостоятельно разрабатываются и утверждаются организацией, осуществляющей образовательную деятельность.

Стоит отметить, что действующее правовое регулирование позволяет предоставлять некоторым образовательным организациям право самостоятельно утверждать государственные стандарты, на основе которых реализуются образовательные программы (ч. 7 ст. 12 Закона «Об образовании»). Перечень таких образовательных организаций утверждается указами Президента России⁴. В этом случае компетенция университетов по разработке и утверждению образовательных программ оказывается фактически ничем не ограниченной, поскольку высшие учебные заведения самостоятельно определяют рамки должного, а значит и допустимые пределы своего усмотрения.

2 Об утверждении Правил разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 12.04.2019 г. № 434 (ред. от 22.10.2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 16. Ст. 1942.

3 Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов): Приказ Министерства науки и высшего образования Рос. Федерации от 20.10.2021 г. № 951 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2021).

4 Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по образовательным программам высшего образования: Указ Президента Рос. Федерации от 5.07.2021 г. № 405 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2023).

Описанные выше умозаключения релевантны и к федеральным государственным требованиям к программам аспирантуры (адъюнктуры) в той части, в которой они устанавливают предельно общие предписания к реализации программ данного уровня высшего образования, предоставляя университетам широкие возможности для воплощения в жизнь своей автономии. Разрабатываемые в соответствии с федеральными государственными требованиями образовательные программы во многом отражают внутренние потребности высших учебных заведений.

Важной с точки зрения нормативно-правового обеспечения автономии университетов является ч. 10 ст. 13 Закона «Об образовании», в которой устанавливается императивный запрет на вмешательство органов государственной власти и органов местного самоуправления в составление учебного плана и календарного учебного графика образовательной организации. Приведённая норма, несомненно, подчёркивает высокую степень самостоятельности высших учебных заведений.

Таким образом, в действующем российском правовом порядке образовательные организации высшего образования обладают внушительной степенью автономии и самостоятельности в решении внутренних вопросов. В этой связи представляется необходимым выяснить правовую природу рассматриваемой «университетской свободы». Данный вопрос имеет глубокое прикладное значение, поскольку от ответа на него зависят, в частности, перспективы дальнейшего существования автономии, а также критерии и пределы конституционно-правового механизма её ограничения.

Обращаясь к правовой природе автономии высших учебных заведений в России необходимо определить, нормативно-правовым актом какого уровня она учреждается. Ранее уже указывалось, что автономия университетов нашла своё отражение в ст. 28 Закона «Об образовании». Однако приводимая норма фактически развивает ст. 3 данного правового акта, в которой автономия образовательных организаций закрепляется в качестве принципа правового регулирования отношений в сфере образования (п. 9 ч. 1 ст. 3 Закона), что имеет свои правовые последствия. В частности, в соответствии с данным принципом должно выстраиваться правовое регулирование образовательных отношений. Закрепление автономии университетов в качестве правового принципа позволяет применять данную норму в целях преодоления правовых коллизий или восполнения правовых пробелов.

При этом стоит отметить, что Конституция России не содержит в себе упоминания автономии как самостоятельной конституционной ценности, на что обращал внимание и Конституционный Суд России. В своём Постановлении от 27 декабря 1999 г. Конституционный Суд России подчеркнул, что данный принцип непосредственно не закреплён в Основном законе (см. абзац второй п. 6 мотивировочной части)⁵. Таким образом, рассматриваемый принцип существует исключительно в рамках федерального законодательства.

Практическое значение выявленного положения заключается в том, что конституционно-правовые критерии и пределы ограничения автономии университетов существенно уступают стандартам ограничения конституционных положений. В следствие чего законодатель в большем количестве случаев оказывается вправе вмешиваться в самостоятельность образовательных организаций. При этом является очевидным факт, что принцип автономии университетов

5 Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27.12.1999 г. № 19-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2000. №1.

может конкурировать с правами обучающихся, как субъектов, непосредственно находящихся в организационно-административном подчинении образовательной организации и испытывающих на себе всю тяжесть предоставленной университетам автономии. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 43 Конституции России каждому гарантируется право на образование. В случае же конкуренции между принципом автономии учебных заведений и нормами Основного закона России приоритетная защита должна отдаваться последним.

Также можно утверждать, что в российском правовом порядке университетская автономия как раз-таки является гарантией реализации права, закреплённого в ч. 1 ст. 43 Конституции России. На это указывает отсутствие рассматриваемого принципа в тексте Основного закона в качестве самостоятельной конституционной ценности. Кроме того, автономия университетов наиболее корреспондирует именно данному праву.

В связи с вышеописанным, представляется возможным выдвинуть тезис, о том, что для государства при регулировании образовательных отношений принцип автономии университетов имеет вторичное и производное от права личности на образование значение. «Университетская свобода» представляет собой ценность лишь как один из, несомненно, важных инструментов реализации образовательных прав и осуществляется в образовательных интересах конкретной личности, общества и государства. Потому законодатель, регулируя общественные отношения в сфере образования, должен в первую очередь ориентироваться на наиболее полную и эффективную правовую защиту конституционных прав граждан.

Представляются релевантными к сформулированным положениям правовые позиции Конституционного Суда России, в которых указывалось, что «предоставление автономии образовательной организации не предполагает ее использования вопреки правам, гарантированным гражданам, обучающимся в образовательных организациях» (абз. 5 п. 2)⁶, «автономия образовательных организаций... ориентирована, прежде всего, на образовательные потребности и интересы обучающихся» (абз. 2 п. 3.1)⁷, «высшие учебные заведения несут «ответственност[ь] за свою деятельность перед личностью, государством и обществом» (абз. 3 п. 6)⁸. Конституционный Суд России неоднократно подчёркивал, что принцип автономии университетов подлежит ограничению, если подобное вмешательство законодателя является конституционно целесообразным, оправданным и соразмерным, в частности – способствует наиболее полной реализации и правовой защите права личности на образование.

Таким образом, принцип автономии образовательных организаций высшего образования в российском правовом порядке не является конституционной ценностью, но представляет собой одно из социальных и общепризнанных благ, которые необходимо учитывать при установлении баланса между интересами университетов и обучающихся при регулировании образовательных отношений. В настоящее время образовательные организации высшего образования обладают высоким уровнем самостоятельности в разрешении внутриорганизационных вопросов, действующее правовое регулирование предоставляет университетам

6 Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19.12.2019 г. № 3314-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.09.2023).

7 Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23.07.2020 г. № 39-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2020. № 5.

8 Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27.12.1999 г. № 19-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2000. № 1.

достаточный набор компетенций для полноценной и независимой реализации образовательных функций. Вместе с этим, описанные выше умозаключения свидетельствуют о том, что автономия высших учебных заведений может подлежать существенному ограничению. В перспективе государство может вмешиваться в самостоятельность высших учебных заведений при наличии достаточных оснований.

Представляется, что принцип автономии университетов должен быть обеспечен правовые гарантии, закреплёнными на конституционном уровне. В частности, достаточным уровнем правовой защиты данного принципа являлось бы его включение в текст Конституции России в качестве конституционной ценности (практика 2020 года продемонстрировала оптимальность предлагаемого варианта). Другой вариант решения выявленной проблемы – придание автономии университетов значения конституционной ценности путём истолкования норм Основного закона в решениях Конституционного Суда России, если на это будет воля судебного состава.

Библиографический список:

1. *Тверезовская Н. Т.* Мировой опыт в автономии университетов // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. № 11. С. 390-396.
2. *Гусак Л. Е.* Концепт автономии университета в контексте глобализационных процессов: исторический аспект // Балканское научное обозрение. 2020. Т. 4. № 1(7). С. 17-22.
3. *Ендовицкий Д. А.* Автономия современных российских университетов (взгляд со стороны ректорского корпуса) // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 11. С. 21-32.
4. *Певзнер М. Н.* Отечественные и зарубежные университеты: на пути к автономии // Вестник Новгородского государственного университета. 2012. № 70. С. 33-36.
5. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2-х т. – М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.

References:

1. *Tverezovskaya N. T.* (2011). World experience in university autonomy. Problems and prospects of education development in Russia. 11. pp. 390-396
2. *Gusak, L. E., Martirosyan L. A.* (2020). The concept of university autonomy in the context of globalization processes: a historical aspect. *Balkan Scientific Review*. Vol. 4. 1(7). pp. 17-22
3. *Endovitsky D. A.* (2020). Autonomy of modern Russian universities (a view from the rector's office). *Higher education in Russia*. Vol. 29. 11. pp. 21-32
4. *Pevsner M. N.* (2012). Domestic and foreign universities: on the way to autonomy. *Bulletin of the Novgorod State University*. 70. pp. 33-36
5. *Alekseev S.S.* (ed). (1981). *General theory of law: in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow: Juridical literature. p. 360

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.28
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_28

Бандурина Дарья Александровна
bandurina2002@gmail.com
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Васильев Александр Максимович
Ассистент кафедры уголовного права Уральского
государственного юридического университета
им. В.Ф. Яковлева

Современные тенденции в уголовно-исполнительной сфере: гуманизация условий отбывания наказания в России и Казахстане

Бандурина Д. А./ Современные тенденции в уголовно-исполнительной сфере: гуманизация условий отбывания наказания в России и Казахстане // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 28–36. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_28

Аннотация:

Идеи гуманизма затрагивают многие сферы деятельности человека, не обходя стороной и пенитенциарную систему. В связи с этим одним из современных веяний в данной области является тенденция к гуманизации условий отбывания наказания. Она характерна не только для Российской Федерации, но и для стран ближнего зарубежья. В статье приведен компаративный анализ уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан. В частности, автором проанализированы Уголовно-исполнительные кодексы указанных государств, а также законы и подзаконные акты, направленные на улучшение положения осужденных и отдельных категорий осужденных – беременных женщин, женщин, имеющих детей, инвалидов. Рассмотрены вопросы «внешней» и «внутренней» стороны гуманизации условий отбывания наказания. Также автором рассмотрены цели и задачи Психологической службы ФСИН Российской Федерации и Комитета уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан. Сделан вывод о том, что пенитенциарные системы обоих государств находятся в ведении правоохранительного ведомства, что, по мнению ряда ученых-правоведов, является недопустимым. Автор сравнивает объемы правоограничений осужденных в Российской Федерации и в Республике Казахстан. Сделан вывод о том, что не все ограничения прав осужденных отвечают критерию необходимости. Итоговый вывод автора заключается в том, что, несмотря на существующие проблемы, и в Российской Федерации, и в Республике Казахстан наблюдается возрастающая тенденция к гуманизации условий отбывания наказания, о чем свидетельствуют предпринимаемые законодателем попытки «ослабления» условий отбывания наказания и расширения перечня прав осужденных.

Ключевые слова:

принцип гуманизма, гуманизация условий отбывания наказания, компаративный анализ, уголовно-исполнительное законодательство, пенитенциарная система.

УДК 343.28
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_28

Daria A. Bandurina
bandurina2002@gmail.com
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Academic Supervisor:

Alexander M. Vasiliev
Assistant of Criminal Law department
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Modern Trends in the Penal Enforcement Sphere: Humanization of the Conditions of Serving Sentences in Russia and Kazakhstan

Daria A. Bandurina / Modern trends in the penal enforcement sphere: humanization of the conditions of serving sentences in Russia and Kazakhstan // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 3. P. 28–36. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_28

Abstract:

One of the integral elements of the modern education The ideas of humanism affect many spheres of human activity, without bypassing the penitentiary system. In this regard, one of the current trends in this area is the tendency to humanize the conditions of serving a sentence. This trend is typical not only for the Russian Federation, but also for neighboring countries. The article presents a comparative analysis of the penal enforcement legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. In particular, the author analyzes the Penal Codes of these States, as well as laws and regulations aimed at improving the situation of convicts and certain categories of convicts – pregnant women, women with children, disabled people. The issues of the «external» and «internal» sides of the humanization of the conditions of serving a sentence are considered. The goals and objectives of the Psychological Service of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation and the Committee of the Penal System of the Republic of Kazakhstan also are considered. It is concluded that the penitentiary systems of both states are under the jurisdiction of the law enforcement agency, which, according to a number of legal scholars, is unacceptable. The author compares the volume of legal restrictions of convicts in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan. It is concluded that not all restrictions on the rights of convicts meet the criterion of necessity. The author's final conclusion is that, despite the existing problems, both in the Russian Federation and in the Republic of Kazakhstan there is an increasing tendency to humanize the conditions of serving a sentence, as evidenced by the attempts made by the legislator to «relax» the conditions of serving a sentence and expand the list of rights of convicts.

Keywords:

the principle of humanism, humanization of the conditions of serving a sentence, comparative analysis, penal enforcement legislation, penitentiary system.

Одним из важнейших общеправовых принципов является принцип гуманизма. Данный принцип берет свое начало в ст. 2 Конституции РФ¹, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью, и, закрепляющей обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека. Сущность принципа гуманизма в уголовно-правовом аспекте раскрывается в ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации²: во-первых, это обеспечение безопасности человека; во-вторых, причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства не является и не может являться целью наказания и иных мер уголовно-правового характера. Идеи гуманизма находят отражение и в уголовно-исполнительной сфере: принцип гуманизма закреплен в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)³. Более того, одной из современных тенденций в уголовно-исполнительной сфере является гуманизация условий отбывания наказания. Данная тенденция характерна не только для России, но и для стран ближнего зарубежья, в связи с чем представляется интересным провести сравнительно-правовой анализ уголовно-исполнительного законодательства России и Казахстана, а также рассмотреть тенденции к гуманизации в уголовно-исполнительной сфере в данных государствах.

В настоящей работе под «внешней» стороной гуманизации понимаются аспекты, которые не относятся непосредственно к правовому статусу осужденных, но, тем не менее, в значительной мере влияют на него. Под «внутренней» стороной гуманизации понимается все, что непосредственно связано с правовым положением осужденных, их правами и обязанностями, законодательным закреплением прав и обязанностей осужденных.

Для начала рассмотрим вопросы «внешней» стороны гуманизации условий отбывания наказания. Проведение компаративного анализа следует начать с рассмотрения норм, закрепляющих принцип гуманизма в уголовно-исполнительной сфере. Как указывалось выше, в уголовно-исполнительном законодательстве России принцип гуманизма закреплен в ст. 8 УИК РФ. В данной норме приведен перечень основных принципов уголовно-исполнительного законодательства, при этом не указывается, что следует понимать под тем или иным принципом. В уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана принцип гуманизма закреплен в ст. 5 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (далее – УИК РК)⁴. Указанная норма, также как и российская, лишь содержит перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства, не раскрывая их содержания. При этом следует отметить, что и в России, и в Казахстане в уголовно-исполнительной сфере принцип гуманизма реализуется посредством обеспечения соблюдения конституционных норм, которые гарантируют, что человек, его жизнь, права и свободы являются высшей ценностью в рассматриваемых государствах (ст. 2 Конституции РФ, ч. 1 ст. 1 Конституции РК), норм о запрете применения пыток и насилия, унижения человеческого достоинства, а также норм, связанных с обеспечением безопасности личности и защитой

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 31.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 25. Ст. 2954.

3 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 г. N 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 2. Ст. 198.

4 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года N 234-V ЗРК (ред. от 01.07.2023) // «Егемен Қазақстан». 2014. N 134 (28358).

нематериальных благ человека и гражданина [1, с. 78].

Далее необходимо рассмотреть, какие органы власти отвечают за исполнение наказаний в России и Казахстане. Первоначально пенитенциарная система России находилась в ведении Министерства внутренних дел. Однако одним из условий вступления России в Совет Европы являлась передача пенитенциарной системы из ведения Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции – считалось, что передача пенитенциарной системы из ведения правоохранительного ведомства в ведение гражданского ведомства отвечает идеям гуманизации. Обусловлено это двумя причинами. Во-первых, исполнение наказания не должно находиться в ведении правоохранительного ведомства. Поскольку основная задача Министерства внутренних дел – выявление, раскрытие и расследование преступлений, нахождение пенитенциарной системы в ведении данного органа власти может привести к концентрации в его «руках» неограниченной власти над личностью. Во-вторых, милитаризованный персонал может обеспечивать осуществление превенции и изоляции, но не может эффективно осуществлять исправление осужденных [2, с. 52-53].

Позднее, в 2004 году, была сформирована Федеральная служба исполнения наказания (далее – ФСИН), которая находится в ведении Министерства юстиции. Министерство юстиции осуществляет ведомственный контроль за деятельностью учреждений и органов, подчиненных данной федеральной службы: проводит плановые проверки деятельности ФСИН, а также проверяет жалобы и заявления граждан и организаций на действия и бездействия должностных лиц ФСИН [3, с. 110]. Важно отметить тот факт, что в структуре ФСИН существует Психологическая служба ФСИН. Для того, чтобы оказывать психологическую помощь осужденным, подозреваемым и обвиняемым в адаптации к условиям содержания, в преодолении кризисных и стрессовых ситуаций, в налаживании межличностных отношений, а также в подготовке к освобождению и последующей ресоциализации, внутри исправительных учреждений, создаются специальные психологические лаборатории. При этом норма нагрузки на одного психолога в подразделении крайне высока: в воспитательных колониях – 100 человек (персонала и осужденных); в исправительных колониях и тюрьмах – 300 человек (персонала и осужденных); в следственных изоляторах – 350 человек (персонала, осужденных, подозреваемых и обвиняемых) [4, с. 126]. Так, один психолог обязан работать с большим количеством заключенных, что неизбежно сказывается на качестве предоставляемой психологической помощи ввиду чрезмерной нагрузки на специалистов Психологической службы.

«Аналогом» российского ФСИН в Казахстане является Комитет уголовно-исполнительной системы (далее – Комитет УИС). До 2011 года Комитет УИС входил в структуру Министерства юстиции, однако после реформирования пенитенциарной системы функции и полномочия Министерства юстиции в сфере уголовно-исполнительной деятельности были переданы Министерству внутренних дел. Данная реформа была воспринята неоднозначно. В частности, Коалиция неправительственных организаций Казахстана против пыток активно выступала против передачи пенитенциарной системы в ведение Министерства внутренних дел, обосновывая свою позицию тем, что из-за подобного изменения подведомственности будет усугубляться закрытость уголовно-исполнительной системы Казахстана [5, с. 187]. По сути, причина «недовольств» такова же, как и причина необходимости передачи пенитенциарной системы в ведение гражданского ведомства, – нельзя допустить чрезмерного и неограниченного контроля со стороны сотрудников учреждения над личностью осужденных, их правами и свободами.

В настоящее время в структуре Комитета УИС существует Управление воспитательной и социально-психологической работы среди осужденных, которое ответственно за организацию деятельности Комитета УИС в сфере воспитательного, социально-психологического, теологического и общественного воздействия на осужденных, а также за методическое обеспечение социальной работы и процесса психологического исправления осужденных⁵. В п. 80 Приказа Министра внутренних дел Республики Казахстан от 13 августа 2014 года N 508 «Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы»⁶ указано, что к проведению работы с осужденными привлекается психолог. Главной задачей «тюремного» психолога является осуществление диагностики индивидуально-психологических особенностей личности каждого осужденного и при необходимости оказание своевременной и качественной психологической помощи. Сначала должности психологов были введены только в закрытых учреждениях, в 2004 году в них работали 64 специалиста⁷. В 2004 году должности психологов были введены в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, в 2005 году – в колониях-поселениях. К сожалению, данных о количестве психологов в местах лишения свободы на 2023 год в открытом доступе нет. На 2010 год общее количество психологов составляло 226 человек. При этом, по словам председателя Комитета УИС Жаната Ешмагамбетова, в 2010 году количество лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, составило 63 тыс.⁸ Исходя из представленных данных, на одного психолога в 2010 году приходилось 279 лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Это свидетельствует о том, что наблюдалась чрезмерная нагрузка на «тюремных» психологов, приводящая к снижению качества предоставляемой профессиональной помощи.

Таким образом, уже на данном этапе исследования можно выявить ряд схожих проблем в системе отбывания наказания в России и Казахстане. Так, и в России, и в Казахстане пенитенциарная система находится в ведении правоохранительного ведомства, что отражает процесс милитаризации пенитенциарной системы, что ведет к низкой эффективности воздействия на осужденного с целью его исправления. Также в обоих государствах существует (в Казахстане, по меньшей мере, до 2010 года существовала) проблема дефицита, так называемых, «тюремных» психологов, число которых необходимо увеличить для оказания своевременной и эффективной психологической помощи осужденным, подозреваемым и обвиняемым.

Далее перейдем к вопросам «внутренней» стороны гуманизации условий отбывания наказания.

В УИК РФ указаны основные права осужденных, к числу которых относятся право осужденного знать о своих правах и обязанностях, получать информа-

5 Управление воспитательной и социально-психологической работы среди осужденных Комитета Уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ps/about/structure/departments/activity/20902/1?lang=ru> (дата обращения: 17.07.2023).

6 Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 13 августа 2014 года N 508 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0009729#z8> (дата обращения: 06.06.2023).

7 Каждому зеку - по психоаналитику. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30705239&pos=4;-98#pos=4;-98 (дата обращения: 06.06.2023).

8 В Казахстане количество заключённых сократилось в два раза. URL: <https://www.kp.kz/online/news/4091735/> (дата обращения: 06.06.2023).

цию о порядке и об условиях отбывания наказания; на вежливое обращение со стороны персонала исправительного учреждения; на охрану здоровья; отдельно право на получение психологической помощи; на социальное обеспечение; на получение юридической помощи; на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждения и в иные органы и т.д. В подтверждение тезиса о том, что в настоящее время возрастает тенденция к гуманизации условий отбывания наказания, стоит рассмотреть Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. N 110⁹, которым утверждаются новые правила внутреннего распорядка мест содержания под стражей. Согласно положениям указанного Приказа заключенным должны предоставляться возможности заниматься физическими упражнениями; получать образовательные услуги и правовую информацию; заключенным должен обеспечиваться восьмичасовой непрерывный сон; должно гарантироваться право на совершение почтовых и банковских денежных переводов; должен быть расширен список предметов, разрешенных для хранения в исправительных учреждениях; должна обеспечиваться возможность получать платные медицинские и юридические услуги и т.д. Особое внимание уделено отдельным категориям заключенных – беременным женщинам, женщинам с детьми, инвалидам. Следует отметить, что данные изменения подходят под основные цели Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года¹⁰, в числе которых главным образом выделяется улучшение условий содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых, включая содержание отдельных категорий указанных лиц.

В УИК РК так же, как и в российском законодательстве, содержатся основные права осужденных: осужденные имеют право получить информацию о том, как и в каких условиях, будет проходить отбывание наказания от соответствующих органов и учреждений; осужденные имеют право на юридическую помощь, на охрану здоровья и получение квалифицированной медицинской помощи; а также отдельно выделяется непосредственно психологическая помощь, доступ к которой должен гарантироваться осужденным. Стоит отметить, что согласно положениям Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года¹¹ для улучшения регулирования порядка и условий исполнения и отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового регулирования, а также усиления охраны прав и свобод осужденных требуется продолжать совершенствовать законодательство в уголовно-исполнительной сфере, в том числе путем его развития в соответствии с общепризнанными международными стандартами.

Из этого следует еще одно сходство в системе исполнения наказания в России и Казахстане: в обоих данных государствах права заключенных достаточно полно и точно описаны в уголовно-исполнительном законодательстве. И Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, и Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года в

9 Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Рос. Федерации от 04.07.2022 N 110 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.07.2023).

10 О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.04.2021 г. N 1138-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. N 20. Ст. 3397.

11 Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года N 674 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 17.07.2023)

качестве целей уголовной политики выделяют гуманизацию условий отбывания наказания.

Говоря о правах заключенных, расширении их перечня и конкретизации отдельных прав, необходимо затронуть и вопрос ограничения прав осужденных. В российском уголовно-исполнительном законодательстве существует ограничение следующих прав и свобод осужденных: свободы передвижения, выбора места жительства, права на тайну переписки и переговоров, свободы труда, права избирать и быть избранным (для осужденных к лишению свободы на определенный срок, пожизненному лишению свободы, смертной казни), свободы определения социального окружения, права приобретать в собственность и владеть определенными предметами [2, с. 13-14]. Однако все ли ограничения прав осужденных необходимы? В соответствии с ч. 3 ст. 92 УИК РФ осужденным, находящимся в строгих условиях отбывания наказания, в штрафных изоляторах, дисциплинарных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах, телефонный разговор может быть разрешен лишь при исключительных личных обстоятельствах. При этом не указывается, что следует понимать под «исключительными личными обстоятельствами». Так, право на телефонный звонок, являющееся важнейшей составляющей права на общение, поддержание социальных связей, существенно ограничено для лиц, отбывающих наказание в колониях строгого режима. При этом представляется, что отсутствие возможности у лиц, осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима, связываться со своими родственниками, близкими людьми не соответствует критерию необходимости – не прослеживается причинно-следственная связь между защитой конституционных ценностей из перечня ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства) и ограничением права или свободы (учитывая, что персонал исправительных учреждений наделен правом контролировать телефонные разговоры осужденных). Однако 8 августа 2022 года в Государственную Думу был внесен законопроект об улучшении условий заключения лиц в колониях строгого режима. В частности, авторы законодательной инициативы предлагают предоставить право на телефонный разговор в течение каждого года лицам, отбывающим наказание в строгих условиях один год и более. На настоящий момент законопроект еще не был принят окончательно, он находится на рассмотрении Государственной Думы. Данный шаг также свидетельствует о тенденции к гуманизации условий отбывания наказания.

В отношении уголовно-исполнительного законодательства Казахстана, можно говорить о наличии ограничений в отношении тех же прав заключенных, что и в России. При этом закрепленный на уровне Уголовно-исполнительного кодекса перечень ограничений несколько шире (в Российской Федерации аналогичные ограничения закреплены в подзаконном нормативном акте – Приказе Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. N 110). Так, например, согласно ч. 3 ст. 104 УИК РК осужденным запрещено отказываться от приема пищи, то есть устраивать голодовки, чтобы уклоняться от отбывания наказания или исполнения установленных обязанностей; передавать личные вещи и какие-либо изделия другому осужденному; общаться с использованием ненормативной лексики, присваивать клички, наносить себе или другим осужденным татуировки и т.д. Данные ограничения направлены, в первую очередь, на формирование и поддержание дисциплины в уголовно-исправительных учреждениях. Что касается рассмотренного выше права на телефонный разговор для лиц, отбывающих наказание в колониях строгого режима, в ч. 2 ст. 109 УИК РК закреплено, что осужденным, которые находятся в строгих условиях отбывания наказания или осужден-

ным, которых содержат в дисциплинарном изоляторе либо одиночной камере, предоставляется право на телефонный разговор в случаях: смерти или тяжелой болезни супруга (супруги), близкого родственника; стихийного бедствия, причинившего значительный материальный ущерб его семье, а также иных исключительных личных обстоятельствах. Так, в УИК РК, также как и в УИК РФ, содержится не являющееся необходимым ограничение права на телефонный разговор с родственниками, для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в колонии строгого режима. При этом в УИК РК конкретизировано, что относится к «исключительным личным обстоятельствам», при которых предоставляется право на телефонный разговор.

17 марта 2023 года был принят Закон Республики Казахстан N 212-VII ЗРК¹². Согласно положениям данного Закона для лиц, совершивших преступления по неосторожности; лиц, осужденных за преступления, не связанные с применением насилия, в сфере информации и связи, экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, медицинские уголовные правонарушения и экологические уголовные правонарушения; лиц, осужденных за коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления, в случае полного возмещения ими ущерба, причиненного преступлением; лиц, впервые осужденных за совершение умышленного преступления, за которое назначено наказание к лишению свободы на срок до двух лет предусматривается отбывание лишения свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности. Также Закон предусматривает улучшение положения женщин, имеющих детей: по ходатайству осужденной женщины к администрации учреждения ребенок (дети) может (могут) остаться с осужденной до достижения ими четырехлетнего возраста в случаях, если осталось менее одного года до освобождения по отбытию срока наказания. Более того, осужденным женщинам, имеющим детей, предоставляется право на подачу ходатайства об условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Данные нормы направлены, прежде всего, на сохранение социальных связей осужденных женщин с их детьми, что, несомненно, свидетельствует о тенденции к гуманизации условий отбывания наказания.

Подводя итоги вышеизложенного, можно сделать вывод, что и в уголовно-исполнительном законодательстве России, и в уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана принцип гуманизма происходит из конституционных положений, провозглашающих человека, его права и свободы высшей ценностью. Принцип гуманизма закреплен в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве обоих государств в качестве одного из основополагающих принципов. При этом ни в уголовно-исполнительном законодательстве России, ни в уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана не раскрывается содержание данного принципа.

На настоящий момент пенитенциарная система обоих государств находится в ведении правоохранительных ведомств – в России в ведении милитаризованной ФСИН, входящей в структуру Министерства юстиции; в Казахстане в ведении Комитета УИК, входящего в структуру Министерства внутренних дел.

12 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прав человека в сфере уголовного судопроизводства, исполнения наказания, а также предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения: закон Республики Казахстан от 17 марта 2023 года N 212-VII ЗРК // Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде, 24.03.2023 г., газета «Казахстанская правда» N 53 (29930), 20.03.2023 г. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000212/info> (дата обращения: 17.07.2023).

При этом, по мнению ряда ученых-правоведов, нахождение пенитенциарной системы в ведении правоохранительного ведомства недопустимо, поскольку это может привести к концентрации власти над личностью и ее правами «в руках» одного органа. Более того, гражданский персонал с большей эффективностью, чем милитаризованный, способен обеспечить выполнение ключевой функции уголовного наказания – исправление осужденного.

Концепции правового развития обоих государств в качестве одной из целей провозглашают гуманизацию условий отбывания наказания.

Права осужденных в обоих государствах существенно ограничены, при этом большинство ограничений прав необходимы, поскольку они направлены на достижение целей уголовного наказания, а также на формирование и поддержание дисциплины и порядка в исправительных учреждениях. Однако сохраняются и необоснованные ограничения, такие, как, например, ограничение права на общение и поддержание социальных связей для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в колониях строгого режима.

При этом в настоящий момент и в Российской Федерации, и в Республике Казахстан, прослеживается тенденция к гуманизации в уголовно-исполнительной сфере. Проявляется данная тенденция, в частности, в том, что постепенно перечень прав осужденных расширяется путем принятия законов и подзаконных нормативно-правовых актов, закрепляющих новые права осужденных и конкретизирующих уже имеющиеся в уголовно-исполнительном законодательстве права осужденных. Особое внимание уделяется отдельным, менее защищенным, категориям осужденных – беременным женщинам, женщинам, имеющим детей, инвалидам. Лицам с ограниченными возможностями предоставляются условия содержания, соответствующие их физическим и психологическим особенностям. Беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, предоставляется возможность сохранения социальных связей с детьми.

В заключение необходимо отметить, что тенденция к гуманизации условий отбывания наказания, безусловно, должна получать дальнейшее развитие. Тенденция к гуманизации условий отбывания наказания соответствует конституционному принципу признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека, способствует обеспечению верховенства закона и укреплению государственности. В частности, гуманизация условий отбывания наказания способствует более полному обеспечению прав осужденных, повышает эффективность уголовно-исполнительной системы государства, что в свою очередь влияет на скорость и качество исправления осужденных и их последующую ресоциализацию. Представляется, что именно гуманизация условий отбывания наказания, которой коррелирует повышение эффективности исправления осужденных неизбежно приведет к укреплению общественного порядка и снижению случаев рецидива, ввиду более полной ресоциализации осужденных благодаря улучшенным условиям отбывания наказания.

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

Библиографический список:

1. *Первозванский В. Б., Силенков В. И.* Ресоциализация осужденных и гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы как средства реализации национальной идеи // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 74-81
2. *Сергеев Д.Н.* Проблемы уголовно-правовой изоляции: монография. – М.: Проспект. 2022. 112 с.
3. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / И. Я. Козаченко [и др.]; отв. ред. И. Я. Козаченко, А. П. Деткова. – 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2023. 476 с.
4. *Дебольский М. Г.* Психологическая служба уголовно-исполнительной системы России: опыт организации // Российский психологический журнал. 2004. Т. 1. № 1. С. 119-130.
5. *Симонов С. В.* Целесообразность передачи Комитета уголовно-исполнительной системы Казахстана из одного ведомства в другое // Правовая безопасность в пенитенциарной системе: понимание, структура, обеспечение: материалы Международной научно-практической конференции, Самара, 28 апреля 2012 года. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России. 2012. С. 187-191.

References:

1. *Pervozvansky V. B., Silenkov V. I.* (2017). Resocialization of convicts and humanization of execution of punishment in the form of imprisonment as a means of realization of the national idea. Bulletin of the Kuzbass Institute. 3 (32). pp. 74-81
2. *Sergeev D.N.* (2022). Problems of criminal-legal isolation: monograph. Moscow: Prospect. p. 112
3. *Kozachenko I. Ya., Detkov A. P.* (2023). Penal enforcement law: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House. p. 476
4. *Debolsky M. G.* (2004). Psychological service of the penal system of Russia: organization experience. Russian Psychological Journal. Vol. 1. 1. pp. 119-130
5. *Simonov S. V.* (2012). Expediency of transferring the Committee of the Penal enforcement system of Kazakhstan from one department to another. Legal security in the penitentiary system: understanding, structure, provision : materials of the International Scientific and Practical Conference, Samara. pp. 187-191

УДК 342.8
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_37

Бисултанов Дени Ширваниевич

deni.bisultanov.2014@mail.ru
Студент юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) Университета Прокуратуры
Российской Федерации

Ершова Полина Алексеевна

polina_ershova_2001@mail.ru
Студент юридического факультета
Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) Университета Прокуратуры
Российской Федерации

Научный руководитель:

Чепенко Яна Константиновна

Доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета Прокуратуры
Российской Федерации, кандидат юридических наук

**Некоторые проблемы
кодификации
законодательства
Российской Федерации о
выборах и референдумах**

Бисултанов Д. Ш., Ершова П. А. / Некоторые
проблемы кодификации законодательства
Российской Федерации о выборах и референдумах // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 37–42. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_37

Аннотация:

В данной статье исследуются актуальные проблемы законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах. Так, авторами затронута проблема большого количества нормативных правовых актов в сфере избирательного права. В частности, упоминается о том, что большое количество законов и подзаконных актов представляет собой огромный массив информации, освоить и изучить который тяжело не только дипломированным юристам, но и значительной части граждан, которые не обладают познаниями в области юриспруденции. Авторами статьи также поднимается проблема кодификации законодательства о выборах и референдумах. Представлена позиция, которая заключается в необходимости принятия единого федерального Кодекса Российской Федерации о выборах и референдумах (далее — Избирательный кодекс). В основу данного кодекса авторы предлагают заложить положения действующих региональных избирательных кодексов, а также положения Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Кроме того, в данной научной статье подробно рассмотрен законопроект Избирательного кодекса, который был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Госдума) в феврале 2023 года, проанализированы его положения и нововведения. Сделан вывод о том, что отдельные положения данного законопроекта необходимо модифицировать и внедрять в существующее законодательство уже сейчас, чтобы проверить, как они будут работать и функционировать на практике. Если эффект принятия таких норм даст положительный результат, то в будущем именно они лягут в основу формирования Избирательного кодекса.

УДК 342.8
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_37

Deni Sh. Bisultanov

deni.bisultanov.2014@mail.ru
Student of the Faculty of Law
St. Petersburg Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Polina A. Ershova

polina_ershova_2001@mail.ru
Student of the Faculty of Law
St. Petersburg Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Academic Supervisor:

Yana K. Chepenko

Associate Professor of the Department of State Legal
Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian
Federation, candidate of Legal Sciences

**Some Problems of Codification
of the Legislation
of the Russian Federation
on Elections and Referendums**

Deni Sh. Bisultanov, Polina A. Ershova / Some problems
of codification of the legislation of the Russian
Federation on elections and referendums // Ural Journal
of Legal Studies. 2023. No. 3. P. 37–42. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_37

Abstract:

This article examines current problems of the legislation of the Russian Federation on elections and referendums. Thus, the authors touched upon the problem of a large number of regulatory legal acts in the field of electoral law. In particular, it is mentioned that a large number of laws and regulations represent a huge amount of information, which is difficult to master and study not only for certified lawyers, but also for a significant part of citizens who do not have knowledge in the field of jurisprudence. The authors of the article also raise the problem of codification of legislation on elections and referendums. The position presented is the need to adopt a unified federal Code of the Russian Federation on elections and referendums. The authors propose to base this code on the provisions of the current regional electoral codes, as well as the provisions of the Federal Law of June 12, 2002 No. 67-FZ «On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation». In addition, this scientific article examines in detail the draft law of the Electoral Code, which was submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in February 2023, and analyzes its provisions and innovations. It is concluded that certain provisions of this bill need to be modified and implemented into existing legislation now in order to check how they will work and function in practice. If the effect of the adoption of such norms gives a positive result, then in the future they will form the basis for the formation of the Electoral Code.

Ключевые слова:

принцип гуманизма, гуманизация условий отбывания наказания, компаративный анализ, уголовно-исполнительное законодательство, пенитенциарная система.

Keywords:

the principle of humanism, humanization of the conditions of serving a sentence, comparative analysis, penal enforcement legislation, penitentiary system.

В теории государства выработалось три типа политических режимов: авторитарный, тоталитарный и демократический [1, с. 61–68]. В контексте данной статьи рассматриваются явления, присущие государству с установившимся демократическим политическим режимом, и, в частности, такие институты демократии, как выборы и референдум.

Слово «демократия», заимствованное из французского языка, восходит к греческому «*demokratia*», где было образовано сложением «*demos*» — «народ» и «*kratos*» — «власть», что буквально означает «власть народа». Власть народа реализуется как непосредственно, так и через выбранных демократическим путём представителей. Таким образом, одним из фундаментальных признаков, характеризующих демократическое общество, является обладание членами данного общества как активных (возможность избирать), так и пассивных (возможность быть избранным) избирательных прав, а также возможность членам данного общества решать наиболее значимые общественные вопросы (например, принятие конституции государства) на референдуме [2, с. 25].

Стоит отметить, что охарактеризовать выборы как демократические можно только при их соответствии следующим принципам [3, с. 44–45]:

- Альтернативность кандидатов, то есть наличие на выборах нескольких равноправных кандидатов.
- Тайное голосование, то есть участники голосуют анонимно, а также никто, будь то представители публичной власти или любые другие субъекты, не вправе контролировать волеизъявление голосующего гражданина.
- Объективность информации, то есть объективное информирование избирателей средствами массовой информации о ходе подготовки и проведения выборов, о сроках и порядке совершения избирательных действий, о законодательстве о выборах, о кандидатах, избирательных объединениях и др.
- Всеобщность, то есть каждый гражданин, достигший 18 лет, независимо от своего социального положения, пола (примечательно, кстати, что Россия является первой из великих европейских держав, в которой женщины наряду с мужчинами получили возможность участвовать в выборах [4, с. 4–5]), национальности, вероисповедания, образования, места жительства, может принимать участие в выборах в качестве избирателя. Согласно ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, принимать участие в выборах в качестве избирателя не могут¹.
- Равенство голосов всех граждан, то есть каждый избиратель имеет лишь один голос.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31.

В свою очередь референдум можно охарактеризовать как демократический в том случае, если он базируется как минимум на следующих принципах, которые во многом схожи с принципами, характеризующими демократические выборы [5, с. 37]:

- Референдум проводится на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.
- Принятое на референдуме решение является общеобязательным и не нуждается в дополнительном утверждении и др.

Переходя непосредственно к политико-правовой системе Российской Федерации, можно обратить внимание на «обилие» нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной сфере жизни общества.

Так, ядром правового регулирования избирательных прав граждан и права граждан на участие в референдуме, безусловно, является Конституция, а именно упомянутая ранее ст. 32 Конституции (конкретно части 1–3 данной статьи). На фундаментальный и государствообразующий характер прав граждан, закреплённых частями данной статьи, указывает её нахождение в главе 2 Конституции («Права и свободы человека и гражданина»), которая, согласно ч. 1 ст. 135 Конституции, не подлежит пересмотру палатами Федерального Собрания Российской Федерации. Статьями 141–142². Уголовного кодекса Российской Федерации, расположенными в главе 19 («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»), от посягательств третьих лиц охраняются закреплённые Конституцией избирательные права и права граждан на участие в референдумах, что так же свидетельствует о высочайшем уровне значения для государства возможности гражданам реализовывать свои конституционные права. Отметим, что отношения в рассматриваемой нами сфере, помимо ст. 32 Конституции, регулируются и иными статьями Конституции. Так существуют отдельные положения:

- О выборах Президента Российской Федерации (ст. 81)².
- О выборах депутатов Госдумы (ст. 96–97)³.
- О формах волеизъявления народа на уровне местного самоуправления: выборы, референдум и др. (ст. 130)⁴

Как известно, в конституции государства содержатся нормы-принципы [6, с. 72], которые реализуются в нижестоящих по юридической силе нормативных правовых актах. Авторами статьи было найдено как минимум двадцать пять федеральных конституционных и федеральных законов, которыми регламентируются выборы и референдумы⁵. Так, наиболее важными, на наш взгляд, являются:

- Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации».
- Федеральный закон от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации».

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 31.

3 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 31.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 31.

5 Законодательство Российской Федерации о выборах и референдумах, иные нормативные правовые акты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/law/constitution.php> (дата обращения: 31.08.2023).

- Федеральный закон от 10 января 2003 года № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» и др.

Обилие нормативных правовых актов, регулирующих участие граждан Российской Федерации в выборах и референдумах, по мнению авторов, является основной проблемой в рассматриваемой нами сфере. Как минимум двадцать пять законов и ещё большее количество подзаконных актов, которыми урегулированы вопросы выборов и референдумов, представляют собой, без преувеличения, громадный массив информации, освоить который тяжело не только дипломированным юристам, но и, в первую очередь, большей части граждан, не обладающей познаниями в области юриспруденции. Известно, что членам российского общества характерен низкий уровень правосознания, выражающийся в том числе и откровенным пренебрежением к законам (правовой нигилизм).

На практике можно проследить, что с каждым годом количество принимаемых законов увеличивается в геометрической прогрессии, однако активное принятие законов сопровождается их неисполнением и открытым игнорированием. К сожалению, в такой ситуации доверие населения к органам публичной власти остаётся на минимальном уровне. В первую очередь, данный факт должен послужить сигналом для власти, чтобы сосредоточиться на качественном развитии законодательства, а не на дальнейшем увеличении количества принимаемых законов, что позволит удовлетворить потребности современного российского общества, обеспечивая строгое соблюдение законов как гражданами, так и представителями власти. Следует отметить, что даже при наличии множества законов, их нормы не всегда являются ценностными и основополагающими. Коллизии, правовые пробелы и несовместимость законов действительному положению дел в обществе так же способствуют правовому нигилизму и «разрушению» единства правовой системы Российской Федерации. Необходимо более внимательное отношение к разработке законов, учитывая их содержательную и техническую сторону, а также их соответствие программам реформирования. Это поможет сохранить уважение к закону в обществе и поверить в его способность решать социальные проблемы при условии, что правотворческая деятельность будет основана на ценностях справедливости и нравственности [7, с. 29].

Попытки по кодификации избирательного законодательства предпринимались неоднократно. Так, одна из последних попыток была предпринята в феврале 2023 года. Депутатами одной из фракций, а именно Коммунистической партии Российской Федерации (далее — КПРФ), был внесён в Госдуму проект Избирательного кодекса⁶. Вышеупомянутый 453-страничный проект содержит в себе некоторые нововведения, в частности:

- Введение единого дня голосования — третье воскресенье марта.
- Отмена многодневного голосования и возможности волеизъявления на придомовых территориях.
- Ликвидация дистанционного электронного голосования.
- Отмена муниципального фильтра на выборах губернатора.
- Неизменность нормативно-правовой базы в период выборов.

Помимо данных нововведений, КПРФ предлагает и другие: например, предлагается вернуть трансляцию с камер видеонаблюдения на избирательных участках в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и т. д. Однако, несмотря на многие достоинства законопроекта, его не поддержало Пра-

6 Проект нового избирательного кодекса от КПРФ [Электронный ресурс]. URL: <https://msk.kprf.ru/2022/11/12/227341/> (дата обращения: 31.08.2023).

вительство Российской Федерации, аргументировав это тем, что принятие Избирательного кодекса потребует дополнительного финансирования из бюджета, а источники финансирования так и не определены.

По нашему мнению, по части юридической техники данный законопроект требует множество доработок, так как он содержит в себе различные противоречия как с Конституцией, так и с действующим федеральным законодательством (например, предлагается снять ограничение пассивного избирательного права граждан с непогашенной судимостью и статусом иностранных агентов). Поэтому создавать основательный и «долгоживущий» на основе вышеупомянутого законопроекта единый кодифицированный нормативный правовой акт, регулирующий процесс участия граждан в выборах и референдумах, на данном этапе считаем нецелесообразным.

Нововведения, которые предложила КПРФ, необходимо модифицировать и внедрять уже сейчас, чтобы проследить, как они будут работать и функционировать в жизни на практике. Если будет положительный результат, то в будущем именно они лягут в основу формирования Избирательного кодекса.

Хочется отметить, что более чем в пятнадцати субъектах Российской Федерации (например, в Москве, Костромской области и др.) разработаны и действуют Избирательные кодексы, которые на практике показали свою эффективность. Поэтому мы предлагаем создать единый Избирательный кодекс Российской Федерации, в основе которого будут заложены положения действующих региональных избирательных кодексов, а также положения Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Подводя итог, хочется сказать, что кодификация законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах необходима для оптимизации процессов, происходящих в рассматриваемой нами сфере. Повторим, что разнообразие нормативных правовых актов не является примером эффективного функционирования избирательного процесса. Создание и дальнейшее принятие Избирательного кодекса окажет положительное и прогрессивное влияние на развитие избирательного права Российской Федерации. Отдельные положения предлагаемых проектов Избирательного кодекса необходимо совершенствовать и проверять на практике путём их применения уже сейчас для того, чтобы они легли в его основу. При реализации данных шагов в ближайшем будущем с помощью государственной и общественной поддержки будет сформирован Избирательный кодекс, который будет иметь положительное значение для «оздоровления» избирательной системы Российской Федерации.

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

Библиографический список:

1. *Честнов И.Л.* Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. Часть 1. Теория государства. — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 92 с.
2. *Самарина М.Н.* Развитие института выборов как способа реализации права граждан на участие в делах государства // Диалог. 2015. № 1 (1). С. 20–25.
3. *Геворкян В.В.* Принципы и стандарты функционирования института выборов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 2. С. 44–45.
4. *Семенова Н.К., Голышева П.Д.* К вопросу о правах женщин на участие в управлении государством // Научный вестник Крыма. 2022. № 5 (40). С. 4–5.
5. *Шабанов Х.М.* Референдум как форма осуществления непосредственной демократии: вопросы теории и практики // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 1. С. 36–38.
6. *Таева Н.Е.* Конституционные нормы-принципы в трудах В.В. Невинского: понятие, ранжирование, ценностное содержание // Образование и право. 2022. № 2. С. 71–78.
7. *Матевосова Е.К.* Правовой нигилизм в России и его причины // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 22–30.

References:

1. *Chestnov I.L.* (2016). Theory of state and law: textbook for undergraduate studies. Part 1. Theory of the state. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. p. 92
2. *Samarina M.N.* (2015). Development of the institution of elections as a way of realizing the right of citizens to participate in state affairs. Dialogue. 1 (1). pp. 20-25
3. *Gevorkyan, V.V.* (2011). Principles and standards for the functioning of the institution of elections. Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2. pp. 44-45
4. *Semenova N.K., Golysheva P.D.* (2022). On the issue of women's rights to participate in government. Scientific Bulletin of Crimea. 5 (40). pp. 4-5
5. *Shabanov Kh.M.* (2011). Referendum as a form of direct democracy: questions of theory and practice. Legal Bulletin of the Dagestan State University. 1. pp. 36-38
6. *Taeva N.E.* (2022). Constitutional norms and principles in the works of V.V. Nevinsky: concept, ranking, value content. Education and Law. 2. pp. 71-78
7. *Matevosova E.K.* (2011). Legal nihilism in Russia and its causes. Current problems of Russian law. 3. pp. 22-30

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 34.01
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_43

Евсеева Ирина Денисовна

ev5eeva.i@yandex.ru
Студент Юридического института Национального
исследовательского Томского государственного
университета

Научный руководитель:

Гончарова Валерия Андреевна

Доцент кафедры гражданского права Томского
государственного университета, кандидат
юридических наук

Компенсация морального вреда, причиненного в процессе оказания медицинских услуг

Евсеева И. Д. / Компенсация морального вреда,
причиненного в процессе оказания медицинских услуг
// Уральский журнал правовых исследований. 2023. №
3. С. 43–49. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_43

Аннотация:

Статья посвящена анализу положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», раскрывающих особенности компенсации нравственных страданий, возникших вследствие оказания медицинских услуг. В рамках данной статьи авторы предприняли попытку найти решение в спорных вопросах, выделенных в результате изучения положений указанного выше постановления, в частности, вопросов разграничения ответственности медицинских организаций и их работников, определения возможных случаев компенсации нравственных страданий в медицинской сфере деятельности. В рамках проведенного в статье исследования были изучены как положения действующего российского законодательства, его различных отраслей (в частности, гражданской, трудовой, уголовной и других), так и тезисы из научных исследований. Также в статье дается общая оценка указанных выше положений постановления. Отдельное внимание уделяется изучению положений судебных решений судов субъектов Российской Федерации, рассмотревших дела о компенсации нравственных страданий в медицинской сфере деятельности, с целью выявления общих закономерностей, сложившихся в судебной практике при разрешении дел, связанных с компенсацией морального вреда в медицинской сфере деятельности. Авторы пришли к выводу о том, что в нормативном материале содержатся неточности и противоречия, касающиеся данной области исследования. Обращается внимание на необходимость их разрешения в целях формирования единого правового пространства на территории Российской Федерации.

Ключевые слова:

моральный вред, компенсация, судебная практика.

УДК 34.01
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_43

Irina D. Evseeva

ev5eeva.i@yandex.ru
Tomsk State University Law Institute, Student

Academic Supervisor:

Valeria A. Goncharova

Assistant professor of Civil Law department
Tomsk State University, candidate of Juridical Sciences

Compensation for Moral Harm Caused During the Provision of Medical Services

Irina D. Evseeva / Compensation for moral harm caused
during the provision of medical services // Ural Journal of
Legal Studies. 2023. No. 3. P. 43–49. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_43

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 «On the practice of application by courts of norms on compensation for moral harm», revealing the features of compensation for moral suffering resulting from the provision of medical services. Within the framework of this article, the authors have attempted to find a solution to the controversial issues identified as a result of studying the provisions of the above-mentioned resolution, in particular, the issues of delineating the responsibility of medical organizations and their employees, determining possible cases of compensation for moral suffering in the medical field. Within the framework of the research conducted in the article, both the provisions of the current Russian legislation, its various branches (in particular, civil, labor, criminal and others), and theses from scientific research were studied. The article also gives an overall assessment of the above provisions of the resolution. Special attention is paid to the study of the provisions of judicial decisions of the courts of the constituent entities of the Russian Federation that have reviewed cases on compensation for moral suffering in the medical field of activity, in order to identify common patterns that have developed in judicial practice when resolving cases related to compensation for moral harm in the medical field of activity. The authors came to the conclusion that the normative material contains inaccuracies and contradictions concerning this area of research. Attention is drawn to the need for their resolution in order to form a unified legal space on the territory of the Russian Federation.

Keywords:

moral harm, compensation, judicial practice.

15 ноября 2022 года Верховным Судом Российской Федерации было принято Постановление № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». В этом документе определены многие аспекты компенсации нравственных страданий, в том числе в нем содержатся несколько пунктов, касающиеся вопросов компенсации морального вреда, возникшего вследствие оказания медицинских услуг¹. Ранее в своих обзорах судебной практики Пленум ВС рассматривал отдельные аспекты компенсации морального вреда, причиненного при оказании медицинских услуг², однако в Постановлении №33 суд сформулировал общие положения, касающиеся указанной выше сферы, которые имеют значение для научного исследования. В этой связи представляется необходимым ознакомиться с указанными в нем положениями, касающимися данной сферы, и установить их возможное влияние на существование и развитие института компенсации морального вреда в России.

Вопросы компенсации морального вреда, возникшие в сфере медицинской деятельности, регулируются пунктами 48-49 указанного выше Постановления Верховного Суда Российской Федерации. Данный судебный орган отмечает, что ответственность за нарушения прав граждан в сфере охраны здоровья несут медицинские организации как государственных, так и частных систем здравоохранения; при этом закон налагает такую ответственность и на работников данных заведений, делая указания на ряд статей Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³.

Верховный Суд также указывает, какие юридические факты должны быть установлены судом при рассмотрении дела о компенсации морального вреда и как распределяется бремя доказывания при рассмотрении исковых заявлений по данной категории дел⁴. Такого рода уточнения являются значимыми с точки зрения теории и правоприменения, поскольку вопрос предмета [1, с. 84] и бремени доказывания [2, с. 74] при рассмотрении споров о компенсации морального вреда, возникшего в результате оказания медицинских услуг, является трудно-разрешимым, о чем говорится в юридической литературе на протяжении значительного периода времени.

Вместе с тем Постановление № 33 не содержит указаний на ряд аспектов, требующих конкретизации с юридической точки зрения. В частности, в указанных выше пунктах не определен порядок разграничения ответственности организации и ее сотрудников при компенсации нравственных страданий. Проанализировав положения действующего гражданского законодательства, можно сделать вывод, что вопрос разграничения медицинской ответственности между организацией и медицинским работником должен быть решен следующим образом:

- 1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31761/> (дата обращения: 05.09.2023).
- 2 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/28993/>, Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.06.2020) // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/29031/> (дата обращения: 05.09.2023).
- 3 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31761/> (дата обращения: 05.09.2023).
- 4 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31761/> (дата обращения: 05.09.2023).

согласно статье 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей⁵. Основываясь на данном положении законодательства, можно сделать вывод, что в случае причинения морального вреда пациенту ответственность за это должна нести медицинская организация, которая, в свою очередь, имеет право регресса, то есть право обратного требования к своему работнику как лицу, возместившее вред, причиненный этим работником. Данный тезис сформулирован на основе положений, содержащихся в законодательстве (по этой причине он и не указывается в Постановлении № 33), однако следует отметить, что из этого правила могут быть исключения, о которых будет сказано ниже.

Однако, прежде чем к ним перейти, представляется целесообразным указать, что при разрешении вопроса разграничения медицинской ответственности могут быть применимы и положения трудового законодательства. Так, согласно статье 192 Трудового кодекса Российской Федерации, работодатель имеет право применить дисциплинарные взыскания по отношению к работнику, совершившему дисциплинарный проступок, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей (применительно к данному исследованию – оказавшему некачественную медицинскую помощь)⁶. Также можно обратиться к статье 238 Трудового кодекса Российской Федерации, в которой сказано, что работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб, под которым в том числе понимается и возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам⁷.

Представляется, что не во всех случаях медицинская ответственность за причинение морального вреда будет налагаться на медицинские организации. Так, если работник действует с выходом за пределы своих полномочий, совершая при этом нарушение права, медицинская организация не будет нести ответственность за совершенные ее сотрудником деяния, что вытекает из положений статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации. В таком случае гражданин, причинивший вред пациенту, будет самостоятельно нести гражданско-правовую ответственность за нарушение им права пациента, в том числе и за причинение ему морального вреда.

Можно также привести пример ситуации, в которой ответственность за причинение нравственных страданий будет нести не организация, а лицо, работающее в ней. Так, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции взыскал компенсацию морального вреда в пользу пациента с физического лица. Такое решение суд принял в связи с тем, что это лицо было одновременно главным врачом медицинской организации, ее учредителем и директором, а само юридическое лицо к моменту подачи иска было ликвидировано [3].

На данном этапе исследования можно сделать вывод, что, как и указано в Постановлении Пленума Верховного Суда № 33, ответственность за нарушение прав граждан в сфере охраны здоровья может нести как медицинская организация, так и ее работник. Выбор ответчика по исковому заявлению о компенсации

5 Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ): федер. закон от 26 января 1996 года N 14-ФЗ// Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

6 Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ): федер. закон от 30 декабря 2001 года N 197-ФЗ// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.

7 Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ): федер. закон от 30 декабря 2001 года N 197-ФЗ// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.

морального вреда в данном случае будет варьироваться в зависимости от особенностей какого-либо дела.

При изучении вопросов компенсации нравственных страданий в медицинской сфере деятельности необходимо точно определить случаи, при которых такая компенсация возможна. По этому вопросу в Постановлении № 33 содержится следующая формулировка: «Медицинские организации, медицинские и фармацевтические работники государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения несут ответственность за нарушение прав граждан в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи и обязаны компенсировать моральный вред, причиненный при некачественном оказании медицинской помощи»⁸. Такое суждение наталкивает на мысль, что компенсация морального вреда возможна лишь при оказании некачественной медицинской помощи. В таком случае возникает закономерный вопрос: как должен действовать пациент, если ему были причинены нравственные страдания, которые он считает нужным компенсировать, при нарушении его прав в сфере охраны здоровья, не связанным с некачественным оказанием медицинской помощи?

Представляется, что прежде, чем дать ответ на этот вопрос, необходимо определить, что входит в понятие «некачественное оказание медицинской помощи», то есть какие действия медицинской организации и ее работников будут охватываться данной дефиницией. Законодательство не оперирует указанным выше понятием, однако в нем можно встретить такой термин, как «качество медицинской помощи». Согласно статье 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» качеством медицинской помощи является совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата⁹. Используя данную дефиницию, можно предположить, что под некачественным оказанием медицинской помощи следует понимать ее несвоевременное оказание, неправильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, низкую степень достижения запланированного результата. Поскольку данное суждение является лишь предположением, можно также обратиться и к доктринальным исследованиям данного вопроса.

В науке, причем как юридической, так и медицинской, данный вопрос исследован недостаточно объемно, но среди авторов, которые его все же каким-либо образом коснулись, не сложилось единого мнения. Так, например, в учебном пособии «Ответственность за правонарушения в медицине» содержится определение такой категории, как «дефект медицинской помощи», под которым понимается оказание медицинской помощи некачественным образом, выразившееся в ухудшении здоровья пациента во время процессов диагностики, лечения или организации медицинской помощи [2, с. 127]. Проанализировав данное определение, можно понять, что некачественное оказание медицинской помощи в данном случае трактуется через ухудшение здоровья пациента. В то же время в работе М.А. Винокуровой можно встретить следующее суждение: «Оказание помощи

8 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31761/> (дата обращения: 05.09.2023).

9 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст.6724.

ненадлежащим образом связано с качеством ее предоставления, которое соотносится с временными интервалами проведения медицинских вмешательств и нормативно установленными экономическими стандартами медицинского образца» [3]. Основываясь на этой фразе, можно сделать вывод, что М.А. Винокурова рассматривает некачественное оказание медицинской помощи, используя такие категории, как время оказания помощи и стандарты ее осуществления. Подытожив, можно отметить, что как в науке, так и в законодательстве вопрос о содержании понятия некачественного оказания медицинской помощи решается неоднозначно.

Ранее в исследовании был поставлен вопрос о возможности компенсации морального вреда при нарушении прав граждан в сфере охраны здоровья, при причинении вреда жизни, здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи. Хотя Пленум напрямую не указывает на необходимость компенсации нравственных страданий в случае возникновения указанных выше нарушений, представляется, что возможность взыскания компенсации морального вреда в отмеченных выше случаях все же есть. Такой вывод, в частности, можно сделать, основываясь на позициях, выработанных Верховным Судом Российской Федерации. Так, например, если обратиться к тексту Постановления № 33, а именно к его общим положениям, то можно понять, что данный судебный орган допускает возможность компенсации морального вреда при нарушении права гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь (которая необязательно должна быть некачественной), поскольку эти права упоминаются в определении морального вреда, приведенного в данном документе¹⁰. Для подтверждения указанной позиции можно также обратиться к Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2019), в котором сформулирована следующая правовая позиция: «Факт смерти одного из супругов в результате оказания ему некачественной, неквалифицированной медицинской помощи может являться основанием для компенсации морального вреда другому супругу»¹¹. Изучив данное положение, можно отметить, что Президиум Верховного Суда, во-первых, указывает на возможность компенсации нравственных страданий не только при некачественном оказании медицинской помощи, но и при неквалифицированной, а во-вторых, можно отметить, что данный судебный орган посредством сформулированной выше позиции расширяет круг субъектов, имеющих право взыскания компенсации морального вреда.

Суммируя все вышесказанное о связи компенсации морального вреда и некачественном оказании медицинской помощи, можно сделать вывод, что компенсация нравственных страданий взыскивается не только при некачественном оказании медицинской помощи. Представляется, что в положении Постановления № 33 пункта 48 под ответственностью за нарушение прав граждан в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи может пониматься в том числе и компенсация морального вреда гражданину. Вместе с тем важно отметить, что несмотря на расширение возможностей взыскания компенсации нравственных страданий, продолжают существовать определенные законодательством и судебной практикой условия,

10 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31761/> (дата обращения: 05.09.2023).

11 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.09.2023).

при которых взыскание компенсации морального вреда возможно, поэтому компенсация нравственных страданий должна взыскиваться с учетом нормативно установленных границ.

На данном этапе исследования следует дать общую оценку положениям о компенсации морального вреда в сфере медицинской деятельности, содержащихся в Постановлении Верховного Суда № 33. Несмотря на наличие в нем некоторого рода неточностей, проанализированных выше, стоит признать, что они представляют определенную ценность как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку данные положения с одной стороны могут быть исследованы в доктрине гражданского права с позиции их содержания, значения; с другой стороны, могут быть использованы судами при рассмотрении исковых заявлений по данной категории дел.

Вместе с тем важно отметить, что еще до выхода Постановления № 33 суды удовлетворяли требования о компенсации морального вреда, возникающего вследствие причинения нравственных страданий в медицинской сфере деятельности. Поэтому в рамках данного исследования с целью выявления закономерностей, сложившихся в судебной практике при рассмотрении данной категории дел, необходимо обратиться к некоторым примерам компенсации нравственных страданий, возникших в сфере оказания медицинской помощи.

Для начала хотелось бы обратиться к апелляционному определению Пензенского областного суда №-33-3390, в котором суд указывает на обязанность врачей осуществлять лечебные мероприятия в соответствии с нормативно установленными стандартами оказания медицинской помощи¹². При этом объем оказываемых пациенту медицинских услуг не должен зависеть от мнения специалиста о результативности их оказания. В рамках судебного разбирательства в данном деле истец заявил требование о компенсации нравственных страданий, вызванных отсутствием необходимых обследований; первая инстанция в удовлетворении исковых требований отказала, указав, что непроведение одного из исследований не нарушает положения Приказа Министерства здравоохранения «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи» по заболеванию пациента. Однако апелляция с доводами первой инстанции не согласилась, сославшись на то, что по отношению к истцу не были предприняты необходимые меры медицинской помощи; в этой связи нравственные переживания пациента были компенсированы Пензенским областным судом, присудившем ему компенсацию в размере 50 тысяч рублей. Представляется, что непроведение обследований, которые в соответствии с нормативным регламентом должны быть проведены, является некачественным оказанием медицинской помощи, поскольку оно не соответствует такому показателю качества медицинской помощи, указанного в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан», как правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения при оказании медицинской помощи. Поэтому позиция Пензенского областного суда в данном деле является правомерной.

Интересное с позиции данного исследования дело было рассмотрено областным судом в Иркутске, который отметил, что отсутствие в законе указания на возможность компенсации нравственных страданий, причиненных в какой-либо сфере жизни, не означает, что компенсацию морального вреда взыскать невозможно (суд первой инстанции отказал в компенсации нравственных страданий

12 Апелляционное определение Пензенского областного суда от 01.10.2019 № 33-3390 // Сайт Пензенского областного суда. URL: https://oblsud--pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=483903&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 06.09.2023).

по причине отсутствия указания в законе допустимости такой компенсации), присудив истце компенсацию морального вреда в размере 10 тысяч рублей¹³. В этом деле предметом искового заявления было нарушение права на лекарственное обеспечение, предусмотренное законом для инвалидов. Можно отметить, что вывод, сделанный Иркутским областным судом, согласуется с правовой позицией, сформулированный во втором пункте Постановления Пленума Верховного Суда № 33. Этот тезис, в свою очередь, указывает на широкие возможности компенсации нравственных страданий, возникающих в сфере оказания медицинских услуг.

Таким образом, можно сделать вывод о возможностях компенсации морального вреда, возникающего в медицинской сфере деятельности. Исследование материалов по данной теме показало, что несмотря на существующие неточности и пробелы в толковании отдельных положений законодательства и иных нормативных актов, судебная практика идет по пути удовлетворения исковых заявлений о компенсации морального вреда, причиненного в процессе оказания медицинских услуг. При этом существующие неточности все же требуют разрешения в целях формирования единства судебной практики и формирования единого правового пространства на территории Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Ковалевский С. М. Правовые вопросы компенсации морального вреда при оказании медицинской помощи // Журнал «Здравоохранение». 2015. № 2. С. 82-86. URL: <http://www.advokat-danilova.ru/novosti/203-kompensatsiya-moralnogo-vreda-pri-okazanii-medpomoshchi.html> (дата обращения: 05.09.2023 г.).
2. Костенкова И. Ю., Юлова Е. С. Предмет доказывания по делам о компенсации морального ущерба // Вестник МИЭП. 2017. №2 (27). С. 71-78.
3. Батурина И. А. Медицинская организация заплатит за страдания пациента и его близких. // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/meditsinskaya-organizatsiya-zaplatit-za-stradaniya-patsienta-i-ego-blizkikh/> (дата обращения: 05.09.2023).
4. Александрова О.Ю. и др. Ответственность за правонарушения в медицине: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. 240 с.
5. Винокурова М. А. Оказание медицинской помощи ненадлежащего качества: научное и юридическое содержание понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 79–84.

References:

1. Kovalevsky S. M. (2015). Legal issues of compensation for moral damage in the provision of medical care. Journal «Healthcare». 2. pp. 82-86 URL: <http://www.advokat-danilova.ru/novosti/203-kompensatsiya-moralnogo-vreda-pri-okazanii-medpomoshchi.html> (accessed 5 September, 2023).
2. Kostenkova I. Yu., Yulova E. S. (2017). The subject of proof in cases of compensation for moral damage. Bulletin of the MIEP. 2 (27). pp. 71-78
3. Baturina I. A. The medical organization will pay for the sufferings of the patient and his relatives. Advocate newspaper. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/meditsinskaya-organizatsiya-zaplatit-za-stradaniya-patsienta-i-ego-blizkikh/> (accessed 5 September, 2023).
4. Alexandrova O. IU. et all. (2006). Responsibility for offenses in medicine: Textbook for students. higher. studies. institutions. Moscow: Publishing center «Academy». p. 240
5. Vinokurova M.A. (2017). Provision of medical care of inadequate quality: scientific and legal content of the concept. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 5. pp. 79-84

13 Апелляционное определение Иркутского областного суда от 26.09.2019 № 33-8112/2019 // Сайт Иркутского областного суда. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=49857171&case_uid=daea5fbd-a7ec-4815-820f-b82908e47f41&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 06.09.2023).

УДК 347.921.6
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_50

Кичигин Сергей Владиславович

76-42-50@mail.ru
Юрисконсульт ГБУ ДО «СШОР Кузбасса по боксу им.
ЗТ СССР В.П.Курегешева»

Категории чрезмерности и явной неразумности судебных расходов на представителя

*Кичигин С.В. / Категории чрезмерности и явной
неразумности судебных расходов на представителя
// Уральский журнал правовых исследований. 2023. №
3. С. 50–59. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_50*

Аннотация:

Проблематика вопросов взыскания судебных расходов на представителя в настоящий момент актуальна в силу нерешённости вопросов непротиворечивого обоснования утверждаемых судами к взысканию с проигравшей стороны сумм судебных расходов на представление. Целью настоящей работы является исследование категорий, которыми обосновывается снижение заявляемых расходов, их содержания и соотношения, а также поиск обоснования разумного размера расходов.

Следует разграничивать применённые в руководящих разъяснениях высших судов категории чрезмерности и явной неразумности. Категория чрезмерности используется проигравшей стороной в споре, для обоснования позиции об избыточности размера требований к ней в части взыскания судебных расходов. Категория явной неразумности применяется не сторонами, а судом по своей инициативе. Под явной неразумностью понимается не только очевидный без доказывания факт непомерно высокого размера заявленной суммы расходов, понесённых победителем в споре, а также случаи, когда взыскание возмещения в заявленном размере приведёт к нарушению баланса процессуальных прав и обязанностей сторон, принципа справедливости.

В обоих случаях сторонам и суду необходим ориентир разумного, обоснованного размера стоимости юридических услуг. В отсутствие такового они могут опираться на данные статистических органов (редчайший случай), самостоятельные расчёты (исключительно субъективный аргумент), утверждённые ставки вознаграждений адвокатских палат (наиболее типовой и непротиворечивый вариант). Однако все названные ориентиры имеют те или иные недостатки и не могут выступать в качестве признаваемой и объективной меры стоимости услуг.

Предложено для обоснования ценового ориентира рассчитывать медианный коридор рыночных цен на юридические услуги. Такой подход придаст определённую прогнозам взыскания расходов, применительно к каждому частному случаю. При этом, останется и возможность ценового манёвра для ситуаций, когда цена обоснованно превышает пограничные значения медианного ценового коридора.

Ключевые слова:

судебные расходы, баланс прав, баланс интересов, принцип справедливости, принцип разумности, явная неразумность, чрезмерность.

УДК 347.921.6
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_50

Sergey V. Kichigin

76-42-50@mail.ru
Olympic Reserve boxing school Kuzbass, Legal adviser

Categories Excessiveness and Patently Unreasonable Court Cost for a Representative

*Sergey V. Kichigin / Categories excessiveness and
patently unreasonable court cost for a representative //
Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 3. P. 50–59. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_50*

Abstract:

The issue of collection of legal costs for a representative is currently relevant due to the unresolved issues of consistent justification for the collection of legal costs for a representative approved by the courts from the losing party. The purpose of this work is to study the categories that justify the reduction of declared expenses, their content and ratio, as well as to find justification for a reasonable amount of expenses.

It is necessary to distinguish between the categories of excessiveness and manifest unreasonableness used in the guiding clarifications of the higher courts. The category of excess is used by the losing party in a dispute to substantiate the position that the amount of claims against it is excessive in terms of collecting legal costs. The category of manifest unreasonableness is applied not by the parties, but by the court on its own initiative. Obvious unreasonableness means not only the obvious, without proof, fact of an exorbitantly high amount of the declared amount of expenses incurred by the winner in the dispute, but also cases where the collection of compensation in the declared amount will lead to a violation of the balance of procedural rights and obligations of the parties, the principle of fairness. In both cases, the parties and the court need a guideline for a reasonable, justified amount of the cost of legal services. In the absence of this, they can rely on data from statistical bodies (a rare case), independent calculations (an extremely subjective argument), or approved remuneration rates for bar associations (the most typical and consistent option). However, all of these benchmarks have certain shortcomings and cannot act as a recognized and objective measure of the cost of services.

It is proposed to calculate the median corridor of market prices for legal services to justify the price guideline. This approach will give certainty to forecasts for the collection of expenses in relation to each particular case. At the same time, there will still be the possibility of price maneuver for situations where the price reasonably exceeds the boundary values of the median price corridor.

Keywords:

court fees, balance of rights, balancing, equitable principles, principle of reasonableness, patently unreasonable, excessiveness.

В современной научной литературе вопросам проблематики судебных расходов, в т.ч. вопроса определения разумного размера судебных расходов обсуждается достаточно давно и активно. Исследователями неоднократно отмечались проблемы нормативного регулирования вопроса возмещения расходов. Указывалось, что оно остаётся неполным и достаточно противоречивым, в силу чего требующим систематизации и осмысления правовых позиций правоприменителя в целях формирования непротиворечивого подхода судов [1, с. 82].

Острота вопроса в практической плоскости связана со сложностью прогнозирования размера судебных расходов, который суд сочтёт возможным утвердить к взысканию с проигравшей стороны. В рамках настоящей работы мы исследуем вопрос пределов возмещения судебных расходов на оплату услуг представителя, критериев, положенных в основу оценки их разумности и обоснованности.

Кроме соответствующих положений процессуальных кодексов практика определения обоснованных размеров взыскиваемых судебных расходов опирается на пункты 11, 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1¹ (далее - ПП ВС РФ от 21.01.2016 г. № 1), пункты 3, 6 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.12.2007 г. № 121² (далее - ИП ПВАС РФ от 05.12.2007 г. № 121), пункт 20 приложения к Информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.08.2004 г. № 82³ (далее - ИП ПВАС РФ от 13.08.2004 г. № 82). Положения названных источников во многом совпадают текстуально и по смыслу.

Упомянутые выше источники имеют разный статус. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, представляя собой официальные разъяснения по вопросам судебной практики, имеют руководящую силу, исходя из положений ст. 126 Конституции РФ, ст. 2 ФКЗ от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». Статус же правовых позиций упразднённого в 2014 году Высшего Арбитражного Суда РФ, содержащиеся в информационных письмах представляется в определённой мере спорным [2, с. 8]. С формальной точки зрения они носят рекомендательный характер, однако из анализа судебной практики явствует, что названные информационные письма ВАС РФ не только продолжают применяться, но и то, что в настоящее время они применяются и арбитражными судами, и судами общей юрисдикции⁴. Соответственно в настоящей работе мы будем исходить

- 1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016 г. № 4.
- 2 Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.12.2007 г. № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008 г. № 2.
- 3 Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.08.2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004 г. № 10.
- 4 Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 05.07.2023 г. по делу № 66а-1757/2023 // URL: <https://base.garant.ru/334752176/> (дата обращения: 25.09.2023), Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2023 г. по делу № 8Г-4900/2023[88-6660/2023] // URL: <https://судебныерешения.рф/74341505> (дата обращения: 25.09.2023), Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2023 г. по делу № 8Г-28537/2022[88-1464/2023-(88-28220/2022)] // URL: <https://судебныерешения.рф/74401722> (дата обращения: 25.09.2023), Кассационное определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2023 г. по делу № 8а-16296/2023[88а-22910/2023] // URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20059590&dello_id=43&new=&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2023), Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.11.2021 г. по делу № 8Г-20548/2021[88-18966/2021] // URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18328534&dello_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2023).

также и из текста названных выше двух информационных писем ВАС РФ, как содержащих актуальное и практически значимое толкование права.

Зачастую высказывается мнение о том, что суд не должен вмешиваться в определение размера судебных расходов, который определяется соглашением доверителя и представителя в порядке предоставленной им договорной свободы. Эта позиция представляется нам не взвешенной и очевидно оставляющей широкие возможности для злоупотреблений. Достаточно сильный аргумент в пользу необходимости судебного контроля за размером расходов, связанных с участием в судебном разбирательстве, был высказан Конституционным Судом РФ: ограничение пределов свободы договора оценочной категорией «явной неразумности» необходимо уже в силу того, что проигравшая сторона, не являлась «участником договора правовых услуг и никак не могла повлиять на размер вознаграждения представителя другой стороны»⁵.

Следует отметить, что предложенные высшими судами критерии оценки разумности понесённых расходов, являются достаточно субъективными, предполагающими при разрешении вопроса высокую степень дискреции суда.

Вообще оценочные категории возникают там, где в силу высокой роли субъектных факторов законодателю затруднительно или невозможно выразить свою волю в нормах права с высокой степенью правовой определённости. В этой ситуации правоприменителю даётся свобода усмотрения в границах, установленных законом. Здесь мы полностью поддерживаем позицию председателя Арбитражного суд Челябинской области Е.М. Шайхутдинова: «в самом общем виде оценочное понятие в праве можно определить как представление о каком-либо явлении правовой действительности, содержание которого раскрывается посредством общих, абстрактных признаков, применение которого предполагает учёт обстоятельств конкретного случая (дела) и нередко зависит от внутреннего убеждения правоприменителем, например, судьи.» [3, с. 72].

В настоящее время вопрос аргументации и обоснования судами разумного размера присуждаемых судебных расходов в каждом конкретном деле представляется довольно острым. Конституционным Судом РФ в 2004 и 2005 годах было высказано мнение о недопустимости произвольного снижения сумм, взыскиваемых в целях возмещения соответствующих расходов⁶, которое было в очередной раз поддержано в 2016 году в ПП ВС РФ от 21.01.2016 г. N 1. В свою бытность Высший Арбитражный Суд РФ многократно давал понять, что судам необходимо со всей серьёзностью подходить к вопросу обоснования присуждаемой суммы с отражением в судебном акте результатов оценки доказательств⁷.

Однако и сегодня Верховный Суд РФ регулярно выносит определения, отменяя акты нижестоящих судов по основанию отсутствия надлежащей аргументации размеров снижения судебных расходов⁸. Такое положение дел, по нашему мне-

5 Абз. 6 п. 3.4 Постановления Конституционного Суда РФ от 28.04.2020 г. № 21-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020 г. № 20.

6 Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 г. № 454-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31207.pdf> (дата обращения: 18.05.2023), Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 г. № 355-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31495.pdf> (дата обращения: 18.05.2023).

7 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.04.2009 г. № 6284/07 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009 г. № 7; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.03.2012 г. № 16067/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012 г. № 7.

8 Определение СКГД Верховного Суда РФ от 11.04.2022 г. № 34-КГ22-1-К3 // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2112608 (дата обращения: 25.09.2023), Определение СКГД Верховного Суда РФ от 18.06.2022 г. № 16-КГ22-10-К4 // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2146074 (дата обращения: 25.09.2023), Определение СКГД Верховного Суда РФ от 08.08.2022 г. № 7-КГ22-1-К2 // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2150452 (дата обращения: 25.09.2023), Определение СКГД Верховного Суда РФ от 24.10.2022 г. № 37-КГ22-3-К1 // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2180334 (дата обращения: 25.09.2023).

нию, говорит не о нежелании судов надлежащим образом мотивировать принимаемые решения, а скорее об отсутствии непротиворечивых средств доказывания допустимого и разумного размера судебных издержек.

Для принятия судами решения о снижении сумм заявленных судебных расходов центральными являются критерии «чрезмерности» и «явной неразумности». Исходя из того, что тот и другой критерий представляют собой противоположность умеренной и обоснованной суммы судебных расходов (стоимости юридических услуг), оценка заявленных сумм неизбежно требует сопоставления с некоторым образцом. Здесь мы расходимся во мнениях с проф. С.Г. Пепеляевым, который предлагает умеренность («нечрезмерность») расходов понимать «не как сопоставимость с обычными затратами (сравнимость затрат), а как равенство фактическим затратам, понесённым взыскателем исключительно для восстановления своего нарушенного права» [4; 5, с. 29].

Концепцию соразмерности заявленной стороной стоимости представительских услуг по конкретному делу той стоимости что, обычно устанавливается за подобные услуги, обосновывал М.В. Богомолов [6, с. 85-78]. Нам данный подход представляется верным, однако вторая часть концепции названного автора – соразмерность расходов на услуги представителя реальной стоимости нарушаемого или оспариваемого права – вызывает сомнения. В этой части мы поддержим позицию Р.М. Нигматдинова, указывавшего на то, что «в задачу суда входит сравнение заявленного размера возмещаемых судебных издержек с неким образцовым разумным размером» [7, с. 94].

Сложность применения оценочных категорий «чрезмерности» и «явной неразумности» при отсутствии объективного и признаваемого разумным размера судебных издержек заключается ещё и в том, что существует риск переоценки доказательств судами проверяющих инстанций, что, в свою очередь, приводит к отмене или изменению судебных актов» [8, с. 59].

Также в части отсылки к некоторому эталону для настоящего исследования ценна позиция Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал на то, что «[...] если судом будет установлено [...], что заявленная сумма понесённых расходов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах рыночных значений, существовавших на момент её оказания, то он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся [...] объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи»⁹. Соответственно в полный рост встаёт вопрос определения пределов рыночных значений, которые бы по умолчанию укладывались в разумные пределы возмещения судебных расходов. Сложность заключается ещё и в том, что действующее гражданское законодательство не содержит правил расчёта рыночной цены.

Предоставленное проигравшей стороне право заявлять возражения и доказывать чрезмерность взыскиваемых с неё расходов, равно как и предоставление суду права по своей инициативе уменьшить размер судебных издержек, если их размер носит явно неразумный (чрезмерный) характер, очевидно направлено на предотвращение необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя¹⁰.

9 Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2015 г. № 708-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision193464.pdf> (дата обращения: 15.5.2023), Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2021 г. № 41-П // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision557338.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

10 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.07.2012 г. № 2545/12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012 г. № 11; Определение СКГД Верховного Суда РФ от 30.11.2021 г. № 41-КГ21-37-К4 // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2068466 (дата обращения: 25.09.2023).

Здесь уже проявляется принцип состязательности сторон, поскольку решение о снижении суммы судебных расходов или об их взыскании в заявленной сумме¹¹, не predeterminedено и принимается судом, исходя из представленных сторонами спора доказательств и аргументов. Судебная практика достаточно ясно указывает на то, что, как заявитель не обязан изыскивать возможность несения судебных расходов в самом экономичном (минимально возможном) размере¹², так и защищающаяся сторона вправе оспаривать любой заявляемый размер расходов, даже если он ниже нижней рыночной границы.

Рассматривая речевые конструкции, применённые в ПП ВС РФ от 21.01.2016 г. № 1 следует обратить внимание на то, что, говоря об оспаривании размера судебных расходов проигравшей стороной, применяется критерий их чрезмерности. И сторона, к которой предъявляется требование возмещения судебных расходов, доказывает именно их чрезмерность.

Говоря о праве суда уменьшать сумму взыскиваемых издержек по своей инициативе, Верховный Суд выводит на первый план критерий «явной неразумности», указывая на то, что для инициативного участия суда необходима иная степень чрезмерности - отсутствие здравого смысла. Явная, т.е. совершенно очевидная, неразумность сумм судебных расходов, по мнению автора, предполагает злоупотребление правом со стороны победителя в судебном споре своим правом на возмещение расходов, понесённых в связи с рассмотрением дела судом.

«Явная неразумность» расходов видится нами как категория аксиоматического характера, очевидная без доказывания, например, выраженная в кратном завышении размера судебных расходов. При этом «явная неразумность» судебных расходов не сводится исключительно к оценке их размера в отрыве от сопутствующих обстоятельств. Не случайно, предвзятое указание на право судов снижать размер судебных издержек, Верховный Суд говорит о реализации в процессе оценки их разумности задачи справедливости судебного разбирательства, а также о требовании обеспечения судом необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон. «Явная неразумность» суммы судебных расходов, связанная с нарушением баланса процессуальных прав и обязанностей сторон или с противоречием удовлетворения требования победившей стороны задаче справедливого публичного судебного разбирательства, может быть обусловлена иными обстоятельствами.

Проиллюстрировать судебные расходы, неразумные по названным выше основаниям, можно случаем, когда суд ограничил заявленный размер судебных расходов, превышавший сумму основного требования, присуждённую победившей

11 Здесь и далее, мы исходим из презумпции того, что судебные расходы понесены в заявленном размере, имеют прямую связь с делом и суду представлены документальные доказательства их несения.

12 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.03.2023 г. № Ф06-22811/2022 по делу № А65-28948/2021 // URL https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b078096c-a377-4c1f-9a83-cfec00e41b74/9999d646-f71a-4722-82ca-16702adbc606/A65-28948-2021_20230323_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.04.2022 г. № Ф07-8363/2021 по делу № А56-111702/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/edc74f43-d6c5-4e26-8600-1414092e43ba/2c56c063-1c9b-4e95-8105-07ada2c4ca3e/A56-111702-2019_20220411_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.10.2019 г. № Ф09-126/19 по делу № А47-3844/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e4b42980-1901-4cbe-bebc-8392befb5c35/1c02da13-e8b5-4a36-aefc-6ba2eb47162b/A47-3844-2017_20191024_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.08.2019 г. № Ф06-49795/19 по делу N А65-14701/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/119558e0-ff2a-4f53-8e3d-e0deb828f840/99b50d66-dcf8-4ce1-8b4b-2b63fe1a1761/A65-14701-2017_20190827_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023).

стороне спора¹³. В приведённом примере частичного удовлетворения исковых требований со смещением объёма требований пользу проигравшей стороны спора, проявился частный случай нарушения баланса прав и интересов сторон, принципа справедливости. По очевидным причинам такое положение дел требовало властного вмешательства суда.

На оценку разумности и умеренности заявленной суммы судебных расходов существенное влияние оказывают и обстоятельства конкретного дела. Критическая оценка обстоятельств дела, поименованных высшими судами, так или иначе содержится почти в любой работе посвящённой вопросу судебных расходов. Предложенные обстоятельства, действительно могут представляться достаточно спорными применительно к конкретному делу. При этом зачастую упускается из виду, что изолированное применение любого из предложенных высшими судами критериев (обстоятельств дела), вне его связи с другими, в т.ч. непоименованными обстоятельствами дела, не может в достаточной степени обеспечить аргументированную оценку дела и размера судебных издержек по нему. Здесь мы полностью согласны с мнением Е.М. Шайхутдинова о том, что «названные материальные критерии разумности размера судебных расходов на оплату услуг представителя должны применяться в совокупности, при этом неприменение любого из названных критериев может повлечь отмену или изменение судебного акта при его обжаловании в суд вышестоящей инстанции» [3, с. 77].

Так оценка разумности или неразумности суммы расходов по делу только через призму цены иска, в отрыве от объёма оказанных услуг, от сложности дела не может в результате обеспечить релевантный результат¹⁴. Аналогичным образом и из невысокой продолжительности рассмотрения дела судом, в отрыве от оценки объёма трудозатрат исполнителя, от исследования событийной содержательности судебного процесса, от категории спора, не может неизбежно следовать необходимость снижения размера судебных расходов. Данные критерии, применяются судами в совокупности для конструирования предполагаемого разумного и нечрезмерного размера судебных расходов, наиболее вероятного в данных обстоятельствах. При этом высшие суды не предписывают как именно суды должны оценивать такие обстоятельства.

Отдельные, применяемые судами, критерии, с нашей точки зрения представляются достаточно спорными. Например, мы полагаем, что квалификация исполнителя¹⁵ или обыкновенность для него заявленных расценок, не должны склонять суд к утверждению более высокого, чем обычно, размера расходов. Желание стороны привлечь в качестве представителя конкретное лицо, если только оно не оправдано какими-то исключительными квалификационными характеристиками, необходимыми для рассмотрения конкретного спора с учётом его сложности и иных обстоятельств, не должно приводить к повышению утверждаемой судом суммы расходов.

Достаточно интересным в этом смысле представляется то, что Пленум Верховного Суда говорит о том, что в процессе определения разумности размера расходов могут учитываться обстоятельства, предложенные в п. 13 ПП ВС РФ от 21.01.2016 N

13 Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 09.12.2022 г. № 309-ЭС21-7888 по делу № А60-56728/2018 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a0daebad-15cb-4c7c-9f3f-c7bec02d8b31/925bcb5e-5882-46aa-8779-f3572d769af1/A60-56728-2018_20221209_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023).

14 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.07.2016 г. по делу № А65-5624/2015 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/75aa813e-5e9d-4493-a6ed-717faee8ac6a/43759ff7-52f6-411f-ae75-2e59e0a4e1b8/A65-5624-2015_20160721_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023).

15 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.02.2014 г. № 16291/10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014 г. № 6.

1 (перечень открытый). Если этот вопрос передан на усмотрение суда, то получается, что названные обстоятельства могут и не учитываться, или быть заменены иными. Следовательно, чрезмерность и явная неразумность суммы заявленных расходов может следовать из иных обстоятельств.

Нам представляется, что данное утверждение является верным, но требует уточнения в той части, что отмену или изменение судебного акта может повлечь неприменение любого из названных критериев, имеющего существенное значение для определения разумности взыскиваемых расходов. Исключение или добавление тех или иных критериев, должно исходить из задачи всесторонней и наиболее объективной оценки стоимости судебных расходов, а не из удобства правоприменителя [9, с. 61].

Квалификация размера расходов как чрезмерного или явно неразумного производится судом с учётом всех имеющих значение для рассмотрения вопроса обстоятельств применительно к конкретному делу. Здесь мы сошлёмся на мнение проф. М.А. Рожковой о том, что «суд должен руководствоваться не одним критерием, избранным по личным соображениям судьи, а последовательно оценивать несколько критериев, которые только в совокупности создадут общую «картину» разумности размера расходов на оплату услуг представителя и допустимость их возмещения в том или ином размере» [10, с. 593].

Суммируя результаты рассмотрения предложенных судами критериев оценки обоснованности размера судебных расходов можно сделать вывод о том, что они делятся на две части: 1) направленные на установление среднего разумного размера расходов на юридические услуги (статистические данные и адвокатские расценки), 2) имеющие целью дать сторонам и суду возможность дифференцированного подхода к установлению допустимости заявляемого размера судебных расходов по конкретному делу.

Для оценки заявляемой суммы расходов на предмет её умеренности (разумности) сторонам и суду необходимо иметь ориентир. Из отсутствия централизованного регулирования вопросов ценообразования в сфере оказания юридических услуг, следует, что на сегодня уверенно определить некий чёткий «стандарт» цен не представляется возможным. Суды (арбитражные¹⁶ и СОЮ¹⁷) зачастую в качестве ориентира склонны воспринимать утверждаемые региональными адвокатскими

- 16 Постановление Двадцатого ААС от 29.09.2015 г. № 20АП-3494/15 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7de5fc8c-cb8e-4b98-ae7d-325b77931ef8/45313957-5e3a-440d-83a4-f8bba190f42f/A62-1064-2015_20150929_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Постановление Третьего ААС от 03.04.2018 г. по делу № А74-10777/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1086802a-021e-456e-b42d-07c88547cac0/2cf93fbd-423b-4738-9ab1-631aaf69daf9/A74-10777-2017_20180403_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.12.2020 г. по делу № А03-1533/2019 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6dfac57d-392b-48d6-b492-6dd4f45cb724/f52e165a-974c-4cbe-a388-368249a66fca/A03-1533-2019_20201216_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Постановление Четвёртого ААС от 22.07.2020 г. по делу № А19-3643/2016 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/81d5e676-fabe-425f-ade3-b122e81a7ba7/9f5d4704-ba4a-4636-a3b4-13ddd823057f/A19-3643-2016_20200722_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023).
- 17 Определение Восьмого КСОЮ от 27.01.2023 г. по делу № 8Г-25332/2022[88-473/2023-(88-24411/2022)] // URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=23788495&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2023), Определение СКГД Курского областного суда от 28.05.2020 по делу № 33-1078/2020 // URL: https://oblsud--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=38224076&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2023), Апелляционное определение СКГД Новосибирского областного суда от 19.02.2019 по делу № 33-2091/2019 // URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1376978&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2023), Апелляционное определение СКГД Краснодарского краевого суда от 24.01.2019 по делу № 33-1400/2019 // URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/307182830/paragraph/1:0> (дата обращения: 25.09.2023).

палатами минимальные рекомендованные расценки услуг. Прямая отсылка к сложившейся в регионе стоимости оплаты услуг адвокатов содержится в п. 20 приложения к ИП ПВАС РФ от 13.08.2004 г. № 82. Этой же практике следуют и стороны при аргументации своих требований.

Этот подход представляется хотя и вынужденным, однако достаточно верным в силу того, что адвокатские палаты являются профессиональными юридическими объединениями и их рекомендованные минимальные расценки носят публичный характер. Ценность этого инструмента на настоящий момент высока, тем более что расценки адвокатских палат устанавливаются именно минимальный размер ставок, т.е. они установлены для адвокатов независимо от их квалификации. При этом суды обоснованно полагают возможным понимать данные расценки как общий ориентир для оценки стоимости услуг представителей и распространять их также и на представителей, не имеющих адвокатского статуса.

Также одним из наиболее доступных средств как для обоснования размеров заявляемых расходов, так и для их оспаривания с целью снижения данных расходов, выступает ссылка стороны процесса на расценки юридических компаний, частнопрактикующих юристов. При этом, результат такого исследования рынка не удовлетворяет требованиям репрезентативности. Происходит это в силу ограниченности возможностей подавляющей массы участников судебных процессов проведения полноценных исследований, а также в связи с зачастую заранее заданным результатом такого «исследования». Высокая субъективность, вызванная стремлением найти обоснование снижения сумм возмещения судебных расходов очевидно не способствует получению достоверных данных.

По нашему мнению, именно с учётом этих обстоятельств суды часто не принимают такого рода контррасчёты¹⁸. При этом упоминание судами в судебных актах сложившейся в регионе стоимости услуг адвокатов, а также сведений статистических органов о ценах на рынке юридических услуг, следует понимать, как примеры достоверных результатов обработки больших массивов данных (в случае адвокатских палат ещё и находящиеся в открытом доступе).

Ориентация исключительно на адвокатские ставки вознаграждений, видится нам недостаточно обоснованной, ввиду того, что не учитывает цены на юридические услуги основного числа участников рынка, статистическую информацию, размеры расходов на представителей, утверждаемых судами. Нам представляется, что, исходя из математического анализа насколько возможно широкого массива данных о стоимости юридических услуг по соответствующему региону, может

18 Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.08.2023 г. № 08АП-7291/23 по делу № А81-10636/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c52af51d-1658-45cd-8d82-a49b85c31468/41ced08d-e39b-4944-aaa0-4ceef452face/A81-10636-2017_20230823_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.01.2023 г. № Ф01-7820/22 по делу № А11-11629/2020 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4a764168-4219-4dd5-8754-ef40fb0fdf78/2d37d1f0-0611-4a5c-bdf4-fefb73d1e47b/A11-11629-2020_20230113_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Постановление Федерального Арбитражного суда Уральского округа от 22.01.2013 г. по делу № А60-32322/2010 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5f03dc75-ab2d-4dfd-8f76-4733bb538836/e17f61de-d375-4f2a-939e-224fbc3fa18/A60-32322-2010_20130122_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2023), Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2022 г. по делу № 8а-27046/2022[88а-26877/2022] // URL: <https://base.garant.ru/331635245/> (дата обращения: 25.09.2023), Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2022 г. по делу № 8а-23506/2022[88а-23656/2022] // URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1325012&delo_id=43&new=&text_number=1 (дата обращения: 25.09.2023), Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 01.03.2023 г. по делу № 66а-195/2023 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=42982#EIoQrQToUclntpsj> (дата обращения: 25.09.2023).

быть определён медианный коридор цен за те или иные услуги.

Типизировав юридические услуги, признаваемые судами (в качестве точки отсчёта можно принять документы адвокатских палат), и расположив расценки в порядке возрастания, от полученного массива следует отсечь верхние и нижние 25%. Этим отсечением крайних квартилей ценовых показателей мы устраним экстремально низкие и экстремально высокие значения в выборке для определения границ интервала рыночных цен.

Полученные применением такого метода значения будут представлять собой, как правило, относительно неширокий, рыночный интервал цен на соответствующие услуги, рассчитанный в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 105.9 Налогового кодекса РФ. При этом, чем больший массив данных будет использован при расчёте, тем более релевантным и достоверным будет результат расчёта.

В случае, если заявляемая к взысканию цена услуги попадает в значения медианного коридора цен, рассчитанного по предложенной выше методике, её размер следует по умолчанию признавать умеренным и разумным, что, однако, не лишает вторую сторону права оспаривать и этот размер. Однако, оспаривание размера понесённых расходов по основанию их чрезмерности будет иметь значительно больше шансов в случае превышения значений стоимости услуг исполнителя границ медианного коридора.

Обращаясь к вопросу доказывания, мы видим, что пункт 3 ИП ПВАС РФ от 05.12.2007 г. N 121 ограничивает бремя доказывания заявителя доказыванием размера судебных расходов и факта их несения, при условии относимости оплачиваемых услуг к делу. Исходя из положений абзаца второго пункта 11 ПП ВС РФ от 21.01.2016 г. N 1, суд при обосновании «чрезмерности» или «явной неразумности» заявленных сумм и предела их снижения исходит из имеющихся в деле доказательств.

Доказательства разумности, умеренности или напротив «чрезмерности» и «явной неразумности» попадают в дело стараниями сторон или в результате инициативы суда. Стороны, представляя в дело те или иные доказательства, раскрывают их всем участникам процесса. Мнение же суда о «явной неразумности» и его обоснование может стать неожиданностью для заявителя, будучи открытым только в вынесенном судебном постановлении. И если заявитель превентивно не представил в дело аргументации и доказательств разумности понесённых расходов, то оспаривать мнение суда об их «явной неразумности» ему придётся уже в порядке обжалования судебного акта. Из сказанного следует, что сторона, заявляющая требование взыскания судебных расходов, должна озаботиться также и доказыванием разумности их размеров. На данную обязанность прямо указано в п. 20 ИП ПВАС от 13.08.2004 г. N 82. И, хотя эта обязанность не заявлена высшими судами в ПП ВС РФ от 21.01.2016 г. N 1, ИП ПВАС от 05.12.2007 г. N 121, она имплицитно присутствует и в них.

Нам представляется, что, заявляя требование взыскания судебных расходов, сумма которых попадает в значения предложенного медианного ценового коридора, заявитель должен нести обязанность доказывания только реальности понесённых расходов в заявляемой сумме, а также относимости их к делу, но не их умеренности и/или разумности. Обязанность обосновывать сумму взыскиваемых расходов чем-либо, кроме факта их несения в соответствующем размере, должна возникать у заявителя с момента оспаривания этого размера противной стороной по основанию их чрезмерности, и предъявления ею соответствующих доказательств. Равным образом и суд, предполагая заявленную к взысканию сумму расходов явно неразумной, должен предложить заявителю представить доказательства разумности и обоснованности понесённых им расходов.

Библиографический список:

1. Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. Возмещение арбитражным судом расходов на оплату услуг представителя по гражданско-правовым спорам // Марийский юридический вестник. 2015. № 4(15). С. 82-89.
2. Бudyлин С.Л. Что творит суд? Правотворчество судов и судебный прецедент в России // Закон. 2012. № 10. С. 92-110.
3. Шайхутдинов Е.М. О категории «разумность» в арбитражном процессуальном праве // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2020. № 4(56). С. 71-79.
4. Пепеляев С.Г. Подходы к раскрытию понятия «разумные пределы расходов» на представительство в суде // URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/approaches-to-expanding-the-concept-of-reasonable-charges-for-representation-in-court/> (дата обращения: 18.09.2023).
5. Пепеляев С.Г. О подходах к раскрытию понятия «разумные пределы расходов на представительство в суде» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 8. С. 18-39.
6. Богомолов М.В. Проблемы определения размера подлежащих компенсации сумм судебных расходов на услуги представителя в арбитражном процессе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 3(32). С. 83-87.
7. Нигматдинов Р.М. Компенсационная функция судебных расходов в гражданском судопроизводстве // Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск. Тихоокеанский государственный университет. 2017. С. 92-95.
8. Анохин В.С., Соколова Ю.А. Практика и проблемы применения норм права о возмещении и распределении судебных расходов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 1(16). С. 53-63.
9. Четвертакова Е.С. Судебное усмотрение как способ восполнения неопределенности нормативного предписания (на примере решения вопроса о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя в арбитражных судах) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 17. С. 58-63.
10. Рожкова М.А. Проблемы возмещения расходов на оплату услуг представителей и иных судебных убытков. Убытки и практика их возмещения: сборник статей. Издательский центр частного права. М.: ООО «Издательство «СТАТУТ». С. 561-607.

References:

1. Bakulin A.F., Kuz'mina A.V. (2015). Reimbursement of judicial costs for compensating the expenses for the services of a representative in civil disputes. *Mari law vestnik*. 4(15). pp. 82-89
2. Budylin S.L. (2012). What is the court doing? *Lawmaking of courts and judicial precedent in Russia*. Law. 10. pp. 92-110
3. Shaikhutdinov E.M. (2020). On the category of «reasonableness» in commercial procedural law. *Economic justice in the Ural District*. 4(56). pp. 71-79
4. Pepelyaev S.G. (2016). Approaches to disclosing the concept of “reasonable limits of expenses” for representation in court. *Judge*. 8(68). pp. 27-32
5. Pepelyaev S.G. (2008). On approaches to disclosing the concept of “reasonable limits on the costs of representation in court”. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court*. 8. pp. 18-39
6. Bogomolov M.V. (2012). Problems of defining the amount of compensable legal expenses for proxy services in arbitration proceedings in the Russian Federation. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 3(32). pp. 83-87
7. Nigmatdinov R.M. (2017). Compensatory function of legal expenses in civil proceedings. *Civil law, civil and administrative proceedings: current issues of theory and practice: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. Khabarovsk. Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet. pp. 27-32
8. Anohin V.S., Sokolova Ju.A. (2014). Practice and problems of application of the law on compensation and the distribution of court costs. *Proceedings of Voronezh State University. Series Law*. 1(16). pp. 53-63
9. Chetvertakova E.S. (2009). Judicial discretion as a method of precept of the law uncertainty compensation (on the example of dealing with the problem of cost compensation of payment for services provided by the representative in the arbitration court). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 17. pp. 58-63
10. Rozhkova M.A. (2006). Problems of reimbursement of expenses for the services of representatives and other legal damages. *Losses and the practice of their compensation: a collection of articles*. pp. 561-607.

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 349.23
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_60

Степанов Кирилл Алексеевич
minerality@yandex.ru
Студент Института прокуратуры
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Григорьев Иван Владимирович
Доцент кафедры трудового права
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат
юридических наук

К вопросу о правовой природе и правомерности требований к внешнему виду работника

Степанов К.А. / К вопросу о правовой природе и правомерности требований к внешнему виду работника // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 60–65. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_60

Аннотация:

В Российской Федерации все чаще возникают трудовые споры по поводу допустимости введения работодателем норм к внешнему виду работников и возможностей для обязывания работников к их соблюдению, путем создания соответствующих условий применения труда. Правоприменительная практика при отсутствии ясных ориентиров в законодательстве «маскирует» такие разногласия под споры об увольнении за нарушение трудового законодательства, игнорируя их истинную, подчас дискриминационную природу. В статье подробно проанализирован один из срезов обозначенной проблемы применения труда и дресс-кода - соблюдение работниками требований к внешнему виду и правилам делового этикета у работодателя. Анализируя российское законодательство, автор приходит к следующим выводам: возможность удовлетворения работником такой потребности, как ношение желаемой им одежды или иных элементов внешнего вида (облика), будет зависеть от того, какое регулирование установлено на этот счет у работодателя. Что касается потребности работника невербально выразить свою индивидуальность и взгляды (в частности, путем проявления этих черт во внешнем виде), то работодатель вправе запретить такие действия, если они доставляют неудобства другим работникам или клиентам, грозят потерей клиентов, имиджа работодателя. Наконец, работник по вышеописанным соображениям может выразить желание воздержаться от участия в корпоративных мероприятиях работодателя: принуждение работодателем к обратному может являться индикатором косвенной дискриминации.

Ключевые слова:

внешний вид работника, дресс-код, деловые качества работника, дискриминация, внутренний распорядок, дисциплинарная ответственность.

УДК 349.23
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_60

Kirill A. Stepanov
minerality@yandex.ru
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Institute of the Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Ivan V. Grigoriev
Assistant professor of Labour Law department
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
candidate of Juridical Sciences

On the Question of the Legal Nature and Legality of the Requirements for the Appearance of the Employee

Kirill A. Stepanov / On the question of the legal nature and legality of the requirements for the appearance of the employee // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 3. P. 60–65. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_60

Abstract:

In the Russian Federation, labor disputes are increasingly arising over the permissibility of the introduction by the employer of standards for the appearance of employees and opportunities for obliging employees to comply with them by creating appropriate working conditions. Law enforcement practice, in the absence of clear guidelines in the legislation, «masks» such disagreements under disputes about dismissal for violation of labor legislation, ignoring their true, sometimes discriminatory, nature. The article analyzes in detail one of the sections of the designated problem of reconciliation of labor and dress code - compliance by employees with the requirements for appearance and rules of business etiquette at the employer. Considering the problem, the author takes into account the basic needs of the employee, which he seeks to satisfy in a controversial situation of contradiction to the appearance requirements established by the employer. Analyzing the Russian legislation, the author comes to the following conclusions. The ability of an employee to satisfy such a need as wearing the «desired» clothes or other elements of appearance (appearance) will depend on what regulation is established in this regard by the employer. As for the employee's need to verbally express his personality and views (in particular, by showing these traits in appearance), the employer has the right to prohibit such actions if they cause inconvenience to other employees or clients, threaten to lose clients, the employer's image. Finally, an employee, for the reasons described above, may express a desire to refrain from participating in the employer's corporate events: the employer's coercion to the contrary may be an indicator of indirect discrimination.

Keywords:

employee's appearance, dress code, employee's business qualities, discrimination, internal regulations, disciplinary responsibility.

Конституция РФ в ч. 1 ст. 29 закрепляет свободу мысли и слова. Данная норма, как правило, толкуется расширительно. Под мыслями предлагается понимать не только мысли в узком смысле слова, но и чувства и эмоции человека, а под словами — не только вербальное, но и невербальное общение между людьми, включающее тон голоса, внешний вид¹.

Приведенное толкование конституционной нормы позволяет признавать в качестве общеправового подхода признание свободы определения своего внешнего вида в качестве одного из проявлений свободы самовыражения.

Трудовое законодательство прямо не закрепляет возможность работодателя устанавливать требования относительно внешнего вида работника, однако в то же время и запрета на установление подобных требований оно не содержит. Тем не менее регулирование вопросов о том, что должен или не должен носить работник, как он должен выглядеть, находит отражение в нормативных актах в сфере труда различных уровней.

Требование работодателя к внешнему виду работника может быть рассмотрено в трех аспектах.

Сугубо трудовым требованием к внешнему виду является требование использования работниками специальной одежды и обуви (комбинезоны, рукавицы, маски, каски, сапоги и т.д.), которая предназначена для защиты работника от воздействия вредоносных факторов или его минимизации.

Обязанность работников использовать данные средства защиты закреплена ст. 214 Трудового кодекса РФ² (далее также ТК РФ). При этом работодатели обязаны обеспечить работников, которые находятся во вредных и (или) опасных условиях труда либо работают в иных условиях, при которых нормативно закреплена необходимость защиты, специальной одеждой и обувью. Данная обязанность работодателя закреплена ст. 212 и 221 ТК РФ.

Таким образом, если с учетом условий труда работника для него является обязательным использование средств индивидуальной защиты, требование работодателя быть в специальной одежде и обуви, использовать данные средства защиты в соответствии с инструкцией по их применению является обязательным для работника. У работодателя возникает обязанность самостоятельно за счет собственных средств обеспечить работника необходимой специальной одеждой и обувью, а также обеспечить ее содержание в надлежащем состоянии (ст. 212 ТК). Внешний вид работника в этом случае будет предопределяться предоставленными работодателем средствами индивидуальной защиты, требования к которым, в свою очередь, обусловлены целями обеспечения наиболее безопасных условий труда.

Если же работник нарушает правила использования специальной одежды и обуви, являющиеся для него обязательными, работодатель имеет право:

- отстранить работника от работы (ст. 212 ТК РФ);
- привлечь его к дисциплинарной ответственности. При этом в случае неоднократного нарушения в качестве меры взыскания работодатель вправе выбрать даже увольнение (ст. 192, п. 5 ч.1 ст. 81 ТК РФ).

Вторым аспектом требований к внешнему виду является нормативное предписание ношения форменной одежды. Ее цель — подчеркнуть принадлежность

1 Комментарии к Конституции РФ // Конституция РФ. Последняя действующая редакция с Комментариями. URL: <https://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-29-krf> (дата обращения: 21.03.2022).

2 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ (дата обращения: 22.03.2022).

работника к конкретной организации, обеспечить возможность выделения его на фоне других компаний и сторонних лиц. Чаще всего данное требование обусловлено спецификой трудовой функции работника.

Обязанность носить форменную одежду может быть закреплена для определённых категорий работников как на уровне законодательства, так и на уровне иных нормативных правовых актов. Такие требования установлены, например, для работников воздушного транспорта (приказ Минтранса России от 24.06.1992г. № ДВ-69)³, работников правоохранительных органов (постановление Правительства РФ от 13.10.2011г. № 835 «О форменной одежде, знаках различия и нормах снабжения вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»⁴).

В некоторых случаях требования по ношению форменной одежды могут быть обусловлены не прямым нормативным предписанием, а объективной потребностью работодателя. Так, в частности, разделом IX приложения 4 постановления Правительства РФ от 18.11.2020г. № 1860 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц»⁵ форменная одежда персонала определена как показатель оценки качества гостиничной услуги для установления классификационной категории гостиницы. Соответственно, требование работодателя носить форменную одежду в этом случае будет признаваться обоснованным.

Работодатель в данном случае обязан обеспечивать работника одеждой, это требование вытекает из общих обязанностей работодателя, закреплённых в ч. 2 ст. 22 ТК. Работодатель обязан обеспечивать работников средствами, необходимыми для исполнения ими трудовых обязанностей. К числу таких средств можно отнести и форменную одежду, которая необходима работнику для выполнения им трудовой функции в соответствии с требованиями работодателя.

Отказ работника от ношения форменной одежды может расцениваться работодателем в качестве дисциплинарного проступка.

Третьим аспектом требований к внешнему виду работника является возложение на него работодателем обязанности соблюдать так называемый дресс-код, т.е. форму одежды, необходимую при посещении определённых мероприятий, в том числе при посещении работы.

Данное требование предусматривается на локальном уровне (коллективными договорами или локальными нормативными актами). Нередко такие требования устанавливаются правилами корпоративной этики, не имеющими, как правило, нормативного характера. Если имеется необходимость введения правил для отдельного работника, то используется вариант установления соответствующих правил трудовым договором.

Вопрос о правомерности данных требований традиционно вызывает многочисленные трудовые споры. Суть возражений по установлению таких требований сводится к попытке оспорить их правовой характер и трудовую природу.

3 Приказ Минтранса РФ от 24.06.1992 № ДВ-69 (ред. от 17.05.1993) «О форменной одежде» (вместе с «Порядком выдачи форменной одежды работникам воздушного транспорта», «Правилами ношения форменной одежды и знаков различия работниками воздушного транспорта») // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88517/ (дата обращения: 24.09.2022).

4 Постановление Правительства РФ от 13.10.2011 № 835 «О форменной одежде, знаках различия и нормах снабжения вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120512/ (дата обращения: 24.09.2022).

5 Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1860 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368948/ (дата обращения: 24.09.2022).

При этом суды и контролирующие органы, как правило, признают установление таких требований правомерным. Их подход базируется на признании права работодателя определять самостоятельно действующий у него внутренний распорядок. Обязанность соблюдения правил, установленных на локальном уровне, распространяется на обе стороны трудовых отношений, поэтому правомерные требования, установленные коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором, являются обязательными для работников. Требование к одежде рассматривается в качестве составляющей принятых работодателем правил внутреннего распорядка.

В подтверждение вышесказанного можно обратиться к судебной практике. В Определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2021 № 88-1532/2021 по делу № 2-1474/2020 было установлено, что истец в нарушение условий трудового договора и локального нормативного акта работодателя не соблюдал общепринятый деловой стиль одежды, закрепленный Кодексом этики, с которым он был ознакомлен, что повлекло применение к нему дисциплинарного взыскания. Суд признал действия работодателя правомерными как в части предъявления работнику требования по ношению одежды определенного работодателем стиля, так и в части привлечения работника к ответственности за невыполнение данных требований⁶.

Федеральная служба по труду и занятости в публичных заявлениях соглашается с тем, что работодатель правомочен устанавливать обязательный для работников дресс-код. Так, заместитель Федеральной службы по труду и занятости Шкловец И.И. отмечал, что подобные требования могут вводиться, если они «не ухудшают положение работников по сравнению с тем, что установлено в трудовом законодательстве и иных нормативных актах» [1, с. 78].

По мнению автора, признание требований к внешнему виду работников правомерным должно быть обусловлено спецификой его работы. Трудовые обязанности работника, регламентируемые трудовым договором или нормативными актами локального уровня, должны быть связаны с обеспечением выполнения работником определенной работы. Так, наличие или отсутствия определённой одежды, по общему правилу, не влияет на работоспособность работника. Однако бывают случаи, когда результат трудовой деятельности зависит в том числе и от внешнего вида работника. Например, сложно представить дирижёра в спортивном костюме или грузчика в белой рубашке и брюках. Похожая ситуация с состоянием и параметрами тела работника. Для каких-то профессий такие характеристики значения не имеют, для других же они имеют ключевое значение.

Н.Л. Лютов на примере артистов театра и моделей отмечал оправданность установления в качестве деловых качеств требований к полу, возрасту, расе и т.д. в связи со спецификой самой работы [2, с. 83].

О.В. Щербакова со ссылкой на международные акты также признает право работодателя предъявить иные требования, которые необходимы в силу специфики той или иной работы [3, с. 181]. В частности, в п. 2 ст. 11 Конвенции МОТ № 111 от 1958 года «О дискриминации в области труда и занятий»⁷ определено, что требования, которые основаны на определённых профессиональных требованиях, дискриминацией не являются.

6 Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2021 № 88-1532/2021 по делу № 2-1474/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=KSOJ007;n=28989#wS2BZqTsnz9kjR021> (дата обращения: 24.09.2022).

7 Конвенция МОТ № 111 от 1958 года «О дискриминации в области труда и занятий» // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/labour.shtml (дата обращения: 24.09.2022).

На практике требование к внешнему виду может быть сформулировано как угодно: могут быть определены общие требования (такие как опрятность или деловой стиль), а могут быть установлены конкретные требования по одежде (например, «белый верх, черный низ»). Правомерно установленное требование к внешнему виду, т.е. требование, обусловленное трудовой функцией, должно соответствовать принципу запрета дискриминации. Создание правил по внешнему виду работника с нарушением данного принципа недопустимо. С.Ю. Головина, говоря о способах преодоления пробелов в трудовом праве, отмечает возможность обращения к принципам правового регулирования. Обращаясь в рассматриваемой ситуации к принципу запрета дискриминации, можно определить возможность предписания работнику определенных требований к внешнему виду [4, с. 24].

Примером такого подхода является решение Московского городского суда от 06.09.2017 по делу № 33-33167/2017. Так, Мосгорсуд увидел дискриминацию в установлении требований к размеру одежды бортпроводниц, поскольку такое требование не связано с деловыми качествами работников⁸.

Как отмечает С.Ю. Головина, ТК РФ не просто предписывает запрет дискриминации, но и указывает на конкретные способы защиты нарушенных прав [5, с. 135]. Соответственно, в случае допущения работодателем дискриминации посредством установления требований к внешнему виду работника работник, чьи права данное требование нарушает, вправе защитить это право всеми возможными способами.

Применительно к вопросу о требованиях к внешнему виду работника в судебной практике наиболее часто обсуждается вопрос правомочности привлечения работника к дисциплинарной ответственности за нарушение данного требования. Как уже отмечалось, судебная практика поддерживает работодателей в вопросе о праве установления подобных требований и привлечения к дисциплинарной ответственности работников за их нарушение. Так, Мосгорсуд поддержал работодателя в применении дисциплинарного взыскания к работнику, который пришел на работу в джинсовых шортах, что не соответствовало правилам трудового распорядка. При этом судом были учтены факт ознакомления работника с данными правилами под роспись и создание работодателем всех условий для соблюдения данных требований, в том числе установка системы кондиционирования⁹.

Таким образом, на сегодняшний день при несоблюдении законно установленных правил, касающихся внешнего вида работников, возможно применение дисциплинарной ответственности. Однако, исходя из анализа судебной практики и оценки обоснованности требований к внешнему виду, можно сформулировать несколько условий для принятия таких мер:

- работник должен быть ознакомлен под роспись с правилами, касающимися внешнего вида, которые закреплены в локальных актах (ст. 22 и 68 ТК РФ);
- правила не должны содержать условия, ухудшающие положение работника относительно трудового законодательства, соглашений и трудовых договоров (ст. 9 ТК РФ);

8 Апелляционное определение Московского городского суда от 06.09.2017 № 33-33167/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=894847#FWLBZqTkducUBelV1> (дата обращения: 24.09.2022).

9 Определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 22.06.2011 по делу № 33-19143 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/58121754/> (дата обращения: 24.09.2022).

- требование должно быть обусловлено спецификой деятельности самого работника и (или) работодателя;
- при установлении таких правил должен обеспечиваться баланс интересов работника и работодателя, поскольку это является базовым элементом стабильности и эффективности трудовых отношений в целом;
- работодателем должны быть созданы условия, которые необходимы для исполнения требований, например, предусмотрены раздевалки, где работники могут переодеться;
- работодателем должен быть соблюден порядок привлечения к дисциплинарной ответственности (ст. 192, 193 ТК РФ).

В заключение, можно отметить, что на сегодняшний день нет единого мнения относительно вопроса правомерности требований к внешнему виду работников, устанавливаемых работодателем в качестве делового качества или элемента внутреннего распорядка. Усугубляется данная проблема отсутствием четкого и однозначного понимания того, что считать внешним видом работника и как его описывать. Видится, что привлечение внимания к данной проблеме должно стать основой для дальнейшей дискуссии и разрешения спорных вопросов в рамках регулирования требований к внешнему виду работника, как со стороны законодателя, так и со стороны научного сообщества.

Библиографический список:

1. *Кокурина М.А.* Несоблюдение дресс-кода сотрудниками: бить или не бить // Главная книга. 2016. № 9. С. 76-78.
2. *Люттов Н.Л.* Эффективность деятельности МОТ на национальном уровне: воздействие на внутренне законодательство России в вопросах права на организацию и запрета дискриминации // Трудовое право. 2008. № 3. С. 79-86.
3. *ЩербакOVA О.В.* Требования к внешности работника: дискриминация или законное право работодателя? // Евразийский юридический журнал. 2019. № 3 (130). С. 181-182.
4. *Головина С.Ю.* Дефекты Трудового кодекса и способы их устранения // Юрист. 2008. № 4. С. 23-26.
5. *Головина С.Ю.* Конституционные принципы и права в сфере труда, их конкретизация в трудовом законодательстве // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 132-145.

References:

1. *Kokurina M.A.* (2016). Non-compliance with the dress code by employees: to beat or not to beat. The main book. 9. pp. 76-78
2. *Lyutov N.L.* (2008). The effectiveness of the ILO at the national level: the impact on the internal legislation of Russia in matters of the right to organize and the prohibition of discrimination. Labor Law. 3. pp. 79-86
3. *Shcherbakova O.V.* (2019). Requirements for the appearance of an employee: discrimination or the legal right of the employer? Eurasian Legal Journal. 3 (130). pp. 181-182
4. *Golovina S.Yu.* (2008). Defects of the Labor Code and ways to eliminate them. Lawyer. 4. pp. 23-26
5. *Golovina S.Yu.* (2015). Constitutional principles and rights in the sphere of labor, their concretization in labor legislation. Russian Law Journal. 1. pp. 132-145

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 34.047
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_66

Уфимцев Антон Дмитриевич

anufimtcev04@gmail.com
Студент Института государственного
и международного права Уральского государственного
юридического университета имени В. Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Сергеев Данил Назипович

Доцент кафедры уголовного права
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат
юридических наук

**Городское самоуправление
горного города Екатеринбург**

Уфимцев А. Д. / Городское самоуправление горного
города Екатеринбург // Уральский журнал правовых
исследований. 2023. № 3. С. 66–76. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_66

Аннотация:

Автор рассматривает особенности и противоречия развития городского общественного управления города Екатеринбург в период с 1807 по 1851 год, в условиях, активно реализующегося Проекта горного положения 1806 года. Именно на основании данного нормативно-правового акта город получил статус горного города, став по сути единственным в истории России. Фактически это означало разделение города между двумя параллельными системами – горной (власть принадлежала горным начальникам под непосредственным надзором Горного ведомства, Министерства финансов и Императора) и гражданской (системой органов городского самоуправления, образованной по принципу разделения властей. Основная часть органов и должностей были введены согласно Жалованной грамоте городам 1785 года, однако всё ещё сохранялся городской магистрат. Местное самоуправление подчинялось Губернской Думе и Министерству внутренних дел, а власть в выборных органах принадлежала купцам). Изначально, горные власти не должны были вмешиваться или как либо пересекаться с властями гражданскими из-за разных сфер деятельности. Но ситуация менялась очень быстро. Процесс усиления горных властей неизбежно влиял на существующие органы местного самоуправления, постепенно подавляя и подчиняя их. И тем не менее, на протяжении полувека две, на первый взгляд несовместимые системы, весьма успешно функционировали в условиях постоянной борьбы и недостаточности нормативного регулирования. И именно особенности сосуществования этих систем являются предметом исследования данной статьи. Автор ставит своей целью через призму управления и самоуправления изучить правовой статус горного города, который нельзя ограничивать лишь написанным и закрепленным в имперском законодательстве.

Ключевые слова:

горный город, местное самоуправление, правовой статус, горное управление, история Екатеринбурга.

УДК 34.047
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_66

Anton D. Ufimtsev

anufimtcev04@gmail.com
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Student

Academic Supervisor:

Danil N. Sergeev

Assistant professor of Criminal Law department
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
candidate of Juridical Sciences

**Local Self-Government
of the Mountain City
Yekaterinburg**

Anton D. Ufimtsev / Local self-government of the
mountain city Yekaterinburg // Ural Journal of Legal
Studies. 2023. No. 3. P. 66–76. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_66

Abstract:

The author examines the features and contradictions of the development of the city public administration of the city of Yekaterinburg in the period from 1807 to 1851, in the conditions of the actively implemented Project of the mining situation of 1806. It was on the basis of this regulatory legal act that the city received the status of a mountain city, becoming in fact the only one in the history of Russia. In fact, this meant the division of the city between two parallel systems – mining (the power belonged to the mining chiefs under the direct supervision of the Mining Department, the Ministry of Finance and the Emperor) and civil (the system of city self-government bodies formed on the principle of separation of powers). The main part of the bodies and posts were introduced according to the Charter of the cities of 1785, but the city magistrate was still preserved. Local self-government was subordinate to the Provincial Duma and the Ministry of Internal Affairs, and power in elected bodies belonged to merchants). Initially, the mining authorities should not have interfered or somehow intersected with the civil authorities because of different spheres of activity. But the situation was changing very quickly. The process of strengthening the mountain authorities inevitably influenced the existing local self-government bodies, gradually suppressing and subordinating them. And yet, for half a century, two seemingly incompatible systems have been functioning very successfully in conditions of constant struggle and insufficient regulatory regulation. And it is the features of the coexistence of these systems that are the subject of the study of this article. The author aims to study the legal status of a mountain city through the prism of governance and self-government, which cannot be limited only to what is written and enshrined in imperial legislation.

Keywords:

mountain city, local self-government, legal status, mining management, history of Yekaterinburg.

Екатеринбург является старейшим центром горнозаводского Урала. Несмотря на то, что сейчас Екатеринбург один из крупнейших городов современной России и его история изучается специалистами уже очень давно, мало кто знает, что административный центр Свердловской области начинал свой жизненный путь как горный город.

Существует довольно много исторических исследований данной вехи жизни Екатеринбурга. При этом почти не найти правовых исследований, которые бы определили правовой статус горного города, горных начальников, местного самоуправления и т. д. в правовой системе Российской империи. Данная работа направлена именно на выявление особенностей функционирования органов самоуправления в условиях горного города.

Впервые термин «горный город» применен к Екатеринбургу в 1734 году в «Проекте Горного устава» В. Н. Татищева. В статье 34 составители прямо называют Екатеринбург горным городом в контексте взаимодействия органов управления (гражданских и горных) и самоуправления [1, с. 10]. Однако не совсем корректно отсчитывать историю Екатеринбурга как горного города с этого момента по нескольким причинам. Во-первых, устав так и не был утвержден императрицей и не вступил в законную силу. Во-вторых, в «Инструкции действительному статскому советнику Татищеву, посланному в Сибирскую и Казанскую губернии для смотрения за прежними горными заводами и для учреждения новых» от 1734 года также упоминается Екатеринбург, но нет никакого указания на его особый статус¹. Это указывает на то, что законодатель либо не собирался присваивать данный статус Екатеринбургу, либо на то, что особый статус придавался непосредственно заводам и рудникам, но не городу в целом. Учитывая, что Устав действовал негласно на протяжении довольно долгого промежутка времени и имел довольно большое количество вариаций [2, с. 1], то многие города условно назывались «горными», что не имело отражения в законодательстве и было скорее правоприменительным обычаем, который и создавал некоторые особенности правового статуса. Однако следует понимать, что даже такой условный статус использовался лишь для обозначения особенностей во внешнем взаимоотношении заводов и рудников города с городской и губернской администрацией [3, с. 209-250].

В конце XVIII века по «Учреждению для управления губерний Российской империи» была учреждена Пермская губерния с разделением её на две области — Пермскую и Екатеринбургскую, а Екатеринбург при этом получил статус уездного и областного города².

Стоит отметить, что статус горного города был обусловлен вовсе не особенностями рельефа и местоположения, как может показаться современному человеку, а приоритетом горной власти над гражданской администрацией и местным самоуправлением. Под горной властью в данном контексте следует понимать горное ведомство — особый полувоенный орган, созданный для управления рудниками, заводами и промышленностью, периодически менявший свое наименование.

Вплоть до 1806 года издавались нормативные акты, которые подчеркивали приоритет горной власти на Урале (например, «Инструкция по управлению за-

1 «Инструкция действительному статскому советнику Татищеву, посланному в Сибирскую и Казанскую губернии для смотрения за прежними горными заводами и для учреждения новых», ПСЗРИ № 6559 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

2 «Учреждение для управления губерний Российской империи», ПСЗРИ 14.392 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

водами»), но решающим документом в этой сфере стал Проект Горного положения от 1806 года³ (далее ПГП).

После утверждения Александром I ПГП в Перми было учреждено Горное правление, а на генерал-губернатора были возложены главный надзор и наблюдение за ходом горнозаводских дел. Вероятно, правительство фактически уже считало Екатеринбург полноценным горным городом, но никаких специальных распоряжений не поступало. Лишь 23 марта 1807 года пермско-вятский генерал-губернатор К. Ф. Модерах, руководствуясь ст. 723 ПГП, издал представление о присвоении Екатеринбургу соответствующего статуса. Через некоторое время был получен ответ из столицы — Император издал указ, в котором «предлагал» губернскому правлению присвоить статус соответствующий Екатеринбургу [1, с. 15-17].

28 марта Пермское губернское правление вынесло соответствующее постановление, в котором также предлагало Екатеринбургу подчиниться власти Горного начальника [1, с. 17].

Решение губернского правления было направлено Начальнику екатеринбургских заводов для немедленного исполнения, к документу было приложено письмо Модераха, в котором он предписывал Горному начальнику обратить особое внимание на организацию полиции [1, с. 17-18].

Уже 8 апреля 1807 г. вопрос о подчинении города горному начальству обсуждался на заседании Екатеринбургской Городской Думы [4, с. 682]. В журнале Думы было записано: «От 28-го числа минувшего марта за №: 8617 с прописанием предложения высокопревосходительства г. Пермского и Вятского генерал-губернатора и кавалера относительно до открытия Горного правления с 1-го числа сего апреля, на поступление здешнего города в управление пребывающего здешних заводов Горного начальника, приказали о получении губернскому правлению отрапортовать и к надлежащему по силе оногo впредь выполнению приобщить к прочим в собрание» [1, с. 18]. Екатеринбург официально получил статус горного города, став единственным полноправным горным городом в истории России.

С этого времени начинается новый своеобразный период в истории Екатеринбурга - период его подчинения одновременно двум ведомствам — горному и гражданскому.

Реформирование горной системы в общих чертах заключалось в следующем. Для более эффективного управления горными делами было решено основать пять горных округов. Центром каждого должен был стать горный город (ст. 13 ПГП): Екатеринбург, Кушва, Богословск, Юг, Ис. Однако данная идея реализована не была — статус горного города обрёл только Екатеринбург.

Ключевой фигурой в новом правовом устройстве города (а также всего горного округа) стал Горный начальник. Данная должность была учреждена для внутреннего управления внутри горных городов и округов (ст. 4 ПГП). Их количество было определено количеством горных округов [5, с. 26].

Согласно ПГП Горные начальники становились полноправными «хозяевами» горных округов и городов. Подотчетны они были лишь Горному Правлению в Перми, в которое ежегодно обязаны были передавать отчеты (ст. 5 ПГП). Согласно ст. 12 ПГП ни одно лицо, кроме Генерал-губернатора, берг-инспектора, Горного правления, Горных начальников и иных «горных» чиновников не могло вмешиваться в дела горные. При этом никто кроме Горного начальника не мог

3 «Проект Горного положения», ПСЗРИ 22.208 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

приказывать или управлять делами в горном городе и округе, указанные выше лица могли приказать что-либо (но не всё) непосредственно Горному начальнику, но никак не горным служащим напрямую.

Горным начальникам была подчинена Горная полиция (ст. 18 ПГП). Это ещё одна особенность горного города и горных округов. «Селения при Заводах, Рудниках и Пристанях казенных и частных людей, и вообще селения принадлежащие к Заводам, также Округи Заводов казенных исключаются из власти и управления Гражданского Начальства и подчиняются управлению Горной Полиции» (ст. 16 ПГП). Во главе Горной Полиции стоял полицмейстер (ст. 19 ПГП).

По тексту документа не раз встречаются параллели, прямо проводимые между Горным начальником и гражданским губернатором. В ст. 18 ПГП говорится, что Горная Полиция подчиняется Горному начальнику, как Гражданская полиция подчиняется Гражданскому губернатору; ст. 758 ПГП гласит, что Горный начальник «заступает место Губернатора по Городовому Положению и наблюдает за выполнением оногo». По сути, это явный намек на равный статус Горного Начальника и Губернатора, который подтверждается обширнейшим объёмом полномочий Горного начальника.

ПГП положил начало новой специфической социальной стратификации. Отныне жители горных округов и городов делились на две категории.

Власти Горного начальника подчинены «все высшие и нижние Чины Горные, Военные, Статские, Медицинские, все художники, все мастеровые и рабочие люди, состоящие на службе на Заводах, Рудниках и других местах, от них зависящих» (ст. 361 ПГП). Вторая группа описывается ст. 725, гласящей, что если общество купцов, мещан и посадских увеличится так, что в состоянии будет содержать Ратушу или Магистрат, то по представлению Горного Начальника Генерал-Губернатору, а далее через Горное Правление открываются данные учреждения (после этого следует доклад Горного Правления Правительствующему Сенату, Министрам Юстиции, Внутренних дел и Финансов) [6, с. 91-96].

Таким образом, складывались две довольно крупные социальные группы: «горные» люди, подчиненные власти Горного начальника, и «гражданские», подчиненные губернской администрации и имеющие право на самоуправление. А вместе с группами сформировались и две параллельные системы управления: горная, основанная на ПГП, и городское общественное управление, базирующееся на Жалованной грамоте городам⁴ (1785) и Учреждении для управлениями губерниями⁵ (1775).

Для горных людей были предусмотрены существенные социальные гарантии, а обязанность по их реализации возлагалась на Горного Начальника. Для них создавалась своя собственная социальная инфраструктура, чем-то напоминающая её аналог из Жалованной грамоты городам. Каждое учреждение в рамках ПГП так или иначе имеет аналогичный институт в Жалованной грамоте городам [7, с. 18-33].

Богодельни (глава IX ПГП). На Горного начальника возлагалась прямая обязанность по учреждению Богоделен при каждом Заводе. Все «бедные и неимущие, принадлежащие к Заводским селениям», вне зависимости от их состояния и звания, престарелые, увечные, не способные работать, не имеющих пристанище в домах частных людей, «имеют право» быть помещены в Богодельни. Богодель-

4 «Жалованная грамота городам», ПСЗРИ 16.189 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

5 «Учреждение для управления губерний Российской империи», ПСЗРИ 14.392 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

ни также заботились о малолетних сиротах. Дети мужского пола воспитанные в Богодельнях направлялись Горным начальником на Горную службу. В Богодельнях людям давали работу, которая была им по силам, например, рукоделие [8, с. 110-120]. Интересный факт, что никто кроме Горного начальника не мог изменить суммы финансирования данных учреждений: ни Заводской Управитель, ни Смотритель Богодельни. Финансировалась Богодельня за счёт специальных сборов с горных людей, а также из заводской казны, если собранных сумм будет недостаточно.

Горный Госпиталь (глава XII ПГП). ПГП описывает систему госпиталей и медицинских чинов. По положению госпитали стали неотъемлемой частью заводов. Любой завод или селение при Рудниках, имеющее более 200 человек команды (горных людей) должны были иметь госпиталь. Каждый служащий при Заводах, любого состояния и звания имели право посетить госпиталь. При этом если лекарь посчитает нужным, то они обязаны были остаться в заведении до выздоровления (кроме классных чинов, которые могли оставаться дома). На медицинские чины возлагалась обязанность осматривать и навещать больных в госпиталях и их домах так часто, как того требует ситуация.

Ст. 683 ПГП прямо говорит, что все заводские люди и их семьи пользуются лекарствами «безденежно». Более того, следующие статьи говорят о бесплатном содержании в Госпитале (пища, одежда и др.). При этом половина жалования (за время их пребывания в Госпитале) удерживалось, а весь полагающийся провиант забирался, кроме того, который был рассчитан на их семьи. Интересно, что содержание больных и аптеки, основывались на военных нормативных актах (Штат о Полевых Полках и Положение для Полевых Аптек). Это четко показывает строгую структуру горной системы, которая по своей иерархии была очень похожа на военную организацию деятельности. Данная черта не раз проявится в ходе анализа правового статуса горного города.

Укомплектованность медицинского состава (чинов), назначение врачей, контроль за надлежащим обеспечением госпиталей были в компетенции Горного начальника. Для исполнения своих функций Горный начальник наделялся рядом полномочий: например, выписывать медицинских чиновников «откуда и от кого следует», принимать на горную службу вольных медицинских чиновников, определять размер их жалованья, право послать с проверкой Доктора, Штаб-Лекаря или старшего Лекаря, состоящего при Главном Заводе, по горному округу, право перевода горных врачей. При этом предоставлялась интересная социальная гарантия: Горный начальник формировал Формулярные списки о Медицинских чинах Министру Внутренних дел и рекомендовал их к повышению в классе согласно Положению о Медицинских Чинах.

Горные школы (глава VII «Л»). При Заводах учреждались горные школы. Именно образованию традиционно для Урала было уделено особое внимание [9, с. 92]. Урал уже давно считался одним из крупнейших поставщиков квалифицированных горнозаводских кадров для всей империи [10, с. 14-15], [11, с. 8]. Поэтому и ст. 529 ПГП гласит, что одна из главных обязанностей Горного начальника «стараться о воспитании детей» всех без исключения горных людей. Образование предполагало не только профессиональную подготовку будущих горных служащих, но и «образование сердца». Дети мужского пола всех состоящих на Горной службе без исключения обучались чтению, письму, арифметике, основам рисования и черчения, Закону Божию и даже иностранным языкам [12, с. 3-7]. Их учили благонравию, долгу перед обществом, Государем, Правительством и ближнем, а также способствовали становлению детей «в должностях человека и гражданина» (ст. 534 ПГП). Наиболее способные ученики, даже дети мастеровых

и рабочих, обучались по более углублённым образовательным программам. Их готовили для занятий горных должностей, требующих гораздо больше знаний, умения работать с документами — управленческие должности. Дети классных чинов, а также самые способные дети из нижних Чинов, и даже дети мастеровых и рабочих, по представлению Горного начальника направлялись генерал-губернатором в Горный корпус в Санкт-Петербурге. Особое внимание уделено действующим Горным и Статским Чинам, которые совмещали службу с обучением учащихся школ: были предусмотрены надбавки к жалованию.

Таким образом, в горном городе был создан реальный социальный лифт, который давал шанс детям обычных рабочих занять высокооплачиваемые должности. Государство получало высококвалифицированные кадры, а люди — шанс.

Однако же на практике всё было немного сложнее. Лишь единицы из простых людей смогли попасть на обучение в Горный Корпус. И уже к 1815 году перед горной системой встала проблема избытка квалифицированных кадров, которые не желали трудиться на обычных заводских должностях, а также не хватало финансирования, в том числе из-за военных конфликтов страны в начале XIX века. В таких условиях дети простых заводских людей чаще всего направлялись на заводские должности [13, с. 100-115]. Вследствие этого, деятельность горных школ сильно ограничивалась Горными начальниками — без внесения изменений в ППП, но фактически. Было снижено финансирование, упразднены центральные школы, уменьшено количество школ в целом. Но даже не смотря на это, Урал всё ещё оставался кузницей высококвалифицированных кадров для всей России.

Но существовали и неблагоприятные для горных людей особенности устройства горного города. Одной из них стала уголовная юстиция — за любые уголовные преступления горные люди предавались Военному суду, исключение составили лишь медицинские чины (ст. 394 ППП).

Как видно из краткого анализа, ППП формировал особую замкнутую и самодостаточную систему городского устройства. Заводские люди не имели необходимости участвовать в городском самоуправлении и часто взаимодействовать с институтами стандартного городского самоуправления, образованными по Жалованной грамоте городам.

При этом следует сказать, что Городская Дума содержала аналогичные учреждения для «гражданских». Именно в этой сфере влияние губернской администрации было максимальным, поскольку она участвовала в финансировании и обладала правом ревизии бюджета.

Учитывая жесткость горной системы, кажется невероятным, что ППП сохранил гарантии предоставленные горожанам Жалованной грамотой городам.

Как ранее упоминалось, в 1783 году Екатеринбург получает статус уездного и областного города. А в 1784 в Екатеринбурге появляется магистрат.

В 1785 году по Жалованной грамоте городам были образованы новые органы городского самоуправления. Система органов теперь состояла из Общественной Думы, Шестигласной Думы, сиротского суда. Екатеринбургская Городская Дума была открыта 12 ноября 1787 года, а ремесленное управление в 1790. При этом сохранялся городской магистрат, что можно назвать определенной преемственностью [4, с. 135-136).

В рамках данного исследования не имеет смысла углубляться в деятельность и особенности функционирования данных органов, поскольку основы их функционирования оставались едиными для всей России. Обратим внимание только на особую специфику, которая накладывалась на систему городского общественного управления статусом горного города.

По ППП Горный начальник получил право утверждать избранных людей на общественные должности, наиболее важные статьи городского бюджета, в целом контролировать общественную жизнь города и органов управления⁶.

При этом за влияние на город боролась и губернская администрация, которая стремилась ограничить горную администрацию. Например, губерния обладала правом ревизии городского бюджета⁷. И желание губернской администрации было понятно. Горное положение сохраняло все привилегии городам по Жалованной грамоте, а значит сохранялась и обязанность по финансированию некоторых проектов. Например, ремонт дорог и мостов происходил за счёт общих повинностей со всей губернии [5, с. 130-145].

Ст. 758 ППП прямо говорит, что Горный начальник обязан предоставить горному городу все права, которые предоставлены им Жалованной грамотой городам⁸. Исключение составили лишь те права, которые были несовместимы со спецификой горного города (например возведение пильных мельниц для продажи леса). Решение о допустимости отдельных видов деятельности, прав, гарантий, обязанностей возлагалось только на Горного начальника, который «заступает место Губернатора по Городовому Положению и наблюдает за выполнением оно». Именно это и обусловило почти безграничную власть Горного начальника над общественной жизнью города. Любое право горожан могло быть ограничено решением Горного начальника [7, с. 17-18].

Показательным является случай, произошедший в 1808 году. Во время выборов городского головы участники общего собрания разделились на две группы. Группа состоятельных купцов проголосовала за одного кандидата — купца-старообрядца Якова Толстикова. Остальная часть городского общества категорически возражала против кандидатуры. Его обвиняли в ряде преступлений, связанных с растратой и хищением бюджета во время предыдущего нахождения на посту городского головы. В результате стороны так и не смогли уладить конфликт. Несмотря на существующий порядок выборов, каждая группа населения выбрала своего кандидата на роль городского головы. Решение данной проблемы теперь оставалось за Горным начальником, который имел право не только разрешать избирательные собрания в городе (данное право он получил по Жалованной грамоте и Учреждению для управлениями губерниями, как губернатор; ст. 758 ППП), но и уже упоминаемое ранее право утверждать лица, избираемые на городские службы. Несмотря на то, что более многочисленная группа проголосовала за другого кандидата, Горный начальник утвердил Толстикова, даже несмотря на наличие серьёзных обвинений [1, с. 45-46].

Но в некоторых случаях Горный начальник охотно пользовался своим правом. Например, он отказался утверждать в должности избранного купцами среднего порядка бургомистра Ивана Романова, который имел незначительные проблемы с законом [1, с. 46].

Подчинение города двум властям: горной и гражданской — было источником многих проблем в городском управлении. Особенно трудна была участь городских голов, которым приходилось буквально «метаться меж двух огней». Хотя иногда это было и их преимуществом, которое давало им вариативность в действиях.

6 «Проект Горного положения», ПСЗРИ 22.208 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

7 Там же.

8 «Жалованная грамота городам», ПСЗРИ 16.189 // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 24.09.2023).

Городской голова руководил всей деятельностью Городской Думы. Дума собиралась почти ежедневно, за исключением праздничных и воскресных дней, на три-четыре часа в день. Все гласные не могли принимать ежедневно участие в работе, и потому заседания редко проводились при кворуме. Чаще всего Дума заседала в составе городского головы и по одному гласному от купцов, мещан и цеховых.

Решая текущие вопросы, Дума (под влиянием городского головы) в зависимости от обстоятельств апеллировала то к горной, то к гражданской власти, исходя из того, насколько это устраивало её в каждом отдельном случае.

В 1820—1830 гг., когда влияние горного начальства на городские ещё не достигло высокого уровня, Городской Думе при решении отдельных вопросов удавалось проявлять некоторую «самостоятельность». Например, в 1825 году Дума отказалась исполнить предписание Горного начальника об исправлении дорог и мостов на городском выгоне исключительно за счет городских средств. Не согласившись с мнением Горного начальника, она решила, что: «дороги и мосты, ведущие через заводы от одного выгона к другому, нужные для проезду почты, исправляются общими силами губернии или Уезда», а потому горное ведомство должно в равной мере с городом нести все расходы по их исправлению [1, с. 49]. При этом согласно ПГП деньги можно было потребовать и от Губернской администрации. Таким образом, в данном случае Дума приняла решение перейти на сторону Губернского управления и отказаться выполнять распоряжение горной власти.

В том же году при обсуждении вопроса о постройке помещения для полиции Дума не согласилась с предложением Горного начальника о выделении городских средств, мотивируя это тем, что горное ведомство не может стоять в стороне от таких расходов. 20 марта 1835 года на заседании Думы обсуждалось требование Горного начальника о полном возмещении заводской конторе 779 руб., затраченных ею на строительство караульного дома. Дума заявила, что не может и не будет делать это [1, с. 49]. И снова Дума пошла на конфликт с Горным начальником.

Но в марте 1823 года произошёл другой показательный случай. На мещанском собрании Екатеринбурга группа мещан резко выступила против предложений, рекомендованных собранию городским головой — представителем крупного купечества. Городской голова не сумел успокоить недовольных словами и решил прибегнуть к помощи горной полиции. Он просил полицмейстера привлечь «нарушителей тишины и спокойствия» к ответственности [1, с. 46]. Сейчас городской голова решил «шагнуть» в сторону Горного начальника, который контролировал полицию, и воспользоваться горными институтами.

В целом, общие Городские собрания редко бывали спокойным местом обсуждений. На собраниях часто сталкивались интересы разных слоев населения, иногда доходило до открытой борьбы. Основной причиной являлось недовольство мещан и части купечества политикой купеческой верхушки, которой покровительствовали горные власти. Стоит отметить, что наиболее ответственные должности по городскому управлению — городского головы, бургомистров, ратманов, судей словесных и сиротских судов замещались исключительно крупными купцами. Право занятия купечеством важнейших должностей по городским выборам обеспечивало им главную роль в решении дел городского общества. Выборы городского головы, бургомистра и других лиц по городскому управлению, которые избирались из среды купечества, производились на общих собраниях купцов Екатеринбурга. Выборы на должности, замещаемые мещанами, происходили на мещанских собраниях, на все другие — на общих собраниях купцов и мещан города.

Атмосферу накаляло и то, что на собрания часто заходили те, кто не имел права заседать там. Это происходило довольно часто из-за того, что в Екатеринбурге не применялось положение о 50-рублевом доходе, как основании участия в собраниях, а учет лиц, имеющих право на это, не велся должным образом, поскольку ответственный за это орган — депутатское собрание, фактически не существовал [1, с. 45]. Это является ещё одной особенностью горного города Екатеринбург.

Большая часть времени заседания Думы уходила на заслушивание различных указов, распоряжений, предписаний и предложений Горного начальника, Губернской администрации, правительственных учреждений. Никаких самостоятельных решений по всем этим официальным бумагам Дума почти не выносила. Хотя это и не говорит и о том, что Дума предпринимала активные действия и ревностно исполняла решение начальства [1, с. 45-50].

Но самое интересное во всей этой ситуации то, что горные люди не теряли привилегии, дарованные Жалованной грамотой. Все служащие (даже отставные) при условии, что они владели двумя и более домами или ремесленным заведением в городе и платили на этом основании налоги, имели право голоса и места в Городском обществе. Мастеровые, рабочие люди, художники при Заводах могли совмещать (не в ущерб горной службе) службу с частными мастерскими, имея при этом возможность нанимать подмастерьев. Упоминается также и обязанность мастеровых и рабочих людей вступить в цехи (если они учреждены в горном городе). Но опять налагалось ограничение, что деятельность лиц не могла осуществляться, если каким бы то ни было образом подрывала интересы Заводов.

Кроме того, горным людям предоставлялись довольно серьёзные налоговые льготы.

С момента появления на Урале должности Главного начальника уральских горных заводов (1826), который фактически замещал Генерал-Губернатора, и переводом Горного Правления из Перми в Екатеринбург (1831) вмешательство горной власти в дела управления Екатеринбургом резко усилилось, теперь влияние горной администрации распространялось даже на мелкие вопросы городской жизни.

В сентябре 1851 по представлению Главного горного начальника Государственным советом было утверждено мнение о подчинении Екатеринбурга исключительной власти горного начальства [4, с. 132-136]. Думается, такое решение было принято вследствие постоянных противоречий между «гражданскими» и «горными» системами управления, которые явно не способствовали интересам страны в преддверии назревавшей Крымской войны. В качестве превентивных мер были предприняты мероприятия по централизации стратегически важных отраслей производства и добычи.

19 ноября 1851 г. это решение было утверждено императорским указом («О подчинении г. Екатеринбурга, по городскому управлению, заведыванию главного начальника горных заводов хребта Уральского» [1, с. 40]. Установленный режим предусматривал полную регламентацию деятельности выборных органов, Горному начальнику принадлежали исключительные права назначения даты избирательных собраний, установления номенклатуры и количества лиц, подлежащих избранию на выборные должности, наблюдения за процедурой выборов, утверждения или не утверждения избранных лиц, вынесения разрешительного «отзыва» на решения Думы. В мае 1852 г. при горном правлении была создана особая комиссия по рассмотрению горных доходов и расходов, утверждая городскую смету и порядок ее использования, фактически определяла всю финансово-бюджетную политику городских властей, что фактически сводило на нет все

полномочия Губернской администрации. В ноябре 1857 г. Главному начальнику горных заводов было предоставлено право в любое время отстранять от должности служащих по городскому управлению, налагать на них дисциплинарные взыскания, увольнять в отпуск и т. п. [4, с. 132-136].

Теперь городское самоуправление потеряло остатки самостоятельности и превратилось в одно из учреждений, выполнявших волю горной администрации. По сути Горный город стал по настоящему горным, где Главный Горный Начальник стал полноправным и неограниченным хозяином. Теперь только он мог решать вопросы связанные с любыми аспектам городской жизни.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что городское самоуправление в г. Екатеринбург существовало в условиях наложения нескольких государственных управленческих систем, дублирующих свои функции: горной и гражданской (губернской).

На протяжении полувека, маленькими постепенными шагами Горная администрация добивалась полного контроля над городом, подавляя местное самоуправление и губернскую администрацию, недовольных дворян, чиновников, крестьян и рабочих. И в этом заключается главная особенность Екатеринбурга как горного города. Не существует нормативного правового акта, который бы мог описать правовое взаимодействие трёх систем управления (горная, губернская, городская). Самое любопытное в том, что ПГП не только не был принят как закон и навсегда остался проектом, но и устарел уже к 1810 году, когда Горные начальники начали жестко вмешиваться в дела Губернии и Городской Думы. Вся система взаимодействия была построена на практике, а не законе, самими участниками почти без привлечения Санкт-Петербурга. И тем не менее, столица империи Санкт-Петербург редко непосредственно вмешивался в горные дела Урала, что свидетельствует о том, что особых проблем с поставками и производительностью не было. Городским головам, Горным начальникам и Пермским Губернаторам удалось наладить продуктивное сотрудничество в условиях неразграниченной компетенции, при неясных полномочиях, отсутствии нормативного контроля и постоянного противодействия одних сил другим.

Библиографический список:

1. Горловский М. А. Горный город Екатеринбург, 1807-1863: краткий очерк. - Свердловск: тип. изд-ва «Уральский рабочий», 1948. 151 с.
2. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.): учеб. пособие. – М: РГБ, 2004. 1 с.
3. Горнозаводской устав («Заводской» устав Татищева) // Сборник Русского исторического общества. – Т. 6 (154): К истории горного дела. – М: Русская панорама, 2003. 384 с.
4. Екатеринбург: Энциклопедия: 280-летию Екатеринбурга посвящается / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. 728 с.
5. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 274 с.
6. Корнилов Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга: источники и историография // Парадигмы и модели демографического развития: сб. ст. XII Уральского демографического форума. – Екатеринбург, 2021. – Т. I. – С. 91–99.
7. Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Екатеринбург - Свердловск - Екатеринбург. История городской власти (1745 – 1919). Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, Новое время, 2003. 281 с.
8. Дашкевич Л. А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII - первой половине XIX в. (К вопросу о развитии благотворительности в крепостной России) // Уральский сборник: История. Культура. Религия. 3. М.: 1999. С. 103-124.
9. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. -М.: Гудок, 1944. 120 с.
10. Корепанов Н. С. Уктус - исток Екатеринбурга: Н. С. Корепанов. - Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2012. 38 с.
11. Пятницкий А. Н., Будрин В. И., Павловский Б. В. Сто лет горнотехнической школе на Среднем Урале. – Свердловск: Свердловгосиздат, 1948. 247 с.
12. Пензин Э. А. Первые иноязычные школы Екатеринбурга // Народное образование на Урале в XVIII – начала XX в.: сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 13–30.
13. Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке: монография. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». 2011. 176 с.

References:

1. Gorlovsky M. A. (1948). The mining city Yekaterinburg, 1807-1863: a brief essay. Sverdlovsk: pr. house of publishing house "Ural worker". p. 151
2. Korepanov N. S. (2004). In early Yekaterinburg (1723-1781): Textbook. Moscow: RGB. p. 1
3. Mining and factory charter «Factory» charter of Tatishchev). (2003). Moscow: Russian panorama. p. 384
4. Yekaterinburg: Encyclopedia: dedicated to the 280th anniversary of Yekaterinburg. (2002). Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg: Akademkniga. p. 728
5. Korepanov N. S. (2005). The First Century of Yekaterinburg. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. p. 274
6. Kornilov G. E. (2021). Tercentenary demographic history of Yekaterinburg: sources and historiography. Paradigms and models of demographic development: Collection of art. XII Ural Demographic Forum. Yekaterinburg. 1. pp. 91-99
7. Gramolin A. I., Koridorov E. A. (2003). Yekaterinburg-Sverdlovsk -Yekaterinburg. The history of the city government (1745-1919). Yekaterinburg: Sredne-Uralsky Book Publishing House, New Time. p. 281
8. Dashkevich L. A. (1999). Foster homes and orphanages in the Urals in the XVIII-first half of the XIX century. (On the development of charity in serf Russia). Ural collection: History. Culture. Religion. 3. Moscow. pp.103-124
9. Nechaev N. V. (1944). Schools at mining plants of the Urals in the first half of the XVIII century. Moscow: Gudok. p. 120
10. Korepanov N. S. (2012). Uktus-the source of Yekaterinburg: N. S. Korepanov. Yekaterinburg: Grachev and Partners. p. 38
11. Pyatnitsky A. N., Budrin V. I., Pavlovsky B. V. (1948). One hundred years of mining engineering school in the Middle Urals. Sverdlovsk: Sverdlovgosizdat. p. 247
12. Penzin E. A. (1990). The first foreign language schools of Yekaterinburg. Folk education in the Urals in the XVIII – early XX centuries: a collection of scientific papers. Sverdlovsk: USU. pp. 13-30
13. Chernoukhov E. A. (2011). Social infrastructure of the Nizhny Tagil mining district of the Demidovs in the XIX century: monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. p. 176

3 (24) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.21
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_77

Шарифулин Артём Артурович
sharifulinart@gmail.com
Студент Института прокуратуры
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Шарифулин Геннадий Артурович
murochta11@mail.ru
Магистрант Владимирского юридического
института ФСИН России, майор полиции

Научный руководитель:
Клепицкий Иван Анатольевич
Профессор кафедры уголовного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук

Освобождение от уголовной ответственности в контексте презюпции невиновности

Шарифулин А. А., Шарифулин Г. А. / Освобождение от
уголовной ответственности в контексте
презюпции невиновности // Уральский журнал
правовых исследований. 2023. № 3. С. 77–92. DOI
10.34076/2658_512X_2023_3_стр

Аннотация:

В представленном комплексном исследовании рассматривается проблема соответствия существующего межотраслевого правового института освобождения от уголовной ответственности конституционному принципу презюпции невиновности. Выявлены несоответствия в контексте уголовного, уголовно-процессуального, трудового, административного, гражданского и семейного права в действующем законодательстве и законопроектах. Актуальность работы обосновывается не теряющей своих темпов научной дискуссией и предстоящими изменениями российского законодательства в анализируемой сфере. В качестве задач исследования авторами были поставлены следующие цели: во-первых, выявить, в чём именно проявляется несоответствие элементов освобождения от уголовной ответственности Конституции Российской Федерации, во-вторых, подробно проанализировать как правоприменительную практику по данным вопросам, так и предложения учёных по их разрешению, в-третьих, сформулировать собственные научно-обоснованные позиции. По результатам проведённого исследования были сделаны следующие выводы: в целях обеспечения презюпции невиновности целесообразно на нормативном (позитивном) уровне закрепить обязанность правоприменителя воздержаться от вывода о виновности в преступлении лица, освобождённого от уголовной ответственности; установленные за рамками уголовного права ограничения прав и свобод лица, освобождённого от уголовной ответственности, противоречат конституционному принципу презюпции невиновности; эти ограничения из различных отраслей российского законодательства по своему фактическому содержанию являются наказаниями, не предусмотренными уголовным законом, то есть Уголовным кодексом Российской Федерации; существующий порядок фиксации статуса лица, подвергшегося уголовному преследованию, расширяет карательное содержание данных ограничений. В рамках данной статьи авторами даны рекомендации по устранению несоответствия норм разных отраслей права конституционному принципу презюпции невиновности.

УДК 343.21
DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_77

Artem A. Sharifulin
sharifulinart@gmail.com
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of the Prosecutor's Office, Student

Gennady A. Sharifulin
murochta11@mail.ru
Federal Penitentiary Service of Russia Vladimir Law
Institute, Master student, police major

Academic Supervisor:
Ivan A. Klepitskij
Professor of Criminal Law Department
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of
Juridical Sciences

Exemption from Criminal Liability in the Context of the Presumption of Innocence

Artem A. Sharifulin, Gennady A. Sharifulin / Exemption
from criminal liability in the context of the presumption
of innocence // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 3.
P. 77–92. DOI 10.34076/2658_512X_2023_3_77

Abstract:

The presented comprehensive study examines the problem of compliance of the existing intersectoral legal institution of exemption from criminal liability with the constitutional principle of presumption of innocence. Inconsistencies in the context of criminal, criminal procedure, labor, administrative, civil and family law in the current legislation and draft laws have been identified. The relevance of the work is justified by the ongoing scientific discussion and the upcoming changes in Russian legislation in the analyzed area. As the objectives of the study, the authors set the following goals: firstly, to identify exactly where the inconsistency of the elements of exemption from criminal liability manifests itself in the Constitution of the Russian Federation, secondly, to analyze in detail both law enforcement practice on these issues and the proposals of scientists to resolve them, thirdly, to formulate their own scientifically based positions. According to the results of the study, the following conclusions were made: in order to ensure the presumption of innocence, it is advisable to fix at the normative (positive) level the duty of the law enforcement officer to refrain from concluding that a person released from criminal liability is guilty of a crime; restrictions on the rights and freedoms of a person released from criminal liability established outside the framework of criminal law contradict the constitutional principle of the presumption of innocence; these restrictions from various branches of Russian legislation in their actual content are punishments not provided for by criminal law, that is, the Criminal Code of the Russian Federation; the existing procedure for fixing the status of a person who has been subjected to criminal prosecution expands the punitive content of these restrictions. Within the framework of this article, the authors have given recommendations on how to eliminate the inconsistency of the norms of different branches of law with the constitutional principle of the presumption of innocence.

Ключевые слова:

освобождение от уголовной ответственности, презумпция невиновности, уголовное наказание, меры государственного принуждения, судимость, уголовное преследование.

Keywords:

exemption from criminal liability, presumption of innocence, criminal punishment, measures of state coercion, criminal record, criminal prosecution.

Российский институт освобождения от уголовной ответственности берёт своё начало ещё со времён Русской Правды, именно поэтому сегодня он «довольно прочно закрепился в уголовном праве нашего государства» [1, с. 156]. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) ему посвящена глава 11, имеющая одноимённое название. Между тем, нормы данного института в обширном количестве представлены и в Особенной части УК РФ, так, только на начало 2018 г. число «поощрительных примечаний ... составляло 40 с распространением их действия на 44 статьи» [2, с. 321]. Отметим, что именно из-за существования этого института и института освобождения от наказания не нашёл своего отражения в системе принципов уголовного закона на сегодняшний день принцип неотвратимости ответственности (наказания), поэтому не весьма понятны причины, по которым он декларируется в некоторых актах законодательства России (например, п. 41, пп. 12 п. 47 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»²).

В доктрине уголовного права нет единообразия в определении понятия «освобождение от уголовной ответственности» (связано это, в том числе и с тем, что небесспорным является определение самой «уголовной ответственности»), поэтому целесообразным видится принять за данную правовую категорию отказ от уголовного преследования (отказ от возбуждения дела либо прекращение уголовного преследования или уголовного дела) ввиду его нецелесообразности по основаниям, предусмотренным уголовным законом. Данное определение является практико-ориентированным, с которым, как представляется, могут согласиться представители различных научных школ. Автором этой дефиниции является профессор И.А. Клепицкий, который пока не воплотил свою ценную идею в печатном виде, но юридическая общественность имеет право о ней знать.

В свою очередь, в соответствии с п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – УПК РФ) уголовным преследованием является процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. На основании данного определения можно прийти к выводу, что уголовное преследование начинается тогда, когда лицо получает, как минимум, правовой статус подозреваемого: в отношении него 1) выполнено одно из процессуальных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ, 2) проведено следственное действие, 3) предприняты иные меры, проводимые в целях его изобличения либо свидетельствующие о наличии подозрений против него (два последних основания установлены п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П⁴).

1 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2 Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

3 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

Таким образом, лицо, освобождаясь от уголовной ответственности путём отказа государства (в лице соответствующих органов) от уголовного преследования на основании одного из видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных УК РФ, теряет прежний статус подозреваемого, обвиняемого или подсудимого (не только дознаватель с согласия прокурора и следователь с согласия руководителя следственного органа, но также и суд имеет полномочия по прекращению уголовного дела или уголовного преследования), и получает новый правовой статус: лицо, подвергавшееся уголовному преследованию.

Отметим, что все виды освобождения от уголовной ответственности, находящиеся в УК РФ, являются нереабилитирующими основаниями. Это означает, что отказ от уголовного преследования был «не связан с какими-либо противозаконными или необоснованными действиями со стороны государственных органов в отношении подозреваемого, обвиняемого или подсудимого» [3, с. 1224], при этом, что самое главное, как отмечает доцент К.Б. Калиновский: «вопрос о виновности ... остаётся открытым» [4, с. 521]. Он и должен оставаться открытым, ведь признать лицо виновным в совершении преступления в соответствии в п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ может только суд и только своим приговором (ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации⁵ (далее – Конституция РФ), ч. 1 ст. 14 УПК РФ). Какой из этого правила следует вывод? На наш взгляд, самый очевидный: никто, кроме суда, не может делать вывод о виновности в совершении преступления ни в каких-либо актах, кроме приговора. Представляется, что данный вывод подтверждается и тем, что среди обязательных элементов постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования отсутствует вопрос о виновности (ст. 213 УПК РФ), то есть законодатель абсолютно справедливо говорит правоприменителю обойти этот вопрос стороной, принять то, что если лицо не признано виновным (это может сделать только суд через приговор), то оно им и не является. В практике, к сожалению, присутствует и обратное. Так, например, в решении Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 27 января 2022 г.⁶ только лишь на основании постановления должностного лица правоохранительного органа об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ) был сделан однозначный вывод о подтверждении факта совершения деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, то есть виновность лица была установлена именно не приговором и не судом, что противоречит ранее сказанному. В результате на основании данного вывода иск против «преступника» судом был удовлетворён. Впоследствии данное судебное решение, конечно же, было отменено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ⁷. Таким образом, на наш взгляд, суд первой инстанции нарушил вытекающую из ч. 1 ст. 49 Конституции РФ свою «обязанность рассматривать лицо до вступления в законную силу обвинительного приговора как невиновное (поскольку она, то есть обязанность – А.Ш., Г.Ш.) не зависит от субъективного мнения и убеждения лиц, ведущих уголовное преследование» [5, с. 463]. В этой связи отметим, что данный пример, как нам представляется, демонстри-

5 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 27.06.2023).

6 Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 27 января 2022 г. по делу № 2-144/2022 // URL: https://vor--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=281219637&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 28.06.2023).

7 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2023 г. № 16-КГ23-11-К4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2023).

рует, что, во-первых, не всегда действующая сложившаяся практика является правильной (истинной), во-вторых, это также не означает, что надо смиренно жить при такой практике, в-третьих, если сложившаяся практика неправильная, противоречащая принципам права, здравому смыслу и др., то с такой практикой надо бороться, её необходимо поправлять, начинать можно с малого: с конкретного дела.

Решения обозначенной проблемы высказываются и учёными. Например, Н.П. Кириллова считает, что «освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям возможно только в том случае, если органы предварительного расследования безусловно установили, что конкретное лицо виновно в совершении преступления, вследствие чего оно должно подвергнуться уголовной ответственности за это деяние, однако в силу определенных обстоятельств признается нецелесообразным возложить на это лицо обязанность претерпеть все последствия привлечения к уголовной ответственности» [6, с. 91]. Если же это не установить, то «расследование должно было бы продолжаться в целях установления подлинного преступника» [6, с. 91]. Вследствие чего ей видится целесообразным дополнить ст. 213 УПК РФ нормой об обязательном изложении «доказательств, подтверждающих виновность лица, совершившего преступление, и вывод следователя о его виновности, если дело прекращено по нереабилитирующим основаниям» [6, с. 91].

Представляется, что данная позиция является небесспорной. Безусловно, до момента освобождения от уголовной ответственности устанавливаются элементы и признаки определённого состава преступления, в том числе, и вина, однако это не будет иметь значения, например, при освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), поскольку, как верно отмечает профессор И.А. Клепицкий, «данное основание ... является императивным (за исключением применения сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы)» [7, с. 126]. Неужели и в таком случае всё равно необходимо будет устанавливать (доказывать) виновность лица? На наш взгляд – нет, ведь в данной ситуации законодатель возложил на правоприменителя однозначную обязанность прекратить уголовное дело или уголовное преследование, поскольку последнему, как раз-таки, и не удалось в указанные сроки (сроки давности) доказать обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ) по конкретному делу. Дальнейшее же расследование (за рамками сроков давности) не будет являться разумным и достаточным, ведь истечение указанного времени (сроков давности), как верно указывает профессор В.Ф. Цепелев, «существенно затрудняет задачу установления истины по делу» [8, с. 172]. Как видится, данный вывод соотносится также и с принципом процессуальной экономии (напомним, что институт освобождения от уголовной ответственности призван, в том числе, и для того, чтобы «разгрузить» органы предварительного расследования от «малозначительных» деяний и направить их потенциал на раскрытие более тяжких и сложных преступлений, а при освобождении от уголовной ответственности по ст. 78 УК РФ считается, что «по прошествии определённого срока ... деяние и личность утрачивают общественную опасность или она существенно снижается» [9, с. 305]).

Высказанное находит своё подтверждение и на практике. Так, например, Судебная коллегия по административным делам Четвёртого апелляционного суда

общей юрисдикции⁸, признавая несостоятельными доводы апелляционных жалоб Министерства финансов РФ и МВД России, подтвердила выводы суда первой инстанции о недостаточности и неэффективности действий дознавателей по проведению дознания в рамках уголовного дела и, как следствие, законности освобождения от уголовной ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ (дело было возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ). Судебная коллегия отметила, что, устанавливая срок давности привлечения к уголовной ответственности по преступлениям небольшой тяжести в два года, законодатель установил, что такой срок является разумным и достаточным для установления лиц, виновных в совершении преступления небольшой тяжести, и привлечения их к уголовной ответственности. В данном примере, исходя из предложения Н.П. Кирилловой, дознанию всё равно придётся «исправлять свои ошибки» (их совершают все, они неизбежны) и доказывать виновность лица (ведь данное основание освобождения от уголовной ответственности является нереабилитирующим). Однако такая деятельность будет и незаконной, и противоречащей здравому смыслу, а собирать соответствующие доказательства дознание должно было и до освобождения от уголовной ответственности (это и есть его работа).

Схожую позицию занимает и Конституционный Суд РФ, неоднократно указывающий, что решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность (п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П⁹, п. 3.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 г. № 36-П¹⁰). Однако, к сожалению, из указанного не вытекает однозначная обязанность правоприменителя не излагать в соответствующем постановлении вывод о виновности лица (это не является критичным, поскольку это, на наш взгляд, следует из вышеуказанных норм Конституции РФ и УПК РФ).

Кроме того, как представляется, реализация указанного Н.П. Кирилловой предложения в этом уголовно-процессуальном ключе вновь вернёт российскую систему уголовного права на несколько десятилетий назад. Так ещё в 1990 г. Комитетом конституционного надзора СССР (ныне его полномочия реализует Конституционный Суд РФ) были признаны не соответствующими ст. 160 Конституции СССР¹¹ (данная статья посвящена презумпции невиновности) нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, дающие возможность признавать лицо виновным в совершении преступления без рассмотрения дела в суде, поскольку только неукоснительное соблюдение принципа презумпции невиновности обеспечивает правовую защиту личности от необоснованного обвинения в совершении преступления (п. 1 Заключения Комитетом консти-

8 Апелляционное определение Четвёртого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2022 г. по делу № 66а-1117/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.06.2023).

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 5203.

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 44. Ст. 6821.

11 Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята ВС СССР 7 октября 1977 г (ред. от 14 марта 1990 г.) // Свод законов СССР. 1990. Т. 3, С. 14.

туционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8¹² (далее – Заключение)).

Поэтому в науке уголовного права предлагается и диаметрально противоположное. Так, по мнению Я.Н. Ермоловича, в данном ключе, для разрешения сложившейся проблемы вообще необходимо «лишение органов предварительного расследования права освобождения от уголовной ответственности, наделение правом освобождения от уголовной ответственности только судов» [10, с. 78]. Безусловно, такое нововведение решает данный вопрос, собственно говоря, ликвидируя его. Однако оно кажется нецелесообразным, ведь, как минимум, это противоречит принципу процессуальной экономии, исходя из которого данный институт и создавался, поскольку тогда нагрузка на суд станет ещё большей, чем та, которая есть сегодня.

Нам, в свою очередь, в разрешении данной проблемы видится правильным руководствоваться Конституцией РФ (ч. 1 ст. 49) и, во-первых, не лишать органы предварительного расследования права освобождать от уголовной ответственности (отказываться от уголовного преследования), во-вторых, окончательно «закрыв» данную научную дискуссию, на законодательном уровне (например, детализируя презумпцию невиновности в ст. 14 УПК РФ (не стоит настолько расширять норму Конституции РФ, она не предназначена для этого)) закрепить обязанность (норму-запрещение) правоприменителя при принятии соответствующего акта воздержаться от изложения вывода о виновности лица (такая обязанность по действующему российскому законодательству вытекает лишь из системного толкования норм Конституции РФ, УК РФ и УПК РФ, что и порождает как правоприменительные ошибки, так и научный диспут), обратное будет являться незаконным. Обязывание же органов предварительного расследования констатировать в соответствующем постановлении «полную и несомненную невиновность» [11, с. 232], как того предлагает профессор В.М. Савицкий, будет, на наш взгляд, вторгаться в компетенцию суда, ведь окончательно вопрос о виновности разрешает именно он, а при освобождении от уголовной ответственности лицо становится невиновным уже в силу закона (как представляется, это также является проявлением принципа сдержек и противовесов российской системы разделения властей), это, в таком случае, не требует дополнительных пояснений (закреплений) со стороны правоприменителя.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что освобождение от уголовной ответственности не влечёт признания лица виновным, тем самым оно, приобретая статус подвергавшегося уголовному преследованию лица, законно и обосновано избегает (кроме несовершеннолетних – ч. 4 ст. 90 УК РФ) негативных правовых последствий (мер государственного принуждения), которые наступили бы в случае вынесения обвинительного приговора (в первую очередь, лицо избегает уголовного наказания) ввиду отсутствия основания.

Однако, к сожалению, данный конституционно-обоснованный постулат был актуален только до 23 декабря 2010 г. Это дата вступления в силу Федерального закона от 23 декабря 2010 г. № 387-ФЗ¹³ (далее – ФЗ № 387-ФЗ), который стал «пионером» в создании в системе российского законодательства ограничений,

12 Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 39. Ст. 775.

13 О внесении изменений в статью 221 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 декабря 2010 г. № 387-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 7002.

связанных с освобождением от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Позже в указанном правиле крупную брешь пробил Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹⁴: он ввёл такое условное основание освобождения от уголовной ответственности как назначение судебного штрафа (ст. 762 УК РФ). Заранее отметим, что оно не является непосредственным предметом настоящего исследования, поскольку проблемы судебного штрафа, под которым понимается «не ответственность вообще, а всего лишь возможность, предоставленная подозреваемому, загладить причинённый им вред, сделать “доброе дело”» [12, с. 124], в контексте нарушения презумпции невиновности и не только, на наш взгляд, уже глубоко проанализированы в соответствующей работе профессором И.А. Клепицким.

Итак, продемонстрируем, какие на сегодняшний день предусмотрены ограничения для лиц, подвергавшихся уголовному преследованию и освобождённых от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным, в том числе, и УК РФ, которые с 2010 г. законодательно ввёл ФЗ № 387-ФЗ и не только.

1) Согласно абз. 1 и 3 ч. 2 ст. 331 Трудового кодекса Российской Федерации¹⁵ (далее – ТК РФ) к педагогической деятельности не допускаются лица, подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (кроме ст. ст. 128, 1281 УК РФ), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, а также против общественной безопасности.

Представляется не весьма ясным критерий столь избирательного подхода к выбору именно этих видов преступлений, поскольку схожие по характеру и степени общественной опасности, тяжести преступные деяния находятся и в других главах УК РФ. Чем, например, обусловлено то, что преподаватель, склонивший совершеннолетнего студента к массовым беспорядкам (ч. 11 ст. 212 УК РФ), но освобождённый от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ) от педагогической деятельности будет отстранён, поскольку данное преступление относится к преступлениям против общественной безопасности, а преподаватель-практик, незаконно возбудивший уголовное дело из личной заинтересованности, что повлекло причинение крупного ущерба (ч. 3 ст. 299 УК РФ), и также освобождённый от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ) – не будет, так как данное преступление направлено против правосудия. В обоих случаях преступления являются тяжкими (даже санкции одинаковые), только почему-то один «заслужил» ограничений, а другой нет. Как представляется, логически-обоснованного ответа на этот вопрос найти нельзя. На наш взгляд, такая казуистичная и несистемная выборка определена только лишь актуальностью государственно-политической повестки, но никак не выверенным научно-обоснованным анализом, что резко снижает качество нашего законодательства.

14 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

15 Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

2) Согласно пп. 9 п. 1 ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации¹⁶ (далее – СК РФ) усыновителями не могут быть лица, подвергавшиеся уголовному преследованию за те же вышеперечисленные виды преступлений (за исключением преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства). Если же преступления из этих видов относятся к категории небольшой или средней тяжести (ч. 2 и 3 ст. 15 УК РФ), то, согласно пп. 10 п. 1 ст. 127 СК РФ, лишить права на усыновление может только суд в случае признания лица представляющим опасность для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого ребёнка. Таким образом, можно прийти к выводу, что для тяжких и особо тяжких (ч. 4 и 5 ст. 15 УК РФ) преступлений из ранее указанных видов установлен императивный (в силу закона) запрет на усыновление, а для небольшой и средней тяжести – диспозитивный (на основании судебного акта).

3) Согласно абз. 1 и 3 п. 1 ст. 146 СК РФ опекунами и попечителями не могут быть лица, подвергавшиеся уголовному преследованию за те же вышеперечисленные виды преступлений (за исключением преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства).

4) Согласно ч. 1 ст. 3511 ТК РФ лица, подвергавшиеся уголовному преследованию за те же вышеперечисленные преступления, не допускаются к трудовой деятельности в следующих сферах: (1) образование, (2) воспитание, (3) развитие несовершеннолетних, (4) организация отдыха и оздоровления несовершеннолетних, (5) медицинское обеспечение, (6) социальная защита и социальное обслуживание, (7) детско-юношеский спорт, (8) культура и искусство с участием несовершеннолетних.

Отметим, что данные сферы формально ограничены общим критерием: указанным лицам нельзя работать в тех местах, где есть несовершеннолетние, поскольку данными лицами на них будет оказано негативное воздействие (в том числе именно этим было мотивировано принятие ФЗ № 387-ФЗ¹⁷). Однако, как представляется, практически не существует мест из указанных сфер, где не может оказаться несовершеннолетний. Например, любой несовершеннолетний может сходить в любой кинотеатр на премьеру детского мультфильма или в краеведческий музей своего города на просветительскую экскурсию. Оба этих места относятся к сфере культуры и искусства, оба они являются общедоступными, значит их могут посещать несовершеннолетние (множество частного входит в множество общего; соотношение вида и рода), следовательно, указанным лицам осуществлять трудовую деятельность в этих местах нельзя. Таким образом, данная сфера *de facto* носит безграничный характер (хотя *de iure* ограничена), из-за чего, к примеру, лицо, подвергавшееся уголовному преследованию (с учётом ранее обозначенных условий) не сможет устроиться в тот же театр обычным билетёром. В такой ситуации трудно себе представить как именно билетёр будет негативно влиять на несовершеннолетнего.

К счастью, правоприменительная практика ещё позволяет себе толковать законы не вопреки здравому смыслу, но, к сожалению, не по первой инстанции. Например, вот такая жизненная ситуация: представитель работодателя (ФГБУ «Санаторий работников органов прокуратуры Российской Федерации “Электроника”» (далее – Санаторий)) при проведении собеседования потребовал у ФИО 1

16 Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

17 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 221 Федерального закона “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/408064-5> (дата обращения: 29.06.2023 г.).

(инвалида II группы по общему заболеванию бессрочно, желавшего устроиться контролёром контрольно-пропускного пункта в Санаторий) справку о наличии (отсутствии) судимости (на самом деле и о факте уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, других видов данных справок сегодня не существует (об этом подробнее будет сказано далее)), а он, в свою очередь, считая такое требование работодателя не основанным на законе, отказался предоставлять её, в связи с чем в трудоустройстве ему было отказано. В результате Судебная коллегия по гражданским делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции¹⁸ подтвердила верность вывода суда апелляционной инстанции, который признал не соответствующему закону (на самом деле, только его системно-расширительному толкованию вкупе со здравым смыслом) тезис суда первой инстанции о том, что, поскольку предметом деятельности Санатория является организация отдыха и оздоровления не только прокурорских работников, федеральных государственных гражданских служащих иных работников, а также пенсионеров органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации, но и членов их семей (а следовательно, и детей), то поэтому включение требования о предоставлении справки о наличии (отсутствии) судимости при поступлении на работу (то есть любые должности в данном Санатории) правомерны. На этом основании суд апелляционной инстанции (с чем согласилась и Судебная коллегия по гражданским делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции) признал, что требования истца о признании незаконным отказа в приёме на работу являются обоснованными.

5) Согласно абз. 2 п. 4 ст. 221 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ¹⁹ (далее – ФЗ № 129-ФЗ) если физическое лицо намерено осуществлять отдельные виды предпринимательской деятельности в выше обозначенных сферах и если оно подвергалось уголовному преследованию за те же ранее указанные преступления, то не допускается его регистрация в качестве индивидуального предпринимателя (то есть ему запрещено осуществлять обозначенную деятельность, ведь в противном случае можно будет усмотреть признаки преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ).

6) Согласно п. 4 ч. 4 ст. 17 Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ²⁰, п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ²¹, п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ²² не может быть принят на службу в (1) органы принудительного исполнения, (2) уголовно-исполнительной системе, (3) органы внутренних дел, соответственно, гражданин, который подвергался уголовному преследованию и был освобождён от уголовной ответственности на основании ст. ст. 75, 76 (кроме уголовных дел частного обвинения,

18 Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 1 февраля 2023 г. № 88-37553/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2023 г.).

19 О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

20 О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 40. Ст. 5488.

21 О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федер. закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 30. Ст. 4532.

22 О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

прекращённых не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы принудительного исполнения), 78, 84 УК РФ.

В данном ограничении также не весьма ясен критерий избирательного подхода к выбору видов оснований освобождения от уголовной ответственности. Получается, например, если гражданину, планирующему в дальнейшем попасть на службу в органы принудительного исполнения, при освобождении от уголовной ответственности за совершённое преступление небольшой тяжести будет «выгоднее» не мириться с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), а просто выплатить государству судебный штраф (ст. 762 УК РФ), ведь в таком случае у него остаются все шансы реализовать задуманное. Таким образом, само государство в лице законодателя говорит ему не мириться, то есть не пытаться восстановить нарушенные общественные отношения (социальные связи – объект преступления), а просто «откупиться» от содеянного, поощряя это сохранением возможности попадания на службу. Как представляется, это демонстрирует пробельность и казуистичность законодательства.

Нами были представлены и проанализированы все ограничения в действующем законодательстве. На наш взгляд, прослеживается устойчивая тенденция по нормативизации такого рода ограничений. Это, в том числе, подтверждается и тем, что в настоящее время готовится ещё ряд изменений в российское законодательство соответствующего характера. Так, согласно абз. 2 и 3 пп. «б» п. 5 «Национального плана противодействия коррупции на 2021 – 2024 гг.»²³ Генеральной прокуратуре РФ с участием иных правоохранительных органов (в целях краткости они перечислены не будут) поручено подготовить предложения по установлению:

(1) запрета на поступление на федеральную государственную службу и её прохождение в отдельных федеральных государственных органах (исходя из специфики их деятельности), запрета на приём на работу по трудовому договору в эти федеральные государственные органы и осуществление в них трудовой деятельности для граждан, освобождённых от уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности с назначением судебного штрафа в соответствии со ст. 762 УК РФ;

(2) ограничений, связанных с назначением на должность руководителя государственного (муниципального) унитарного предприятия или государственного (муниципального) учреждения лица, имеющего неснятую (непогашенную) судимость или подвергавшегося уголовному преследованию за совершение преступлений коррупционной направленности (за исключением случаев, когда уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям), а также ограничений, связанных с замещением указанным лицом такой должности.

Как с практической точки зрения, например, работодателю выяснить, что лицо, желающее работать педагогом, не имеет (или же имеет) правовой статус лица, подвергавшегося уголовному преследованию? Отвечая именно на этот вопрос ФЗ № 387-ФЗ, как говорит профессор И.А. Клепицкий, «справка о судимости (была – А.Ш., Г.Ш.) испорчена» [13, с. 52], поскольку был принят новый соответствующий административный регламент. До поправок 2010 г. действовала «Инструкция о порядке предоставления гражданам справок о наличии (отсут-

23 Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

ствии) у них судимости»²⁴ (далее – Инструкция), после – утверждён «Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования»²⁵, на сегодняшний день действует одноимённый Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации²⁶ (далее – Регламент). Изначально справка о наличии (отсутствии) судимости (далее – справка о судимости) в Инструкции не предполагала отражения факта освобождения от уголовной ответственности. С принятием же Регламента всё поменялось, и изначально предназначенная для подтверждения негативных правовых последствий от обвинительного приговора справка о судимости стала отображать ещё и информацию об отказе государства от уголовного преследования (п. 76.4., приложение № 4 Регламента).

Представляется, что такое нормативное удостоверение факта отказа от возбуждения дела либо прекращения уголовного преследования или уголовного дела породило в реальной жизни проблему иного рода: увеличение латентности незаконных отказов в приёме на работу. Работодатели (в данной ситуации не подразумеваются виды и сферы трудовой деятельности, входящие в ограничения, указанные ранее) в поисках ценных и совершенных кадров при трудоустройстве требуют от лиц, ищущих работу, вопреки абз. 7 ч. 1 ст. 65 ТК РФ, предоставить ту самую справку о судимости. Потенциальные работники в целях не упустить возможность заключить трудовой договор осознанно либо нет («на сегодняшний день правовое просвещение граждан Российской Федерации является одной из приоритетных задач государственной политики» [14, с. 114]) её предоставляют. Работодатель, видя, что справка о судимости испорчена, при этом не осознавая, что испорчена она не судимостью, а освобождением от уголовной ответственности, отказывает лицу в приёме на работу, что противоречит действующему трудовому законодательству, ведь отказать в заключении трудового договора можно только, согласно ч. 2 ст. 64 ТК РФ, на основании несоответствия деловым качествам. Лицо же, в свою очередь, не предпринимает соответствующих действий, чтобы оспорить данный отказ, поскольку этот процесс не будет являться быстрым (потребность же в трудоустройстве сохраняется) и незатратным. Поэтому, на наш взгляд, удостоверение факта освобождения от уголовной ответственности не должно быть допущено фиксацией его в справке о судимости, ведь данный документ изначально был создан с целью подтверждения наличия (отсутствия) судимости, являющейся «уголовно-правовым состоянием лица, осуждённого за совершение преступления» [7, с. 146], а клиповое, ассоциативное мышление, к сожалению, нередко не позволяет неюрисстам разделить две данные совершенно разные правовые категории.

24 Приказ Министра внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 965 (ред. от 17 ноября 2005 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления гражданам справок о наличии (отсутствии) у них судимости» // Российская газета. 2002. 23 янв.

25 Приказ Министра внутренних дел России от 7 ноября 2011 г. № 1121 (ред. от 22 августа 2017 г.) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования» // Российская газета. 2012. 11 янв.

26 Приказ Министра внутренних дел России от 27 сентября 2019 г. № 660 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 29.06.2023).

Теперь же рассмотрим, чем по своей правовой природе являются данные ограничения. Условиями освобождения от уголовной ответственности? Нет, ведь все необходимые для этого условия уже «заложены» в соответствующих нормах УК РФ, с такой позиции эти ограничения – лишь негативные правовые последствия, не зависящие от воли лица. Может быть, это меры профилактики, чтобы снизить высокую вероятность совершения освобождёнными при данных условиях (речь идёт о содержании ограничений) правонарушений? Представляется, что тоже нет, ведь если это действительно так, то, как отмечает профессор И.А. Клепицкий, «следующим шагом может стать сожжение живьём как мера профилактики против заразных болезней ... на основании распоряжения инспектора санэпиднадзора» [13, с. 55]. Возможно это уголовное наказание? Формально (*de iure*) тоже нет, ведь указанные ограничения не нашли своего отражения в ст. 44 УК РФ, содержащей все возможные виды уголовных наказаний. А вот *de facto* по содержанию, на наш взгляд, эти ограничения – и есть не что иное как уголовные наказания (или же проявления парауголовной ответственности, предусмотренной одноимённым правом, под которым понимаются, как указывает профессор И.А. Клепицкий, «системы правовых норм, позволяющих властям наказывать людей, не применяя при этом нормы уголовного права и, как правило, за рамками уголовного судопроизводства» [13, с. 79]).

Да, данные ограничения не отражают признаков уголовного наказания, указанных в его определении в ч. 1 ст. 43 УК РФ, однако и эта дефиниция «не содержит норм материального права» [8, с. 119], а всего лишь утверждает, что «уголовное наказание есть то, что названо наказанием в УК РФ, его статье 44» [8, с. 120]. В чём же тогда заключается сущность наказания? Как указывает профессор И.А. Клепицкий, «в его строгости, большей или меньшей. ... Наказание – всегда кара, страдание и лишение» [8, с. 120, 122]. Разве приведённые ограничения не являются строгими? На наш взгляд, являются, ибо они носят, внимание, пожизненный характер (поскольку законодательно ограничений во времени нет), тем самым навсегда лишая человека возможности осуществлять определённую деятельность. На самом деле, ликвидация пожизненного характера данных ограничений предусмотрена законом и то только в трёх случаях (описанные ограничения № 1, 4, 5). Так, согласно ч. 3 ст. 331, ч. 3 ст. 3511 ТК РФ, абз. 3 п. 4 ст. 221 ФЗ № 129-ФЗ лица допускаются к соответствующим видам деятельности при наличии решения о допуске их к ним, выданном комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ (далее – Комиссия). Однако данный правовой механизм, как представляется, является малоэффективным, поскольку зачем данной Комиссии брать на себя моральную ответственность за то, что она разрешила «преступнику» (помним про распространённость на сегодняшний день отрицательного ассоциативного мышления и актуальность правового просвещения), например, работать охранником или кочегаром в школе.

Лишение свободы (как одно из самых строгих уголовных наказаний в соответствии со ст. 44 УК РФ) носит ограниченный во времени характер (максимум – 20 лет (ч. 2 ст. 56 УК РФ)), а пожизненное лишение свободы предусмотрено только за самые опасные преступления и усечено критерием пола субъекта преступления (ст. 57 УК РФ). Таким образом, можно сделать вывод, что эти ограничения даже жёстче (строже) самого строгого уголовного наказания. Помимо этого, данные меры государственного принуждения (принуждение реализуется путём наложения пожизненного запрета) не на основании закона массово порождают негативные последствия (речь идёт о вышеописанных ситуациях с незаконными отказами в приёме на работу по причине испорченности справки о судимости записью об освобождении от уголовной ответственности), что также обуславли-

вает их чрезмерную строгость и затрудняет ресоциализацию соответствующих лиц в обществе. Причём, как представляется, знак равенства между указанными мерами государственного принуждения и уголовным наказанием ставит и сам законодатель, ведь рассмотренные ограничения в полной мере распространяются и на лиц, имеющих судимость, значит, для него нет отличий между тем, кто признан судом виновным, и тем, кто освобождён от уголовной ответственности.

Если же указанные ограничения фактически являются наказаниями, то, с этой точки зрения, соответствует ли это ч. 1 ст. 49 Конституции РФ: презумпции невиновности, ведь уголовное наказание может быть назначено только приговором суда? Представляется, что нет, поскольку уголовное наказание (те самые ограничения, меры государственного принуждения) назначается невиновному лицу, которого государство освобождает от уголовной ответственности. Данный вывод, как представляется, косвенно подтверждает и профессор Г.А. Есаков, указывающий, что «прекращение уголовно-правовых последствий не означает прекращения гражданско-правовых или дисциплинарно-взыскательных отношений, возникших в связи с совершением лицом преступления, от уголовной ответственности за которое оно освобождено» [15, с. 333]. Как мы выяснили, на самом деле, по содержанию данные формально неуголовные последствия фактически являются наказаниями.

Эта проблема не нова (история повторяется), поэтому мы соглашаемся с профессором И.А. Клепицким в том, что «сегодня стирается грань между наказаниями, иными мерами принуждения и мерами безопасности ... Имеет место выраженная тенденция к внедрению строгих мер принуждения за рамками уголовного права и вопреки его принципам» [8, с. 123]. Так, ещё в 1990 г. Комитет конституционного надзора СССР указанным ранее Заключением признал нарушением конституционного принципа презумпции невиновности то, что по действующему ранее законодательству в случае прекращения уголовного производства к лицу применялись меры административного взыскания или общественного воздействия, и это правильно.

Действительно, в данном ключе в своём конституционно-правовом смысле, как отмечает профессор Т.Г. Морщакова, «формулируя требования к характеру взаимоотношений между личностью и государством в связи с уголовным преследованием, презумпция невиновности возлагает обязанность обращаться с лицом (до вступления в законную силу вынесенного в отношении него обвинительного приговора) как с невиновным не только на органы уголовного судопроизводства, но и на все другие инстанции, от которых, в частности, зависит реализация правового статуса личности в области социальных, трудовых, избирательных, жилищных и других прав (также гражданских – А.Ш., Г.Ш.)» [5, с. 463]. Данную позицию толкования ч. 1 ст. 49 Конституции РФ полностью разделяет и, например, профессор С.В. Нарутто [16, с. 101-102]. Причём, отметим, что именно в таком смысле презумпцию невиновности воспринимает, к примеру, та же Германия, где «в отличие от России, нет формальных ограничений прав и свобод граждан, освобождённых от уголовной ответственности» [13, с. 57]. Таким образом, мы считаем доказанным тот факт, что действующие в настоящее время меры государственного принуждения (пожизненные ограничения), применимые к лицам, освобождённым государством от уголовной ответственности по основаниям УК РФ, не соответствуют принципу презумпции невиновности, оттого в корне противоречат Конституции РФ.

Данная ситуация ещё раз, как представляется, является подтверждением слов профессора И.А. Клепицкого о том, что «законотворчеством должны заниматься юристы самой высокой квалификации, ведущие специалисты в соответствующей

щих отраслях права, а не депутаты и их помощники. Задача последних – формулировать политическую волю» [17, с. 648].

Итак, кратко обобщим полученные в ходе исследования выводы:

1. На нормативном уровне (в первую очередь, конституционном) в настоящее время действует простое правило: никто, кроме суда, не может делать вывод о виновности в совершении преступления ни в каких-либо актах, кроме приговора (принцип презумпции невиновности). Однако в практике нередко данный постулат нарушается (есть даже предложения легализовать данное отклонение), поэтому в целях его детализации и предотвращения такой неправильной практики предлагается на законодательном уровне закрепить пассивную обязанность правоприменителя не делать вывод о виновности в акте освобождения от уголовной ответственности.

2. Обусловленные актуальностью государственно-политической повестки ограничения, предусмотренные для лиц, подвергавшихся уголовному преследованию, носят исключительно казуистичный характер, что нарушает принцип справедливости (а ведь «согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом [18, с. 131]») и только доказывает низкий уровень юридической техники российской системы законодательства.

3. Меры государственного принуждения (ограничения), применяемые к лицам, подвергавшимся уголовному преследованию, исходя из своей строгости (проявляющейся, в первую очередь, их пожизненным характером) являются уголовными наказаниями, поэтому само значение института освобождения от уголовной ответственности в корне подорвано.

4. Существующий механизм закрепления правового статуса лиц, подвергавшихся уголовному преследованию: через справку о судимости, расширяет карательное содержание ограничений, применимых к ним, добавляя, по сути, новые.

5. Законодательное закрепление и применение мер государственного принуждения (ограничений) к лицам, подвергавшимся уголовному преследованию, противоречит презумпции невиновности и, тем самым, нарушает Конституцию РФ, то есть соответствующие нормы носят неконституционный характер, ведь нельзя наказывать невиновного человека.

Предложения по решению указанных материально-правовых проблем:

1. «План максимум» (разрешит сложившиеся проблемы): поскольку применяемые меры государственного принуждения к лицам, подвергавшимся уголовному преследованию, противоречат Конституции РФ, то необходимо устранить их действие в отечественной законодательной системе. В данном случае у законодателя есть два пути: ликвидировать институт освобождения от уголовной ответственности из УК РФ, как это и было сделано в своё время после Заключения Комитета по конституционному надзору СССР, поскольку тогда и не будет лиц, к которым эти меры можно применить, или устранить сами меры (и, соответственно, исправить справку о судимости) и в данном ключе привести законодательство в состояние на момент до принятия ФЗ № 387-ФЗ (то есть до 2010 г.). Как представляется, институт освобождения от уголовной ответственности имеет своё большое гуманистическое, демократическое и целесообразное значение, поэтому не заслуживает быть исключённым из УК РФ, оттого правильным видится пойти по второму пути.

2. «План минимум» (не разрешит сложившихся проблем, но уменьшит их степень): исправить справку о судимости, разработав иной механизм фиксации правового статуса лица, подвергавшегося уголовному преследованию.

Библиографический список:

1. *Файзуллина Д.Р.* История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // *Russian Journal of Economics and Law*. 2008. № 2 (6). С. 151-157.
2. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой. – М.: Проспект, 2019. 416 с.
3. *Казарин Д.М., Рябчиков В.В.* Реабилитирующие и нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования: актуальные вопросы правоприменительной практики // *Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet»*. 2022. № 2. С. 1220-1227.
4. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 784 с.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.
6. *Кириллова Н.П.* Некоторые проблемы реализации уголовно-правовых норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2010. № 1. С. 84-93.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / И.А. Клепицкий. – 9-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. 710 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/24764>.
8. Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2023. 288 с.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. 1344 с.
10. *Ермолович Я.Н.* Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство необходимо совершенствовать (Научно-практический комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих” в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина» от 8 ноября 2016 г. № 22-П) // *Право в Вооруженных Силах*. 2017. № 2. С. 72-78.
11. *Савицкий В.М.* Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. – М.: Госюриздат, 1959. 262 с.
12. *Клепицкий И.А.* Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности // *Lex Russica*. 2020. № 12 (169). С. 118-130. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.118-130.
13. *Клепицкий И.А.* Новое экономическое уголовное право: монография – М.: Проспект, 2022. 984 с.
14. *Юсова К.В.* Важные аспекты участия прокуратуры

References:

1. *Fayzullina D.R.* (2008). The History of the Development of the Institute of Exemption from Criminal Liability and Punishment in Russia. *Russian Journal of Economics and Law*. 2 (6). pp. 151-157
2. *Gracheva Yu.V.* (Ed) (2019). *Criminal Law of the Russian Federation. General Part: Textbook*. Moscow: Prospekt. p. 416
3. *Kazarin D.M., Ryabchikov V.V.* (2022). Rehabilitating and Non-Rehabilitating Grounds for Termination of a Criminal Case and Criminal Prosecution: Topical Issues of Law Enforcement Practice. *Scientific and educational journal for students and teachers «StudNet»*. 2. pp. 1220-1227
4. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.B.* (2023). *Criminal Procedure: Textbook*, ed. by A.V. Smirnov, 8th ed. Moscow: Norm: INFRA-M. p. 784
5. *Zorkin V.D.* (2013). *Commentary on the Constitution of the Russian Federation*, 3rd ed. Moscow: Norm: INFRA-M. p. 1040
6. *Kirillova N.P.* (2010). Some Problems of Implementation of Criminal Law Norms Regulating Exemption from Criminal Liability and Punishment. *Bulletin of Saint-Petersburg University. Law*. 1. pp. 84-93
7. *Klepitskij I.A.* (2018). *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (An Article-by-Article)*, 9th ed. Moscow: RIOR: INFRA-M. p. 710
8. *Rarog A.I.* (Ed) (2023). *The Quality of the Criminal Law: Problems of the General Part: Monograph*. Moscow: Prospekt. p. 288
9. *Brilliantov A.V.* (Ed) (2022). *Criminal Law of Russia. Parts General and Special: Textbook*, 3rd ed. Moscow: Prospekt. p. 1344
10. *Yermolovich Ya.N.* (2017). Criminal and Criminal Procedural Legislation Needs to be Improved (Scientific and Practical Commentary to the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation «On the Case of Checking the Constitutionality of Paragraph Three of Article 5 and Paragraph 5 of Article 8 of the Federal Law «On Material Liability of Military Personnel» in Connection with the Complaint of Citizen D.V. Bataragin» Dated November 8, 2016 No. 22-P). *Law in the Armed Forces*. 2. pp. 72-78
11. *Savitsky V.M.* (1959). *Prosecutor's Supervision of the Inquiry and Preliminary Investigation*. Moscow: Gosyurizdat. p. 262
12. *Klepitskij I.A.* (2020). Judicial Fine as an Alternative to Criminal Liability. *Lex Russica*. 12 (169). pp. 118-130
13. *Klepitskij I.A.* (2022). *New Economic Criminal Law: Monograph*. Moscow: Prospekt. p. 984
14. *Yusova K.V.* (2022). Important Aspects of the Prosecutor's Office's Participation in Legal Education. Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law: Materials of the XXI International Conference of Young Scientists: in 3 Vol. Vol. 1. Moscow: Publishing Center of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). pp. 114-116

- туры в работе по правовому просвещению // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Международной конференции молодых ученых: в 3 т. Т. 1. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 114-116.
15. *Есаков Г.А.* Экономическое уголовное право: Общая часть: монография – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 359 с.
  16. Комментарий к Конституции Российской Федерации: нормативная литература / С.В. Нарутто. – М.: КНОРУС, 2021. 452 с.
  17. *Клепицкий И.А.* Преодоление аномии на примере конкретной ситуации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 4. С. 640-651. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).640-651.
  18. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Проспект, 2020. 392 с.
  15. *Esakov G.A.* (2019). The Economic Criminal Law: The General Part: Monograph. Moscow: HSE Publishing House. p. 359
  16. *Narutto S.V.* (2021). Commentary on the Constitution of the Russian Federation: Normative Literature. Moscow: KNORUS. p. 452
  17. *Klepitskij I.A.* (2015). Overcoming Anomie: a Case Study. Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law. 4. pp. 640-651
  18. *Batyr K.I., Polikarpova E.V.* (Eds) (2020). Anthology on the History of State and Law of Foreign Countries: Study Guide: in 2 Vol. Vol. 1. Moscow: Prospekt. p. 392